

Вячеслав
Малежик

СНЕГ ИДЕТ СТО ЛЕТ...

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ
www.argumenti.ru - выходит по четвергам

ЗАО «СВР-МЕДИАПРОЕКТЫ»

МОСКВА

2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М18

Иллюстрации в книге
Татьяна и Екатерина Очередыко

Фото на обложке
Георгий Дубенецкий
Александр Деркач

Малежик, Вячеслав Ефимович.

Снег идет сто лет... / Вячеслав Малежик. – М.: ЗАО «СВР-Медиапроекты», 2013. – 320 с.

ISBN 978-5-905667-24-4

М18 Зайдя на страницу Вячеслава Малежика в Интернете, мы удивились плодовитости этого автора и исполнителя – около тридцати альбомов выпустил он за свою долгую творческую жизнь.

Теперь музыкант стал еще и литератором и за короткое время сумел написать две книги, которые, мы уверены, увлекли читателя. И вот уже готова третья. «Автобиография ли это?», – спросили мы Вячеслава. «Скорее это биография парней и девчонок моего поколения, – ответил он. – И те читатели, чья молодость пришлась на вторую половину второй половины 20-го века, я думаю, согласятся со мной, узнав себя в героях моих рассказов...»

ISBN 978-5-905667-24-4

© Малежик В., 2013
© ЗАО «СВР-Медиапроекты», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

С чувством глубокой благодарности партии и правительству и лично Генеральному секретарю ЦК КПСС я приступал к написанию своей третьей книги. Свершения и успехи, достигнутые нашей страной, в том числе и мной, после выхода «Портретов и прочих художеств», правдиво отражены в моей новой работе «Снег идет сто лет...».

Величие и богатырская поступь народа-победителя не могли не найти отклика в моей душе.

Какие же невероятные сложности пришлось преодолевать простым труженикам нашей горячо любимой Родины, чтобы, несмотря ни на что, продолжать победоносное движение к светлым далям, так мудро обозначенным руководством страны! Дружба и любовь, безграничная преданность родной партии – вот те родники, которые подпитывали персонажей моей книги.

А если сказать честно, то надо отметить, что истинным героем моего повествования является простой народ, который так искренне радуется успехам трудового коллектива, подставляя надежное плечо в минуту испытаний.

Читая мои рассказы, вы прикоснетесь к истокам, чистым истокам нашей жизни, и еще раз убедитесь, как хороша и своевременна бывает шутка, вспомните, что слезы бывают не только горькими...

Я сейчас пишу эти строки, и две слезинки скатились на лист бумаги. И мне не стыдно за них... Да, это мужские слезы, слезы очищения. Поплачь, поплачь

со мной и ты, мой читатель, а затем с легким сердцем возьми за отбойный молоток или мастерок строителя, кувалду железнодорожного обходчика или штурвал космического корабля.

И пусть наша жизнь будет светлее от этих моих рассказов и пусть кто-то скажет мне спасибо за то, что я со своей новой книгой пришел вовремя.

А я бы и рад сказать, да только о чем я с ней болтал во время первого свидания и на каком языке, не помню. А она:

– Я готова вам помочь, мил-человек, да честь свою и своих производителей, то есть родителей, выше всего ценю...

– Сударыня, да вы хоть намекните, о чем таком мы с вами намедни говорили?

– О разном, о всяком, а называли вы меня как-то нежно и одновременно емко. А еще, чтобы быть совсем неповторимым, вы говорили какие-то непонятки, шифровались, если говорить научным языком. И должна вам сказать, слова ваши запали мне глубоко в душу. И теперь я, как заколдованная принцесса, не могу принадлежать никому другому, да и тебе, голубь мой сизокрылый, не могу открыться, – сказала машина и надула губки.

– Да хоть на каком языке-то я с тобой обо всем об этом говорил? – начал я новый подход.

– Ничего такого лишнего вы не говорили и в целом были тактичны, но настойчивы в достижении своей цели. Я вам больше скажу, я почти сдалась. Да, да, да... Мне казалось, что наконец-то я встретила мужчину своей мечты. Мне очень нравятся свежие мозги...

– Свежие мозги только что убитого животного?

– Не пошлите, пожалуйста. Не нравятся свежие, скажу – нравятся острый ум и уверенные в себе руки.

– Ну, это не про меня...

– Я теперь понимаю, что не про вас. А слова? Вы же помните, что исторически я женского рода... Так вот – я тоже люблю ушами... И я еще раз признаюсь, что почти увлеклась вами, – сказала ЭВМ и отвернулась к стене.

– Да не надо мной увлекаться! Я взрослый серьезный мужчина, много чего в жизни повидавший, и мне нужны стабильные ровные отношения. И вас, между прочим, я не собираюсь обманывать. Не собираюсь, воспользовавшись Вашей слабостью и получив все, что наметил, отмахнуться от вас, как от назойливой мухи. Кстати, с Э-Вэ-Эмами у меня давно установлен прекрасный контакт. Я много и успешно предметно осваивал вашу маменьку. Она, вообще-то, не была столь многогранно организована и всесторонне развита, как вы, но плодом наших симпатий стала программа под названием «Кибернетический синтез музыки».

– Да, милый, я все это помню, но слово (!), вспомни слово, и я твоя. Пойми, это не просто женское кокетство...

– Я еще раз спрашиваю, на каком языке?

– А ты что, много их знаешь?

– Ну...

– Баранки гну, а еще мечтал о близости...

– И что прикажешь мне делать теперь?

– Хакера какого-нибудь пригласи, пусть, пусть поковыряется в моей душе.

– Ты говори, говори, да не заговаривайся.

– А чего ты боишься?

– Да не боюсь я ничего...

– Боишься, боишься... Знаешь, если во мне покопаться, сколько всего разного о тебе, моем любимом, узнать можно?

– А ты так прям и готова все выложить? – не без ехидства спросил я.

– А что, если у кого-то есть и руки умелые, и голова недырявая, а то вы все мужики...

– При чем здесь все мужики?

– А ты, Интернет твою мать, живи по-людски, и не надо будет бояться, что я кому-то душу открою, – почти по-человечески раздражаясь, прохрипел компьютер.

– Да твоя компьютерная душонка соврет – не дорого возьмет!

– Вот, вот... Я и говорю, вместо того чтобы Интернет ругать, займись своей душой. Почисти файлы, милый.

– Ваше компьютерное величество, я что-то не пойму, – обратился я к компу, – мы с вами на вы или на ты?

– Вы-то со мной на вы однозначно, но если вам для проникновения в мою душу легче обращаться на ты, ради бога, я готова. Поэтому вперед, милый!

– Что-то ты глючишь?

– Я-то глючу, но у меня есть возможность перезагрузиться, а ты...

– Хватит, кончай грузить.

– Видали? Он забыл пароль, а в итоге мы, компы, и виноваты. Ты же все время пел гимны во всяких там интервью чистой незашлакованной душе, не разочившейся любить и мечтать. Что, надоело мечтать, захотелось приземлиться и покопаться в нашем земном дурно пахнущем?..

– Да почему ты сразу про помойку?

– А-а-а, злишься, Юпитер? Наступила на любимую мозоль?

– Конечно, а если бы вспомнил пароль, то влез бы в твою душу, в Интернет, твою мать, нашел бы там средство от мозолей, и мы бы помирились.

– Вот видишь, когда нет меня, ты и мыслишь оригинально. Может, послать меня? – тихо спросила ненавистная машина.

– Но я же сказал, что смогу.

– А мы никому не скажем.

– Нет, все-таки хакер...

– Эх, милый... Модем-то ты какой купил? Вот-вот... Не согласуется он с моими программами, вот я и закипаю мозгами, а слово-то ты правильное мне шептал, и я рада бы «побежать за поворот», но модем, он не пускает, не дает...

– Ну, слава богу, – облегченно вздохнул я.

– Эх, дуралей, я же люблю тебя за то, что не похож ни на кого, некомпьютеризированный ты мой. Мне еще мамка рассказывала про «кибернетический синтез музыки» и про то, что тебе хватило сил сказать, уже после защиты этой работы, что это чушь и что никакой комп не «споеет от души». А ты хотел меня обвинить в «динамо». Дуралей, дуралей, иди ложись спать и радуйся, что завтра не надо будет опохмеляться Интернетом. А я... Так я тебя знаешь как люблю, знаешь, сколько я знаю про тебя, и это в основном хорошее. Так что ты всегда в моей душе. Спи!

ГОРНЫЙ КОРОЛЬ

- Владимир Сергеевич, взгляните на того парня около противоположного борта, – обратился тренер хоккейной команды мальчиков 1945 года рождения, что была на стадионе «Буревестник», к одному из руководителей взрослой команды «Динамо» Виноградову В.С.

– Да, в нем что-то есть...

– Есть-есть... Главное, что в нем есть лидерское начало, он – настоящий заводила, такие после войны становились главарями в бандах.

– Так уж, Александр Петрович, и главарями?

– Точно вам говорю. Он никогда не сдаётся. У него есть проблемы с техникой, клюшку может беречь, но дух, я вам скажу...

– Позови его к нам... Нет, лучше после тренировки, пусть останется, хочу с ним переговорить, – сказал Виноградов, закуривая.

Ребята закончили двухстороннюю игру и по свистку тренера подъехали к борту. Александр Петрович выехал на лед и приступил к разбору игры. Не сильно усердствуя в похвалах, он тем не менее отметил успехи парней, обратив внимание при этом на недостатки и на пути их устранения. Все это делалось достаточно тактично, чаще в сослагательном наклонении, стараясь не ранить тонкую ребячью душу, хотя в пятнадцать лет это уже почти взрослые мужчины.

– Ребята, в целом я вами доволен, послезавтра играем с «Крыльями», мы их должны победить! Все свободны, Соколова попрошу остаться, – подытожил тренер.

Мальчишки, шумно переговариваясь, пошли в раздевалку.

– Александр Петрович, что-то не так? – спросил Серега Соколов.

– Нет, Сережа, все так... Я тобой доволен; хочу тебя познакомить с одним из тренеров взрослого «Динамо».

– А зачем?

– Пошли-пошли... Много будешь знать, скоро состаришься.

Они подъехали к противоположному борту, где стоял Виноградов.

– Ну здорово, хоккеист!

– Здравствуйте.

– Как поживаешь, где живешь, как учишься?

– Да здесь рядом живу, на Палихе. Учусь? Да нормально учусь, без троек, но и не отличник.

– Я, знаешь, тоже отличников не люблю...

– А я не говорил, что я их не люблю. У нас парень есть в классе, Стрелков его фамилия, так мне он нравится. Он столько всего знает, с ним так интересно. А я? Я просто хоккеем очень люблю... А когда я чем-то увлечен, то, знаете, меня не хватает на что-то еще.

– Вот ты какой парень!

– Какой?

– Да ершистый, со своим мнением. Это, с одной стороны, хорошо, но ты все-таки следи за своим языком.

– Так у нас же оттепель!

– Это ты откуда взял?

– В газетах прочитал.

– А-а-а... Ты вот что... Можешь завтра на «Динамо» на тренировку заскочить? Я хочу тебя главному показать. Кстати, звать-то тебя как?

– Серегой... А я хотел бы вместе с ребятами из своей тройки показаться.

– Я бы, ты бы... Здесь я говорю, что надо, а хотеть не вредно... Так придешь? Серега?

– Я подумаю...

– Чего думать, Сережа, – встрял в разговор Александр Петрович, – такие предложения делаются один раз. Ты представь, это же «Динамо» – Крылов, Жибуртович, Петухов...

– Хорошо... Когда и куда завтра?

– Завтра после школы в 14:30 у таблицы футбольного первенства. Знаешь, где это? – спросил Виноградов.

– Знаю. Я приеду. Что с собой взять: коньки, клюшку, форму?

– Приезжай сам, на месте разберемся.

– Договорились, мне можно идти?

– Иди...

Сергея пошел в раздевалку уверенной, даже с каким-то вызовом походкой.

– Какой парень! Александр Петрович, где ты его нашел? – отрывая взгляд от Соколова, спросил Виноградов.

– Да нигде я его не искал. Пришел сам и записался в секцию.

– Ты знаешь, в нем есть характер. Такие в спорте, а особенно в игровых видах...

– Да почему только в игровых, да и не только в спорте... В жизни.

– Но наша-то жизнь это спорт, поэтому нам его нельзя упустить. Кстати, ты обратил внимание на его физиономию? Что-то в ней от Пушкина есть – этакое зверино-первобытное.

– Владимир Сергеевич, да просто мужик в нем есть, вот и все, – усмехнулся Александр Петрович.

– А взгляд?! Он же по возрасту в общем-то пацан, но удар держит. Спасибо за парня. Главное – довести до ума.

– Вы уж там постарайтесь, думаю, к Олимпиаде 64-го из него может получиться отличный центр. А как тебе его фраза «я хотел бы с ребятами из своей тройки показаться»?

– Да, орел...

Довольные друг другом Александр Петрович и Владимир Сергеевич вышли со стадиона и на трамвае поехали в сторону метро «Ботанический сад».

Сергея тем временем шел домой на свою Палиху, не очень заморачиваясь на обещания этого представительного дядьки в пальто с воротником из

каракуля, которое было надето на динамовский тренировочный костюм, проглядывавший под модным красным шарфом. Он пересек площадь Коммуны, на которой главенствовал театр Советской Армии. Кто-то ему рассказал, что среди архитекторов был организован конкурс на лучший проект театра. Победил проект Алабяна, которому за день или за два до окончания срока пришла в голову мысль сделать это здание в виде символа советской эпохи – пятиконечной звезды. И Алабян выиграл. И теперь это здание с бессмысленными и бесполезными углами стоит, занимая громадную территорию.

«Какой дуризм, эту звезду можно увидеть только с высоты самолета, а полеты над Москвой, говорят, запретят», – думал Сергей Соколов.

А еще он размышлял об игре не только за «Динамо», но и за сборную страны. Иногда занозой приходила мысль, что же будет с Костей и Вованом,

но он ее отгонял, уверяя себя, что все как-то удачно разрулится. Он пошел по Селезневке и, не доходя до популярных Селезневских бань, повернул направо.

«Сюда Тарасов армейских хоккеистов приводит, снять усталость и просто попариться... Трегубов, Со-логубов... Наверное, с ними не успею сыграть, они же ветераны, а вот Локтев, Александров... почему бы и нет...» – рассуждал Серега сам с собой.

По пустынной улице ехал ГАЗ-51, к которому на коньках прицепился пацан лет одиннадцати-двенадцати. Скорость была около сорока километров в час, и парень, пытаясь перехватить поудобнее руки, оторвался от кузова грузовика и полетел по диагонали на встречную полосу, по которой двигалась «Победа» – автомобиль, так популярный в нашей стране в 50-е годы. Дальше все происходило на инстинктах. Сергей, не успев даже понять, что произошло, бросился навстречу летящему по льду мостовой пацану, пытаясь затормозить его движение под колеса. «Победа» затормозила и юзом продолжала двигаться в сторону двух парней. Они встретились, и легковушка перепыхала ногу Сереге Соколову. Бледный водитель «Победы», еще пара свидетелей загрузили Сергея в легковой автомобиль, и «Победа» рванула в сторону Склифа. А горе-конькобежец сбежал.

Борьба за ногу Сергея продолжалась более полу-года. Нogu не ампутировали, но она стала сохнуть. Не знаю, может быть, в настоящее время, используя методы доктора Илизарова, можно было бы спасти Соколову Сергею Михайловичу ногу, но в 1960-м... Вы же помните, Юрий Гагарин еще в космос не летал...

Так не состоялся у нас в стране хоккеист Сергей Соколов, который был бы сверстником Харламова и

Мальцева, Михайлова и Якушева. А зная его характер, может, мы потеряли и хорошего тренера.

Но как нам судить о промысле Божиим? Такие натуры, как Сережка, не пропадают. Цельность его характера, упертость не дали ему утонуть и затеряться.

II

Всеобщая шизофрения – увлечение рок-н-роллом, а потом «Битлами» захлестнула Москву. И Серега пропал. Он никогда не занимался музыкой с педагогами и скорее, будучи спортивно одаренным парнем, с насмешкой относился к соседям по двору и школе, которые гоняли гаммы, вместо того чтобы гонять мяч и шайбу, занудливо выводили ненавистные этюды и арпеджио на своих инструментах.

Брат Толик, от рождения слепой, как крот, естественно, не мог соперничать со старшим – спортивным и успешным, главным заводилой во дворе, Серегой. Но Толик учился музыке и подавал определенные надежды. Слушая, как Толик играет всяких Бетховенов и Моцартов, Сережа неожиданно для себя открыл, что музыка – это целый мир. Бесповоротно поразил Сережу Толик, когда разучивал музыку к спектаклю «Пер Гюнт» Грига. «Танец Артемиды» и «В пещере горного короля» норвежского композитора особенно удивили и заставили задуматься старшего брата.

Но еще больше, чем классика, Серегу увлекла музыка, которую он услышал от друзей. Это было еще во времена занятий хоккеем. Рок-н-ролл не передавали по радио. И по телевизору, даже во время больших праздничных концертов его никто не исполнял. Но

было в нем что-то такое, что заставляло быстрее биться сердце, и хотелось снова окунуться в этот круговорот энергии и ритма.

Как-то раз кто-то из ребят принес пластинку, вернее, это был рентгеновский снимок, неровно обрезанный, чтобы быть похожим на привычный диск. После тренировки они зашли в зал, где занимались гимнастикой, и, столпившись около радиолы, прослушали запись. Это был Билл Хейли и его «Рок круглые сутки». Сказать, что понравилось всем, было бы неверно. Но Серега понял, что пропал... Пользуясь своим авторитетом в команде, он выпросил это сокровище у хозяина на пару дней. И два дня он слушал этот номер. Короче, круглые сутки в доме Соколовых звучал «Рок круглые сутки». А уже позже, после аварии, были другие песни и другие записи, и однажды отец, находясь под непрерывным прессингом старшего из братьев Соколовых, сдался и купил магнитофон. И началось! Все свободное от занятий в школе время посвящалось записям, перезаписям, встречам с такими же меломанами и конечно же слушанию «материала». Это было хобби, поглотившее все время и захватившее Соколова без остатка.

– Я хочу быть музыкантом, – сказал однажды Сергей своему младшему.

– Как это? – удивился Толик, протирая очки.

– А вот так это... Хочу и буду.

– Знаешь, сейчас шестьдесят четвертый, тебе почти девятнадцать, а все, кто хочет стать музыкантом, начинают играть в три-четыре года.

– Битлы тоже начали не в три года и не учились специально игре на гитарах у педагогов.

– Сережа, но ты инвалид... У тебя нога, да еще палец на левой руке не гнется.

– Да, не гнется. Тогда я буду барабанщиком, на гитаре сыграет кто-то другой.

– Сережа, каким барабанщиком?!

– Хорошим!!! – отрезал старший брат.

– Но у тебя же нога!

– Нога, нога... Левая нога! А в биг-бите главное – чувство ритма. Основной акцент делается на игру бочкой, а это правая нога; а еще вторая доля в малом барабане – а это правая рука. Моей короткой левой ноги хватит, чтобы закрыть хай-хет, а впрочем, я его вообще закрою и придумаю свою собственную технику игры на барабанах.

– Ну ты дашь!!! – удивленно открыл рот Толик.

– Пока еще не даю! Но дам и поэтому имею честь тебя пригласить в МОЮ группу певцом.

– А чего мы будем петь?

– Вот это уже вопрос по существу, а то – как, почему...

– Стой, и на чем ты, да и мы, будем играть? – заинтересовался Толик.

– Барабаны? Ну здесь рядом МИИТ – институт такой. У них есть ДК, думаю, там барабаны найдутся. Завтра я все узнаю.

– А аппарат?

– Дай мне сначала сыграть вступление к «Twist again», а там что-нибудь придумаем, – сказал Серега, загадочно улыбаясь.

III

В первый раз я Сергея увидел в ДК МИИТа, будучи студентом второго курса института. Я и мои однокашники – Саша Каретников и Сережа Кочетов захажи-

вали во дворец культуры и ошивались в нем, время от времени где-то и что-то играя на гитарах. Почему мы – студенты института – не брали гитары и ударную установку для собственных репетиций в ДК, объяснить сейчас вразумительно не могу. Мы играли на каких-то непонятных гитарах с самодельными съемниками и мечтали о настоящей ударной установке.

У нас в то время были в наличии свой «пионерский» барабан и тарелка, выкованная одним из друзей Кочетова. А Сережа Соколов, не будучи студентом нашего вуза, планомерно занимался на барабанах и делал уже определенные успехи.

Он был от природы таким Самоделкиным, что, кстати, ему помогало в его основной на то время работе – радио- и телемастера. Так вот, он включал в одной из комнат магнитофон с «ненашей» музыкой и усердно три часа в день колотил по дековской установке. И знаете, у него уже получалось. То, что он зарабатывал самостоятельно деньги, как я думаю, даже большие, чем указывалось в платежной ведомости, делало его независимым человеком. Возможно, такая серьезность помогла ему решить не один организационный вопрос, хотя умение, как нынче бы сказали, «проспонсировать» любой процесс, несомненно, позволяло успешно налаживать контакты. В общем, он был не такой, как мы, и дружбы у нас тогда не получилось. А он преуспел, и высота «Twist again» была взята.

И снова (я восстанавливаю события по рассказам Сережи Соколова) разговор с братом:

– Ну что, Толя, я готов возглавить группу, в которую тебя приглашаю как солиста, а если захочешь – и органиста.

– Ты без образования хочешь возглавить группу? – недоверчиво спросил брат.

– Да, причем в ней будут играть ребята, более музыкально образованные, чем я.

– А как ты ими будешь рулить?

– Толя, я буду определять стратегические задачи, а срепетировать и сыграть песни – дело второе, – декларировал Сергей.

– Я всегда думал, что главное – это музыка...

– Я этого не отрицаю, но без меня моя будущая группа не найдет аппарата, на котором можно будет сыграть, не найдет места, где можно репетировать, не найдет и самих концертов, на которых, может быть, мы даже будем зарабатывать деньги. А партия ударных – так при хорошем басисте и пианисте я постараюсь не вылететь из ритма. Вот так.

– А ты продумал, что мы будем играть? – спросил Толик.

– Да. И один мой друг даже снял тексты трех песен, с которых мы начнем репетировать. Держи...

С этими словами он протянул брату магнитофонную пленку. Толик поставил ее на «Язу-10» и прослушал песни, записанные Сережей для разучивания.

– Но я не слышал этих песен никогда.

– И хорошо, что не слышал, значит, и большинство зрителей их не слышали. Все же играют одно и то же.

– В смысле?

– Ну, битлов, роллингов... Посмотри, Градский, как придет на сейшн, что поет? «House of the rising sun» да еще «Boys». А спроси, кто не спел из московских групп «Things we said to day»? И я тебе отвечу: спели все.

– И что ты предлагаешь петь?

– Ты слышал группы «Dave Klark five», «Them», «The who»? – спросил Серега.

– «The Who» слышал, а те две нет.

– Так вот, на тебе пленки... Учи!

– А где ты собираешься взять гитариста, органиста, басиста?

– Да я их уже переманил из одной инструментальной группы. Им надоело играть по нотам со своим худруком всяких «Shadows», а что еще хуже – пьесы из репертуара «Электрон». Слышал такой гитарный ансамбль под управлением Приказчикова? Жуткий нафталин, я тебе скажу.

– А в морду тебе не дадут, Серега?

– Толик, ну, во-первых, я и отмахнуться могу, а во-вторых, забей – это мои проблемы. Я старший брат – слушайся меня.

И они начали репетировать. Сергей с присущими ему энтузиазмом и дотошностью достал и вылизал аппаратуру, на которой суждено было в скором будущем выступать. Звучало, надо сказать, неплохо. Сережа уболтал одного из своих коллег микшировать звук. А поскольку никто толком не знал, как надо, успехи радовали, и вскоре Соколов-старший принес благую весть о выступлении (пока еще бесплатном, но транспорт для доставки аппаратуры был обещан). И все озадачились проблемой, как себя обозвать. Всякие «Мореходы», «Водолазы», «Кузнечики» были отвергнуты, а вот название «Группа товарищей» долго обсуждалось. Но ассоциации с некрологом не позволили этому варианту победить в демократическом процессе выборов. И тогда С. Соколов вспомнил «Пер Гюнта» и изрек:

– А что, если «Горным Королем» назваться? А если мы еще залудим инструментальную версию Грига, то это будет сказка.

– Так есть же, по-моему, у Элвиса «King of the road».

– Так это король дорог... Главное, что у нас есть номер для открытия концерта, причем проверенный, никто не придерется.

И он обратился к Игорю Облатьеву – гитаристу группы и Лева Фанку – органисту с просьбой сделать инструментальную версию Грига.

– Только партия барабанов...

– Ну, мы же понимаем, – хором ответили Лева и Игорь.

– Так... Я тут нарисовал геометрию нашего расположения на сцене. – Показал схему на листе ватмана Сергей.

– Ты что, будешь на авансцене находиться, а где же я? Я же солист, – удивился Толик.

– Ну и оставайся им... Мы тебя поместим на специальный куб, чуть в глубине за мной. А потом – это же моя группа, я ее лидер, а воздействие на зрителей идет прежде всего от глаз, а не от звуков, которые вы извлекаете из инструментов и глоток. Помните это. Артист – это прежде всего гипнотизер, а с этим у меня полный порядок, – расставил все по местам Соколов-старший.

И был первый концерт, и гордый Сергей восседал на авансцене за барабанами, на бочке которых красовалась надпись «Горный Король». И зрителям в целом понравились и репертуар, и звук, и Толя Соколов в очках с сумасшедшими линзами. Толя, как все слабовидящие люди, выглядел на своей тумбе беззащитным, и это, несомненно, способствовало успеху концерта. Один из музыкантов предложил в конце повторить григовскую «В пещере горного короля», и концерт получился даже режиссерски выстроенным. Зрители расходились довольные. Многие впервые услышали подобный звук, подобную подачу музыки. Кто-то шутил, что «Горный Король» – это приз велогонщику за лучшее прохождение горных трасс в соревнованиях. А подобные шутки

обычно сопутствуют успеху. Серега Соколов в первый раз победил. И ему уже не снился хоккей и то, как он, уйдя от силового приема, забивает гол. Он видел сон – концерт, и он проходил при аншлаге.

IV

Закончив свои «университеты» в ДК МИИТ, Соколов нашел себе базу для хранения аппаратуры и репетиций. Обычная плата за такие услуги была – один концерт в преддверии или в сам праздник для благодарных рабочих предприятия, которому принадлежал клуб или Дворец культуры. В остальное время музыканты играли свой рок-н-ролл на английском языке и в общем-то никому не были нужны. Все наезды милицейских и идеологических органов случались, когда кто-то слишком зарывался и не подчищал концы. Это уже позже, когда стали петь на русском языке, во многих песнях начали находить идеологическую «клубничку». А так... Ну чего-то там орут, громко, непонятно что. Пускай орут. Поорут-поорут, да перестанут.

Правда, в какой-то момент свободомыслие было таки обнаружено. Множество всяких спекулятивных акций, касающихся покупки-продажи шмоток, совершалось на этих концертах, с чьей-то легкой руки названных сейшенами. И нас всех, кто взял в руки электрогитару, отрастил волосы длиннее стандартов, предусмотренных то ли уставом внутренней службы, то ли чьим-то начальственным окриком, решили переписать, чтобы знать, с кем бороться. И имя нам было «легион».

В общем, где-то в конце лета 1968-го... Написал «лето 1968-го» и вспомнил студенческие волнения в

Европе, хиппистское движение, август в Чехословакии. Может, это был упреждающий шаг ГБ?

Короче, был кинут клич, что в Москве на улице Горького в помещении кафе «Молодежное» начнет функционировать бит-клуб. И каждую неделю по вторникам там будут прослушиваться по две группы, которым даст оценку жюри, состоящее из «авторитетов музыкальной жизни», идеологов (несколько человек из горкома ВЛКСМ были командированы в «Молодежное») и еще пары-тройки человек из музыкантов, выдвинутых самой биг-битовой общественностью. И завертелось...

Через 2–3 вторника кафе «Молодежное» превратилось в центр притяжения волосатых, «расклеванных» парней и девчонок и просто людей с гитарами. Не знаю, как там было в Ливерпуле у ихней «Каверн» («Пещеры»)*, но в Москве от «Маяковки» до «Белорусской» через одного встречались субъекты, которые хотели припасть душою и устами к «родникам». Музыканты получили специальные «корочки» – членские билеты, позволявшие пройти через заслон в кафе. И мы не ломали голову, зачем нами заполнялись какие-то анкеты и сдавалось по три фотографии. Хотя наверняка процесс «упорядочивания» шел, думаю, успешно, но музыканты об этом не думали и кайфовали от того, что появился СВОЙ дом.

И «Молодежное» превратилось в лабораторию, в место, где можно было познакомиться друг с другом и обменяться свежими музыкальными идеями и приемами. А главное, все поняли, что, являясь королями своей подворотни, на уровне Москвы ты мог и не ко-

* «Каверн» – клуб в Ливерпуле, место, где впервые получили известность в народном масштабе «Битлз».

тироваться. Думаю, что этот «учебный» год многих подстегнул и научил играть. Правда, к следующему лету «Молодежное» для нас закрыли. Официальная версия – жалобы от жильцов дома, где располагалось кафе, на громкую музыку. Но год – целый год! – был наш. Там-то мы с Сергеем и встретились и в первый раз поговорили. После нашего выступления, а я тогда был в группе «Ребята», Соколов подошел ко мне и спросил:

– Слушай, откуда я тебя знаю?

Не узнать Сергея было сложно.

– А помнишь, ты в ДК МИИТа на барабанах занимался? – напомнил я.

– А-а-а... Вот откуда мне твоя фотокарточка известна... А ты прилично поешь.

– Да нет, прилично поет Коля Воробьев, а я подпеваю.

– Почему? В «Girl» ты меня убедил, а Воробьев был у тебя на подпевках. Поздравляю, пока лучше вас битлов здесь никто не пел.

– Еще не вечер...

– А чего я тебя к себе в группу не позвал? – вдруг спросил Соколов.

– Да я бы, наверное, и не пошел тогда. Ты был такой суровый и неулыбчивый. Думаю, что все произошло так, как должно произойти...

Мы остались довольны друг другом и разъехались по домам, не обозначив желания увидеться вновь.

Сейчас, размышляя о этапе нашего становления – как творческих личностей, так и мужчин, – могу сказать, что интуиция вела нас вперед, не давая заблудиться в лабиринте жизни или, наоборот, заводя в какие-то безвылазные болота. Серегин подъем как лидера «Горного Короля», судя по всему, пробуксовывал. «Gloria»

и «Whiter shade of pale» собирали доброжелательные отклики, но голодная, всепожирающая публика требовала новых «хлебов» и «зрелищ». И если поклонники «Beatles» (а мы считали себя не только поклонниками, но и учениками легендарной группы) развивались вместе с ними, то быть поклонником, вернее, клоном группы «Them» было значительно труднее. «Them» не дотянула до авангарда британского рока и затерялась на бескрайних просторах. И скажите, как на них ориентироваться? Как играть? Что играть? Инерция, да, она позволяла еще пару лет успешно планировать над бывшими фанами, а дальше? Катапульта? Декларация, что все дураки?

И жизнь подсказала наименее травмоопасный выход – надеть на себя тогу борцов за чистую идею и предать анафеме всех, кто изменил канонам рок-н-ролла. Идея, в принципе, не нова, но до сих пор она служит спасительной гаванью для всех, кто в какой-то момент сошел с дистанции, а Серегин «Горный Король» определенно испытывал кризис жанра. Узурпация власти часто не приводит к положительным результатам, особенно если надо подкрепить успех. Первый успех. И вот уже Толик, ждущий сиятельных указаний старшего брата, что надо спеть, за рюмкой вина винит Серегу, что он связал ему руки, а то бы он... Вот уже гитарист и клавишник, привычно получая по рукам за проявленную инициативу, эти самые руки опускают. Но группа еще жива, хотя смрад процесса разложения все острее ощущается внутри коллектива и среди ближайшего окружения.

Не знаю почему, обычно на откровенность со мной тянет девушек и женщин, но однажды Серега Соколов решил со мной поговорить за жизнь и за музыку. Мы встретились в кафе, и он начал:

– Знаешь, мне в такой облом, что все предали рок-н-ролл и рванули в попсу зарабатывать деньги.

– Хлесткое слово ты употребил – «попса». Сам придумал? – поинтересовался я.

– Да не знаю, наверное, где-то подслушал. Ну так ты не уходи от ответа.

– А чего уходить? Я думаю, что застывшая и за-
костеневшая форма, не получающая развития, еще хуже, чем ревизия рок-н-ролла.

– Ты так думаешь?

– Посмотри, даже несмотря на всякие «Them», ты не откажешь в величии битлам? Так у них музыка каждый раз новая. Я думаю, что, если верить в провидение, то они должны «умереть», вернее, разойтись на своем пике и этот расхил битлов уже близок.

– Слушай, плачет по тебе инквизиция... Как ты можешь, вообще, говорить такое о битлах.

– Серега, да сними ты со своих глаз шоры... Да, они – великие, но они люди... Я думаю, что, как бы нам, их поклонникам, ни было горько, финал их где-то рядом. А потом, посмотри, песни пишутся ими и записываются в одиночку. Я уже чувствую, где Джон, где Пол, где Джордже... И это нормально. Ты же слышал «Let it be»? А что это значит? «Пусть будет так». Я думаю, они все понимают сами. Но посмотри, какой они прошли длинный путь... А ты связал своих цепью, как рабов на галере, и надеешься, что эта галера будет плыть долго-долго и прямо-прямо. Так не бывает. Дай ребятам глотнуть воздуха свободы... А то ты, с одной стороны, своим рок-н-роллом борешься, как говоришь, с большевиками, а с другой – устроил рабовладельческий строй.

– Не, старичок. Ты не прав... Рок-н-ролл я не предам, тем более что концертов у нас еще хватает.

– Да называй ты свою музыку как хочешь, только меняйся. «Yesterday» это – рок-н-ролл?

– Ну, это барокко-рок, – изрек Соколов.

– Угу, хреноко-рок. Серега, ну почему битлам интересны валторна и струнный квартет, а тебе втемяшился ритм энд блюз, сидишь в нем и хрюкаешь.

– Ладно, отстань.

И мы снова расходимся и снова, встречаясь со мной, он терзал меня вопросами, ответы на которые он не хотел слушать, вернее, слышать...

V

Несмотря на то что московский рок-н-рольный круг был весьма ограничен, встречались с Соколовым мы довольно редко. А время текло – менялась жизнь, менялись мы. Группа «Ребята», где я, да, впрочем, все мы неплохо жили и играли, распалась, оставив множество ссадин в душе и желание доказать всем вокруг и Воробьеву – нашему басисту и лидер-вокалисту, ушедшему в профессионалы, – в частности, что он не прав и что мы еще себя покажем.

Мы с барабанщиком Сашей Жестыревым объединились со Славой Кеслером и Юрием Чепыжевым из университета в группу и назвались «Мозаикой». Поскольку в «Ребятах» всей административной деятельностью, то есть устройством концертов, занимался я, а Слава и Юра в университетском «Спектре» были тоже лидерами, концертов и приглашений всякого рода хватало. Мы быстро завоевали свое место в московской иерархии рок-н-ролла и даже поднялись вверх по этой лестнице, ведущей к успеху. Думаю, то, что

мы писали и пели свои песни, способствовало нашему продвижению. И если в «Ребятах» сочинительствовал я один, то в «Мозаике» «острая конкурентная борьба» трех авторов – Кеслера, Чепыжева и Малежика явно способствовала появлению качественного продукта.

А что Соколов? Да ничего... Старая песня о ерестиках и невозможность сыграть каверы новых кумиров – зеппелинов, дип пёрпл и прочих грэнд фанков. А время поджимало... Надо было определяться, кем быть – музыкантом или кем-то там еще. Умения сыграть на барабанах «Twist again» явно не хватало, но не хватало еще и мужества признаться в этом самому себе. И случались какие-то выступления, и отсеивались неудобные мнения, и в очередной раз убеждал он сам себя, что все хорошо. Как там было на самом деле у «Горных Королей», я не знаю, но думаю, что мои соображения очень близки к истине. У нас, если быть корректным, проблемы возникали тоже и желание зарабатывать любимым рок-н-роллом деньги поднималось в полный рост. Тем более что все участники «Мозаики», кроме меня, были женаты, и, что там им втирали по ночам их жены, остается только догадываться. Но мы играли, сочиняли и откладывали до очередной весны вопрос: что же нам делать.

А Жестырев служил в симфоническом оркестре, и в очередной раз его не отпустили на все лето с нами играть в спортлагерь МГУ «Буревестник». И у нас встала проблема – с кем ехать играть на юг, кто сумеет заменить нашего Шуру, который не только профессиональный барабанщик, но еще и певец, на котором лежат все верхние голоса. Да и вообще Шура – наше лицо даже больше, чем я или Кеслер. Витя Дегтярев, который часто подменял Шурика, уже

служит в «Голубых гитарах», а об остальных... Господи, да у всех свои планы... Не помню, кто первым вспомнил Соколова, но когда я ему позвонил, он сказал, что с радостью полетит с нами на юг.

– Знаешь, я тут развелся с женой, и мне неплохо бы сменить обстановку и зализать раны, – сказал мне Соколов.

– Серега, да мы тебе столько языков найдем для зализывания, что еще на заливное останется. Как тебе заливное из языка с хреном? И в уши тебе будем дифирамбы петь. Специально для тебя разучим «Down on the corner» и «Venus» – ваши коронки из «Горного Короля». А твои не обидятся?

– Да нет... Мы в июле как раз решили разбежаться до осени.

– Кайф... Поиграем вместе, вина попьем, девок потопчем, – обольщал я.

– Во-во... Особенно девок. Буду топтать с ненавистью.

– Дурень, им это еще сильнее понравится, потом не отвяжешься, – авторитетно заявил я.

– Ладно, полетели. Готовь море портвейна и бочки девок... Че-то я с девками запутался.

– Хорошо, горы девок и море портвейна.

– Пусть будет так. Let it be...

И мы полетели на юг, в Вишневку. И играли танцы, играли в кайф – так обычно бывает с новым музыкантом. А вечером, вернее, ночью отправлялись к тете Ане на Республиканскую, дом 4. Там всегда было в ассортименте вино в розлив и свежие, с грядки, помидоры и огурцы. И были девчонки, и кто-то уходил от стола в ночь, а Соколов оттаивал.

В нашей компании была девушка, секретарша с химфака МГУ Лена Ленюковская, которую все велича-

ли Ленек. В меру красивая, в меру стройная, в меру веселая и остроумная и невозможно целомудренная. Кеслер «на слабо» меня завел, что с Леньком у меня ничего не получится. И я завелся – распушил перья, анекдоты рекой, гитару не выпускал из рук, и первая высота была взята. Ленка согласилась со мной отлучиться на обрыв послушать «что скажу». А Ленек была почти штатной певицей «Буревестника» и при удобном случае пела «Summer time» и «Словно сумерек» из репертуара «Поющих гитар». И я утащил ее на обрыв, который над морем, обсудить творческие проблемы. После артподготовки и рекогносцировки местности я решил приступить (это уже на обрыве, куда обычно ходили за этим самым) к решительным действиям. Но моя рука была отвергнута так убедительно, что я засомневался в истинности фразы «Если женщина говорит «нет», то это означает «может быть». В тот раз я понял, что если полезу за подтверждением этой мысли, то получу по хлебальничку.

– Славка, отстань... Да отстань, я тебе говорю... Лучше мне расскажи про Серегу, – полусерьезно отбивалась Ленка.

– А что, понравился?

– Дух захватывает.

– Может, поспособствовать?

– Ох, уговорил, речистый... Пошли к тете Ане, а то он чего-нибудь подумает.

– А я? – сжигая последние мосты, спросил я.

– Славка, да покажи, кто тебе по нраву, я тебе любую приведу.

– И это за Серегу? – продолжил я торг.

– А за Серегу еще двух.

– Заметано.

И мы вернулись в сад к тете Ане, и Ленек села, как бы случайно, рядом с Серегой.

А через два дня Соколову захотелось выговориться, и он полночи мне рассказывал, что у него ничего подобного не было и что по возвращении в Москву они женятся.

VI

Захотел выговориться... Знаете, когда сейчас читаю всякую «литературу» в мягкой обложке, умещающуюся в карман, постоянно натыкаюсь на сцены соблазнения главной героини или просто описание трах-тибидоха, причем эти сцены появляются как бы для поддержания температуры повествования, а может быть (о, ужас), для привлечения молодой читательской аудитории. Любопытно, что автор умудряется описать чувства и чаяния как героя (мужской особи), так и героини (слабого и чаще всего беззащитного существа). Как он может правдоподобно это все описать, декларируя себя либо мужчиной, либо женщиной, для меня остается загадкой. Поэтому, когда читаю о том, что он жадно обхватил ее своими ненасытными руками и рот его безжалостно начал целовать ее губы, покусывая их и облизывая и стараясь своим языком заполнить ее уста... Ладно, в это я еще поверю, если автор – дядька и вспомнил, как он, бывалоча... Но когда тот же дядька с той же силой убеждения вещает мне, что ноги ее стали ватными, а бедра подались вперед к неземному наслаждению, то думаю, это сам он (автор то есть) где-то прочитал и бесстыдно, не перевоплотившись в даму, втирает нам о наслаждении, которое в этот вечер было

разлило в воздухе. И я решил тоже описать подобную сценку. Правда, используя поэтический ряд.

Язык твой отыщет заветную дверцу.

И закончился круг, и взрывается сердце.

А потом не спеши, будь и нежным, и смелым,

Наслаждаясь любимой душою и телом.

А у нас же с Серегой все было значительно прозаичнее. Степень уважения нашего барабанщика к своей Даме была столь высока, что я не осмелился бы даже спросить: «Ну, как?» Ему самому, хотя за плечами у него уже был неудачный брак, хотелось поделиться своим восторгом, удивлением, радостью.

– Славок, ты не представляешь, она – девочка.

– Была или есть?

– Знаешь, я решил на ней жениться, поэтому скажу, что была.

– Да... Ее можно занести в рубрику «интересно, что»...

– И не только туда. У меня было достаточное количество женщин, но чтобы вот так с первой ночи... Я не верю... Представляешь, что это было какое-то притяжение, которому невозможно было противостоять... Чума.

– И... – попытался я заполнить паузу, глядя на замолчавшего Соколова. И он продолжил:

– Мы сразу же начали искать жилплощадь.

– И что, все было занято?

– Ну, обрыв... ты понимаешь... Мы пошли в сад...

– Там же змеи?

– От этого все было только ярче!

– Конечно... Тут тебе и змей-искуситель, и яблок, правда, еще зеленых в достатке.

– Да, дружище, какая-то библейская история, – поймал мою ироничную волну Серега

– А ребра-то ты у себя проверял? Все на месте?

– Там пара человек за Ленька хотела мне ребра пересчитать, но я отбился. Потом сам свои ребра потрогал, порядок. Знаешь, я думаю, что свою Женщину я создал из песни.

– Главное, чтобы песня из моды не вышла...

– А мы ей новую аранжировку придумаем.

– Слушай, извини, что к земному... Знаешь, я себе облюбовал очень хорошенькую гостиницу «Тому, кому негде», – сказал я.

– И где это? – с интересом спросил Серега.

– Не знаю почему, но никто не догадался и не использует сцену в зеленом кинотеатре. После демонстрации фильма за экраном очень комфортно. Душа, правда, нет, зато море под боком.

– Забудь... У меня с Леньком какое-то неземное состояние – состояние какого-то непрерывного оргазма.

– Серега, придется, извини, теперь менять свои музыкальные пристрастия. Девушка у нас обожает традиционный джаз и песенки из репертуара сам знаешь кого...

– Перевоспитаем.

– Думаешь «Them» ей будет любо?

– Любо, братцы, любо и «Animals» полюбит, и всяких «Kinks».

– Не захочет, заставим!

– Нет, все произойдет добровольно.

VII

Юг, море, впечатления от игры с новой группой и, конечно, Любовь – вот составляющие хорошего

состояния духа Сереги Соколова в то лето 1972 года. Июль пролетел. В Вишневку приехал основной наш барабанщик Саша Жестырев, и Король Гор, да что я – Горный Король загрустил.

– Ты знаешь, а мне понравилось с вами... И в жизни, и на сцене. И даже то, что вы поете по-русски, меня не раздражало. Я видел, что людям это по душе.

– Да, Серега, ты что? Это же обман зрения... – пытался я вывести Соколова из серьезки.

– Я же понимаю, что этого не должно быть, но это было, черт возьми.

– Да, придется «Them» отодвинуть, и Толяну изловчиться и спеть что-нибудь по-русски.

– Нет, я не потерплю в «Горном Короле» разброда и шатаний. Мы будем верны рок-н-роллу и умрем, распевая «Gloria».

– И все вместе – «Вихри враждебные веют над нами».

– Нет, правда, вы что-то во мне сломали, – сказал Сергей.

– Да нет же, мы в тебе взрастили ростки нового...

– Ладно, все равно тебе спасибо за лето, за музыку, за Ленька. С тобой нельзя серьезно разговаривать.

– Ну, за Ленька ты нам еще не раз проставишься...

– Проставлюсь-проставлюсь... А вот насчет репертуара и творческого лица...

– Если серьезно, то объясни мне, мил-человек, что ты так не жалуешь русский язык? Ведь ты сам себя обездоливаешь, когда поешь на американском языке, языке наших классовых врагов, – спросил я.

– Почему ты так говоришь? Ведь оперу поют на итальянском, и ничего, и запросто во всех театрах звучат Верди и Пуччини.

– А в русских – Чайковский и Бородин, причем на русском.

– Ну вот вы с Кеслером напишите достойных рок-н-роллов на русском, тогда мы... Кстати, можете и Градского подключить.

– Напишем или нет, не нам судить, но попробуем.

На том наша искусствоведческая беседа с Соколовым закончилась... А вскоре он улетел в Москву. Месяц август Ленек страдала без Сереги и моя жилетка не просыхала от ее слез. А в сентябре в Москве они встретились, и мы их «потеряли». Любовь, братцы мои, непростая штука. Как мы, я имею в виду «Мозаику», и предполагали, Серега попытался не только ввести русский язык как второй государственный в «Горном Короле», но и подтянуть Ленька в качестве солистки. Получился этакий «компот» ресторанного разлива, и произошел бунт на корабле, смысл которого – «нас на бабу променял».

И Серега бросил «княжну», то есть Ленку, ставшую его очередной женой, за борт на домашнее хозяйство. И она нашла себя. Чистый дом, ухоженный Соколов, иногда нытье, что «ты не позволил мне стать джазовой певицей». Но Соколов был в порядке, и это отмечали все. Он, правда, все больше пропадал на заработках, чиня телевизоры и настраивая всякую разную радиоаппаратуру, но для «Горного Короля» времени хватало. Другое дело – кризис жанра. Время воспитало новых героев – уже никого невозможно было удивить пением по-английски. В большинстве ресторанов пели шлягеры от «Yesterday» до всяких там «Криденс», тем более что неулыбчивый брат Толик Соколов не молодедел, и его уже не спасала «милая близорукость». Толик не пытался «искать»,

а его все чаще находили желающие с ним выпить. И это постепенно превращалось в зависимость.

А время шло. В семье Соколовых появился сын Димка, и у главы семейства в полный рост встали проблемы «кем быть» и «как жить». Однажды, году в 1976-м, мы с Серегой встретились часов в 10 вечера в метро, возвращаясь домой. Он, как и я, жил на проспекте Вернадского. Сначала в поезде, а потом на улице мы проболтали аж за полночь. Серега катил бочку на всех, в том числе и на меня, что мы предали рок-н-ролл – мечту нашей юности. Эти мысли порой приходили и ко мне в голову, и я пытался ему как-то оппонировать, убеждая попутно и себя. Я в то время уже вовсю работал на профессиональной сцене и даже сменил место работы, уволившись из «Веселых ребят» и перейдя на службу в «Голубые гитары».

– Я понимаю, ты – певец, тебе трудно, ты вынужден, – говорил он.

– Нет, пойми, просто наступило время – или я занимаюсь профессионально музыкой, или ухожу в науку. Кеслер защитил диссертацию, Жестырев ушел в симфонический оркестр, а я сидел между двух стульев.

– А знаешь, меня зовут в «Бастион» Алексея Баранова, – заявил Сергей.

– Кем? Барабанщиком?

– Да не совсем. Они же играют джаз-рок. А нынче барабанщики шпарят на двух бочках. Билли Кобэн слышал? А я со своей ногой? Мне бы с одной бочкой справиться. Нет, меня приглашают на многофункциональную работу.

– Это как?

– Ну я должен привести в порядок аппарат.

– Это ты умеешь.

– А еще – всякая перкуссия. Конго, бонги, бубен, маракасы.

– Я думаю, это интересно. Тем более в «Бастионе» играют инструментальную музыку, и тебе не надо будет идти на сделку с совестью.

– А помнишь, как мы в «Буревестнике»? А?

– Как не помнить?.. И тебе, я скажу, не в лом было «Наташку» и «Гусяров» играть с нами.

– Не я же принимал решение, вы же были генералы.

– А, кстати, как ты будешь себя чувствовать без «руководящей работы»? В «Бастионе».

– Ой, и не знаю. Попробую Баранова на ковер вызвать, но боюсь, что не придет, – усмехнулся Соколов.

– Ну ладно, Серега, Бог в помощь.

И Серега ушел в «Бастион». И до меня доходили слухи, что он там прижился, даже собрал студию. Кто-то передавал от него приветы и желание что-нибудь записать вместе, если я, конечно, созрею.

Интересно, что первый альбом Лозы Соколов записал на своем аппарате. Я этот альбом где-то на гастролях услышал, разозлился и приложил все силы, чтобы тоже записаться. Так что Серега завел меня... Но мой рассказ не об этом.

VIII

Многие почему-то считают, что музыканты, особенно те, которые на виду, дружат и постоянно ходят друг к другу в гости и вместе закатываются на всякие тусовки. Как правило, если ты проводишь много времени на гастролях, то люди, с которыми ты делишь сцену, ча-

сто становятся для тебя средой обитания. Так что в то время, когда мы гоняли по стране девяносто процентов времени, со многими коллегами мы не виделись годами, так как у них были свои маршруты. А приезжая домой, не могли насытиться общением с семьей и близкими. Поэтому неудивительно, что Соколов опять выпал из моего поля зрения. Мы отвыкали друг от друга, у нас росли дети, появлялись новые привычки и привязанности. Сергей и Ленек, по слухам, жили дружно. Серега зарабатывал не только музыкой, но еще и всяческим ремонтом дорогих в то время телевизоров и видеков. Он был рукастый и хозяйственный парень. И в доме на улице Удальцова, где они в то время жили, все блестело, сияло и говорило о достатке. Мы с ним снова случайно встретились, и он затащил меня к себе. Вспоминали рок-н-рольные времена, «Мозаику» и «Короля», спортлагерь «Буревестник». Ленек, которая в шутку называла меня свахой, пригласила нас с женой и нашим сыном Никитой в гости.

– Слав, заходите, может, дети подружатся, а мы видак посмотрим, – вторил жене супруг.

И мы зачастили к Соколовым. В то время видеомагнитофон был редкостью, и мы стали постоянными зрителями невиданных доселе фильмов с Чарльзом Бронсоном, Брюсом Ли и прочими Николсонами. И в квартире Сереги образовался видеосалон, в который захаживали его друзья, мы. Иногда нам позволялось привести кого-то из своих знакомых. Хозяин радушно подливал гостям в бокалы вино и комментировал происходящее на экране, а жена его что-то там стряпала на кухне, и оттуда доносились аппетитные запахи и шкворчание мяса на сковородке. Выпивки бывало выше крыши, так как она была своеобразной платой-билетом

за просмотр нового фильма из коллекции нашего ба-
рабанщика. Сервировка стола, нужно отдать должное
Леньку, а может, Сереге за то, что он так ее воспитал,
всегда была, как в лучших ресторанах Лондона. Хру-
стальные бокалы для вина и напитков, набор вилок и
ножей. Вспоминается один наш вечер, который чуть не
закончился погромом хрустальной посуды.

Маленькое лирическое отступление.

Моя жена в годы своего студенчества, а закончила
она школу-студию МХАТ как актриса, была ну очень
взрывного темперамента. Особенно это касалось филь-
мов и театральных постановок. Она настолько погружа-
лась во внутренний мир героев, когда смотрела кино
или спектакль, что слезы и громкий заразительный смех
были ее постоянными спутниками. Однажды, это еще в
период нашего женитьбы, мы отправились смотреть
в кинотеатр «Мир» французский фильм «Двое в горо-
де»... Два великих актера – Жан Габен, игравший поли-
цейского, и Ален Делон в роли преступника – создали
неповторимо правдивую историю, которая захватила
всех зрителей. В конце фильма полицейский ловит
преступника, того судят, приговор – смертная казнь. И
наступает время, когда героя Алена Делона возводят на
эшафот, ему разрывают рубаху, на экране показывают
гильотину. Нервы зрителей напряжены, и вдруг Татьяна
в голос начинает рыдать. Удар по нервам зрителей был
даже более сильный, чем луч солнца, отразившийся от
клинка гильотины. Шум в зале, кто-то кричит:

– Выведите эту истеричку...

Я в растерянности, пытаюсь уговорить свою еще
не невесту Татьяну выйти на воздух. Она, размазывая
слезы по щекам (слава богу, тогда она еще не краси-
лась), кричит мне:

– Отстань, я должна это досмотреть до конца...

Когда мы выходили из кинотеатра, один из зрителей, увидев заплаканное лицо моей избранницы, сказал:

– Да, парень, повезло тебе...

Я до сих пор не пойму, что он имел в виду. Кстати, сейчас подобные проявления чувств я все реже вижу у моей уже жены. Может, раньше она хотела показать мне, какая она тонко чувствующая, а может, мы не те картины теперь смотрим, хотя всякие фильмы про «золото партии» и про Врангеля мы заставляли себя посмотреть. А на фильм «Новые приключения «Иронии судьбы» так вообще в кинотеатр сходили и для лучшего понимания фильма жевали воздушную кукурузу.

А в тот раз у Соколовых должна была собраться шумная и пестрая компания. Было закуплено всяко-разно... Ленек кашеварила на кухне, а хозяин поставил нам триллер с Чарльзом Бронсоном в главной роли. Фильм назывался, по-моему, «Крик». Начиналось действие в одной из студий Лос-Анджелеса. Героиню фильма, которая смывала в душе смрад тяжелого трудового дня, убивает, и, судя по количеству красной краски, разбрызганной в санузле, убивает весьма успешно какой-то отпетый негодяй. Собственно, сцена уже снята, и идет озвучка. И актриса, исполняющая роль убиенной, никак не может органично заорать, чтобы зрителю мороз по коже пустить. И ихний Станиславский в четвертый раз кряду не принимает работу, причем, прокручивая эпизод в очередной раз, режиссер «Крика» добился, чтобы мы в деталях рассмотрели героиню. Но ужаса все не хватает и не хватает. И тогда режиссер прекращает озвучание и отпускает актрису домой навстречу судьбе. А в это время в реальной жизни серийный убийца (а может, и несерийный) готовится в очередной раз про-

лить кровь. Он, почему-то голый, подбирает нужный инструментарий для своего негуманного поступка. Продемонстрировав бицепсы, трицепсы и прочие глутеусы (ну, по-нашему, задницу), наш красавец, наделенный недюжинным отрицательным обаянием, отправляется на «охоту», все-таки запаковав свой организм в какие-то необязательные одежды.

А в другой части города в эти минуты в помещение придорожного пивняка заходит только что уволившийся по собственному желанию из полиции еще один персонаж, которого играет Ч. Бронсон. И мы понимаем, что хеппи-энд обеспечен, но все равно интересно, как они дойдут до места, где произойдет основная схватка героев. Место, выбранное для съемки этой сцены, удивительно напоминает железнодорожную станцию «Мытищи» Ярославского направления.

И вот актрисуля, не умеющая органично кричать, наш бабаеб и Бронсон, взявший след, встречаются на этой станции. Маньяк, почему-то опять голый, гонится за гражданкой актрисой, у которой постоянно сползает лямка воздушного платьишка. Причем у насильника в руках здоровенный нож. А у героя Бронсона парабеллум, думаю этак 38-го калибра. Девка орет, на этот раз уже в тему... Где господа пассажиры и встречающие, непонятно, потому что эта троица гоняет по лестницам и перронам в гордом одиночестве, и расстояние между ними все сокращается...

А в далекой московской квартире около стола, нарядно сервированного хрусталем и мельхиором, сидели, ожидая гостей и застолья, я, моя жена и наша хорошая подружка Наташа Тургенева. Мы с Натальей не заметили, как моя женушка успешно телепортировалась в лос-анджелевские Мытищи, как взгляд ее

стал стеклянным и во время одного из воплей героя или героини моя благоверная, словно ниндзя, взлетела над диваном и над нами с жутким криком. С тем криком, который наверняка бы устроил режиссера из фильма в фильме, и удар ногой сверху обрушился на «стол на загляденье». Удар, звон посуды (кстати, вы не поверите, но ничего не разбилось), и Татьяна продолжила досматривать фильм, не вернувшись в реальность. А Наташа Тургенева тихо заплакала, встала из-за стола со словами:

– Ну вас на фиг, ребята, с вашим кино, – и со слезами на глазах пошла на кухню к Леньку.

IX

После подобных посиделок мы с Соколовым, пока наши женщины приводили квартиру в надлежащий вид, чаевничали и толковали о житье-бытье. Причем в основном говорил он, а я слушал. У меня в жизни все было более менее гладко, я стал известным артистом, обладавшим определенным запасом прочности как в творчестве, так и в бизнесе, если можно было так назвать то, чем я занимался. И мы говорили о стране, о тенденциях развития экономики и, как отдельное ее подразделение, обсуждалась «наша» музыка.

– Тебе хорошо, – говорил Серега, – ты сделал себе имя, и, как ни называй то, что ты и твои «Саквояжи» поете, тебе, это я вижу, нравится.

– Ну, знаешь, жизнь так быстро меняется, что все предусмотреть нельзя. Хотя, случись что, я смогу, как и прежде, с гитарой наперевес денег заработать.

– А что, тоже чувствуешь, что мертвечинкой-то пахнет? – ехидно спросил Соколов.

– Да нет, вроде как помещение проветриваю, а вообще тревога есть...

– Еще бы... Вот мы тут выпиваем, мясо жрем. А где это мясо купить? На рынке, магазины-то пустые. И все эти тусовки с «поросятами» на столе и на сцене...

– Ну, пир во время чумы... – сказал я банальную фразу.

– Да ладно, мы с тобой успели урвать. И погуляли, и попели, да и девчонки...

– Ты это к чему?

– Да я все о Димке с малым думаю. Знаешь, если будет возможность, я срулю отсюда, – сказал Серега, закуривая.

– Куда?

– Да в Штаты.

– А что, тебя там ждут?

– Да прорвусь, – отрезал Серега.

– Так придется отстреливаться, погоня будет... А еще хуже, если не будет и поймешь, что и гнаться за тобой никто не собирается. А потом, у тебя на руках два пацана и жена. Да и профессии для ихней жизни ни у тебя, ни у меня нету. Так, как мы поем, в каждом переходе поют черные, чтобы набрать на дозу. А где сейчас Валов, где Лерман да и все остальные? А они среди нас были отнюдь не последними!

– Да ладно, это я так... Осталось там винца? – спросил Серега, сворачивая беседу.

– Ну не так чтобы... Сейчас плесну...

И мы пили, чтобы уйти от темы разговора. Не помню, выводил ли Соколов меня на идею совместного концертирования, но у нас в «Саквояже» был комплект и у Горного Короля хватало гордости не переводить наш треп в эту плоскость. И он не просился к нам барабанщиком.

И грянула реформа Гайдара. И все в одночасье стали, скажем так, небогатыми. И все стали «капиталистами» и стали считать деньги, которые надо заплатить за аренду концертного зала, за рекламу, за перелеты и т.д. Это коснулось всех, и все начали минимизировать расходы. И группы, игравшие джаз-рок, уволили духовую секцию, заменив живое звучание на имитацию клавишных. А что? Если включить на «Korg'e» тембр «bruss», то звучит очень живенько, и зритель не отличит, да и все равно ему, этому зрителю, кто там играет эти никому не нужные дурацкие синкопы. А потом отпала нужда и в барабанщиках: сами посудите – их, барабаны то есть, нужно либо транспортировать, либо брать в аренду, а это какие деньжищи. А сколько грохота от них, их же никогда невозможно отстроить.

А еще мэр города N-ска был на концерте и очень недоволен остался звучанием большого барабана... Особенно по ушам била верхняя середина. Так и сказал: «Верхняя середина».

И начались увольнения... Да какие увольнения? Тогда ведь толком никто никого на работу и не принимал. А профсоюз? Какой профсоюз, кто такой профсоюз? Ты – профсоюз?.. И вот однажды духовику или ударнику перед следующей поездкой никто не звонил, и он понимал, что надо выкручиваться самому.

Я не помню, как все это происходило в «Бастионе», скорее всего различных умений и гордости Соколову хватило, чтобы достойно объясниться с Барановым, да и сам Баранов, думаю, искал с Серегой вместе компромиссные варианты. Короче, ушел Соколов на вольные хлеба, но фасон при встрече со мной держал и старался не жаловаться на горькую судьбину. Единственное,

озадачил меня тем, чтобы я ему, как супермастеру, поставлял клиентов для починки любого аппарата.

Х

Деньги, русские деревянные, превратились в ничто, но даже это «ничто» негде было заработать. И уже у многих сторонников «демократического образа жизни» стали возникать вопросы «как же так?» и «туда ли мы идем?». Как мы выстояли в те годы и не превратились в тлен – до сих пор эти вопросы не находят у меня ответа. Разговоры о том, что сейчас эпоха Водолея и Россия находится под защитой этого знака зодиака, меня не очень убеждают. Мне думается, что те, кто сначала обрадовался упадку нашей страны, потом поняли, что, если попробовать, как в борцовской схватке, дожать, мы можем не удержать атомную бомбу ослабевшими руками, и она рванет. В общем, выстояли, но было несладко, а иногда и стыдно за себя и за своих рулевых.

В это время Соколов, а он уже не мог быть вне МУЗЫКИ, начинает работать диджеем дискотеки в одном из интеротелей Москвы. При встрече он меня уверяет, что формирует репертуар, что его диско – явление в индустрии развлечений города, что америкосы, бундеса и финики готовы его носить на руках. Лучшие телки, открыв рот ждут, только его знака.

– И ты чего, маякуешь? – ехидно спросил я.

– Ты что, зачем мне это... – с чувством ложного пафоса отвечал он.

– Серега... Дискотека... Всякие «Modern Talking» и «Joy», «СС Katch». Где твои идеалы, твой рок-н-

ролл? Господи, как тебя перемолола эта безжалостная жизнь.

– Малежичек! Ты чего сегодня вечером? Может, бухнем?

Я в первый раз услышал от Соколова подобное предложение. Звончек тревоги тренькнул у меня в душе.

– Да нет... Поехали домой, нам по пути. Поболтаем... Завтра у меня ранний вылет.

– Ну как хочешь. А я себе возьму... Дома перед сном... Устаю очень.

– ОК. А как Ленек? Как дети? – спросил я.

– Все здорово. Ты же знаешь мою позицию – женщина не должна работать.

– Ну это я усвоил. А ребята?

– Димка со школой по линии обмена школьниками между Россией и США едет в Нью-Йорк. Пусть посмотрит. Нам же с Толяном нельзя было выехать из страны из-за засекреченного папки, а Димка пусть съездит, потом отцу расскажет.

– Ну и дяде Славе пусть тогда тоже глаза откроет и жвачки привезет.

– Заметано.

– А маленький?

– А маленький еще маленький.

Девятиклассник Дима Соколов полетел в Нью-Йорк в город-мечту, в который его отцу так и не суждено было попасть. Соколов-старший был страшно горд, будто отправил сына на Луну. А еще через месяц он позвонил мне и попросил заскочить для «нетелефонного разговора».

– Представляешь, его хозяева... – начал Серега.

– Стой-стой, какие хозяева?

– Ну семья, где Димка живет в Штатах... Короче, у них детей нет, и они пригласили Димку остаться жить в их доме и закончить школу там, в Штатах.

– И ты чего?

– Я не против...

– А Димка?

– Димка сделает так, как я решил. Я же – отец.

– Лен, а ты чего молчишь? – повернулся я к жене Соколова.

– Я что? Серега решает... А я? Я буду плакать и помогать, если смогу чем.

– А как помогать-то? – спросил я.

– В том-то и дело, – это уже Серега. – У нас самих денег нет. Это скорее он, Димка, нам поможет. А потом – так повезти может только раз в жизни.

– Ой, ребята, что-то страшно мне за вас.

– Малевичек, а ты не бойся, – подвел итог Серега.

И Димка остался в Нью-Йорке. У него появился хороший английский, а в точных науках его американские друзья так и не постигли знаний наших восьми классов. А потом наступило время, чтобы определиться. И при всем бардаке, что творился у нас в стране, Димка, да и его родители в России поняли, что аттестата зрелости у сына нет, завтра-послезавтра маячит армия, и Димка решает не возвращаться домой, перейдя на нелегальное положение. Из симпатичного подростка он превратился в такого крепенького, с обильной щетиной на щеках мужичка среднего роста.

Его приемные родители отказали ему в доме, и вот уже двадцать два года Дима перебивается отдельными заработками, переходя с одной съемной квартиры на другую и меняя женщин не от того что, а потому что...

Я его встречал в Нью-Йорке на Брайтоне... Он с подружкой приезжал на мой концерт в «Миллениум». Я его свел со своим товарищем, обещавшим помочь ему обзавестись официальными документами, но в очередной раз не получилось. Он даже не смог прилететь в Москву на похороны своего отца. Это, правда, случилось чуть позже. Не знаю, то ли не было документов, то ли денег...

А пока Серега Соколов жил в кайфе, что коль ему не удалось по пути Колумба открыть Америку, то уж следующие поколения Соколовых будут счастливо жить на земле обетованной.

Кстати последняя новость от Димки – его новая женщина на сносях и вот-вот Ленек станет бабкой...

А Серега ушел рано. Инсульт... Я думаю, непосильный режим работы, когда зачем-то надо было ехать проводить дискотеку, не приносящую в общем-то денег, на другой конец Москвы. Это после тяжелого трудового дня... Выпивка... А главное, я думаю, самоедство! Невозможность примирить рок-н-ролл и «Modern Talking», понимание, что негде сыграть любимую музыку в современных «реалиях» и что «все они – козлы».

XI

Как это водится, на похороны и поминки собрались ВСЕ. Было много слов, много тостов. Ленек превзошла себя и собственноручно накормила несколько смен музыкантов, которые пришли поклониться Сереге Соколову – неплохому барабанщику и замечательному мужику. Как водится, говорилось, какие мы крутые, ругали беспринципность и дилетантизм молодых.

А потом решили собраться и сыграть концерт памяти Соколова. Кто-то сказал, что он сможет договориться с клубом, кто-то пообещал, что подгонит репортеров, кто-то сказал, что мы им покажем, как надо играть.

Все, кто поминал Серегу, пришли... Пришли с инструментами, прихватив еще и своих друзей. Было (ищу слово) невесело... Большинство выходявших на сцену были вне профессии, быстро это понимали и уходили в зал. Иногда повисала затяжная пауза. Но все-таки в кругу друзей Сереги Соколова были люди, которые состоялись как музыканты... И они прикрыли... За полночь все разошлись по домам, в общем-то понимая, что сделали что-то хорошее для Сереги, Ленька, а главное – для себя.

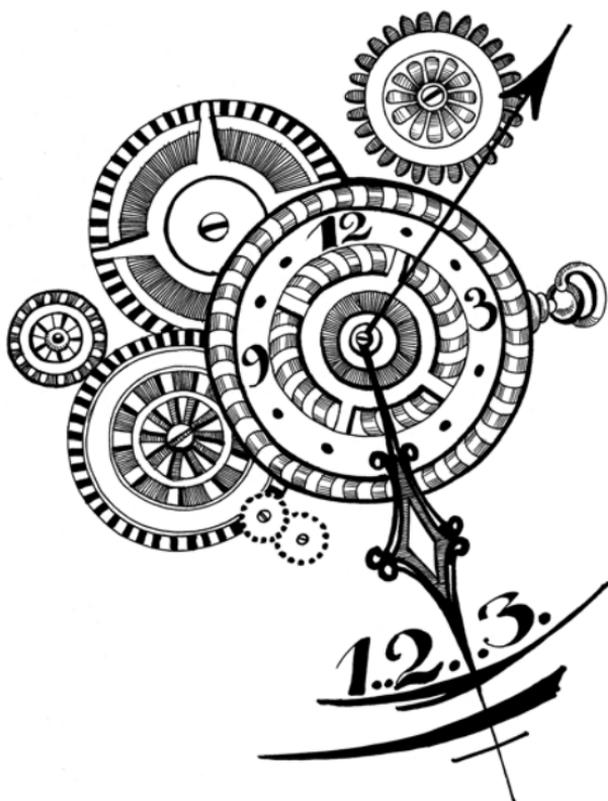
В этом году Ленек всю зиму провела в Египте. Вернувшись в Москву, она изъявила желание сгонять к нам на дачу.

– Я теперь лицо заинтересованное, – трещала она в машине. – События на площади Тахрир меня интересуют даже больше, чем сражения в нашей Думе. Славка, ну-ка, включи мне последние известия. Что там у нас в Шарм-Эль-Шейхах?

Я нажал на ручку автомобильного радиоприемника, и мы услышали голос диктора: «По просьбе наших радиослушателей исполняется симфоническая пьеса из спектакля «Пер Гюнт» «В пещере горного короля»...

ТРУДНО БЫТЬ ПЕРВЫМ...

- 3 наешь, Ир, я хочу написать про Бушневского, – обратился я к своей старинной приятельнице Ирке Маслаковой, с которой нас (и наши семьи) связывала уже почти тридцатилетняя дружба.

– Да сейчас никто не читает.

– Да это и неважно. Напишу для себя, для тебя, для Тургеши, а там вдруг...

– А зачем ты хочешь это сделать? – спросила Ирка.

– Он для меня открылся как-то по-новому, с того момента, как всем сообщил о своей болезни. До этого

была ты... Царица, барыня, красавица, творческая личность, взрывающая художественные и моральные устои. А Вовка?.. Он был как бы при тебе, в тени твоей кипучей натуры. Он позволял тебе солировать, был таким Менакером в дуэте с Марией Мироновой. Помнишь советскую эстраду?

– Да нет, ты не прав...

– Чего я не прав? Конечно, в компании, где были Тургеша и Смогул...

– Да и ты, мил мой человек...

– Ну, в общем... Нетрудно было потеряться.

– А что теряться – не теряться. Он был мой человек, и как мы жили-были, вот о чем надо говорить. Ты удивишься, а я ведь тоже хочу о нем написать.

– А может, нам объединиться? Будет такой дуэт Ильф и Петров? – предложил я.

– Ну, во-первых, я – Маслакова, а потом, ты послушай: картина первая...

– Ты что, спектакль затеваешь?

– Ну я еще не решила про жанр своего творения... Короче, выпускной вечер в моей школе, и мальчик Паша во время танца, а потом и во время совместного «заплыва» на Красную площадь пытается объясниться мне в любви. Но не хватает ему смелости. А мне это, ну ты сам понимаешь, все до фонаря... Потом взрослая, вернее, студенческая жизнь, и я, полная дура, вылетаю замуж за этого малахольного Маслакова.

– Подожди-подожди... Это за Пашу?

– За какого Пашу? Я же тебе говорю – за Маслакова, а у Паши фамилия была Голиков. За Мас-ла-ко-ва. Ты же понимаешь, я – дитя, он – дитя... Слава богу, что еще никого не смастерили...

– Наверное, не умели... – съехидничал я.

- Э-э-э, парень, с этим было все в порядке... Во всяком случае, нам так казалось... А потом раз...
- И в глаз.
- Хорошо, не пид...с. Чегой-то я, право?
- Ну что, не срослось? – вернул я Ирку в ее рассказ.
- И слава тебе, господи... Молодо-зелено...
- А что же Паша? Раз ты его заявила в начале своего повествования, не мог он так просто уйти из твоей жизни, – решил я дать редактора.
- А он и не ушел... Трагедь там была, самая настоящая трагедь... Не мог утешиться парень, в петлю хотел лезть... А потом я его как-то потеряла. Он перестал искать со мной встреч. Да и я, разбежавшись с Маслаковым, такого дрозда дала, что... Ну ты же помнишь, я огонь была.
- Что значит – была?
- А то и значит, что была... Не вешай мне лапшу на уши, а то растаю... Так о чем я? Не сбивай меня с мысли...
- Ты о романе про Володю, – подсказал я.
- Ага... Знаешь, как в кино – гонг, и надпись на экране: «Прошло пятнадцать лет». Я уже замужем за Фомушкиным, у нас Машка в школу пошла... И вот однажды мы с Зиной Плисовой решили зайти в церковь. Зинка хотела свечки за упокой поставить. Ты же знаешь, я убежденная коммуныка, в церковь, как правило, не хожу, а тут за компанию. И мы зашли в храм, купили свечек, написали записочек и решили отстоять службу, больно здорово пели певчие. Голос батюшки мне показался знакомым, но я не придавала этому значения. А когда он с кадилом пошел по храму, я так и обомлела: с седыми длинными не очень

густыми волосами, с реденькой бороденкой, ко мне приближался мой старый ухажер.

– Пашка?! – невольно вырвалось у меня.

– Ира, – сказал он, а я не поняла смысла его интонации.

После окончания службы я подождала его. Он рассказал, как вера его спасла от разных глупостей, когда он был влюблен в меня. Я тогда первый раз исповедовалась. И он отпустил мне грехи.

– Просто какой-то Распутин. Ты грешешь, желательнее с ним, а он же тебе эти грехи отпускает.

– Дурак ты, Малежик.

– Ну хорошо, отец Сергей Льва Толстого тебе больше нравится? Ты посмотрела, все пальцы у него на руке были на месте?

– Тьфу на тебя... Еще раз тьфу...

– Ирка, я только не пойму – этот роман-то про Володю будет или про тебя?

– Думаю, что Володю спроецирую, описывая себя.

– А-а-а... Это как в анекдоте: на выставке, посвященной юбилею Ленина, картина, на которой изображен шалаш и из него торчат две женских и две мужских ноги. Название картины «Ленин в Польше». Вопрос посетителя: «А чьи это ноги?» Ответ: «Дзержинского и Надежды Константиновны». – «А где же Ленин?» – «А Ленин в Польше».

– Малежик, с тобой нельзя серьезно разговаривать.

– Да, Ирка... Гонг... и надпись про 15 лет тебе удалась.

I

Квартира Тургеневых – Володи, Наташи и их маленькой дочки Машки – была точкой нашей постоянной дислокации. Во-первых, она располагалась недалеко от метро «Проспект Вернадского», вокруг которого по счастливой случайности жили основные двигатели нашего коллектива (Смогул, мы, Маслакова со своим); во-вторых, Тургеневы не были обременены сожительством с родителями, а это очень важное обстоятельство. В-третьих, соседи Володи и Наташи были молоды и приучены к полуночным застольям, более того, они зачастую принимали в них деятельное участие. Причем квартира Тургеши открывала свои объятия не только взрослым, но и детям.

А случилось так, что мы, Маслакова и Тургенева отправили 1 сентября 1984 года Никиту и двух Машек в сорок первую школу в первый класс. И где-то часа в три пополудни родители и дети собрались отметить это радостное событие. Для моего повествования о Володе Бушневском важно, что я в первый раз увидел Ирку на наших сборищах без Фомушкина, ее второго мужа и отца Машки.

– А где твой? – спросила Наташа.

– Муж-то? Объялся груш.

– Может, ему слабительного? – спросил хозяин дома.

– Обойдется.

Не знаю, как разбирался без слабительного в тот день Фомушкин, а у нас было весело. Во всяком случае, Иркино лицо не хранило печали, и она принимала деятельное участие в празднике. А праздник получился неординарный. Детский сладкий стол – это

само собой, но мы же должны были поднять за детей. И кто-то предложил сделать крюшон. Был куплен арбуз, его проткнули и начинили бутылкой коньяка, добавив водки и шампанского в нужных пропорциях. Затем его, арбуз, трясли и взбалтывали. Этот продукт, заключенный в тело арбуза, отнесли охлаждаться в ванну... А дети тем временем, вспомнив детсадовское прошлое, решили нам, взрослым, преподнести спектакль, который был подготовлен, написан и сыгран нашими Машками и Никитой. В Машкиной комнате шли интенсивные репетиции, а на кухне Тургеша с моей женой вспороли пузо арбуза и затем ярко-розовое содержимое этой, как говорят, ягоды было разлито по фужерам.

– Пусть это здесь постоит на подносе, мы посмотрим их «утренник», а потом тяпнем, – сказал Тургеша.

– Володь, посмотри, бокалы стоят, как на великосветском приеме, – заметила Татьяна, поправляя фужер на подносе.

– Не говори... Пошли...

– Дети! – позвала моя благоверная.

И дети читали стихи, и пели, и танцевали... А мы аплодировали и вызывали их на очередной поклон. А потом они, счастливые и мокрые (в смысле вспотевшие), убежали за «кулисы». Мы были переполнены гордостью за своих таких талантливых детей (а неталантливых, как известно, не бывает) и радовались, что они будут учиться в одном классе.

– Ну что, надо выпить? Танюх, тащи крюшон...

Два жалких бокала с арбузным коньяком мы увидели, когда пришли на кухню, услышав вопли Татьяны.

- Это дети съели, – сказал Тургенев.
- Что будем делать?
- Может, два пальца в рот? – Это уже я.
- Давайте сначала сами попробуем, что получилось, – сказала Маслакова и осушила бокал.
- А ничего, мне по нраву.
- Детям, видно, тоже... Почти все выпили.
- Ну, им было жарко, – пыталась защитить детей Маслакова.
- Пошли посмотрим, как там они.
- Мы, толкаясь, вошли в детскую к Машке.
- Так, бабы переругались, – молвил Володя, глядя, как две Машки выясняют, кто из них неправильно ответил на фразу Никиты.
- Ага, а мужик, как и положено, все проспал и храпит. – Это уже моя жена, глядя на самозабвенно храпящего сына, пыталась перекричать сцепившихся маленьких фурий.
- Выживут, главное, что спиртное, вернее, первое спиртное они получили из рук родителей и приняли его тоже под их неусыпным взором, – подвел итог посвящения в школьники хозяин квартиры.
- Мы подняли тост за первоклашек и свернули праздник. Никита остался у Тургеневых до полной реанимации, а Ирка повела свою домой, хотя маленькая сильно сопротивлялась.

II

Вечеринки в доме Тургеневых... Кстати, как звучит – «Вечеринки в доме Тургеневых»! Можно было бы продавать билеты. Так вот, эти самые вечеринки

были чем-то похожи на великосветские салоны XIX века, только салоны советского разлива. То Маслакова, то Смогул, то я притаскивали какую-то знаменитость или кого-то из молодых, но с явным потенциалом. Ну а если никого на горизонте не было, то основной костяк нашей штаб-квартиры принимал удар на себя, и, как правило, веселье задавалось. Мое отсутствие ввиду постоянных гастролей не нарушало привычного ритма «собраний» и даже песни из моего репертуара, ставшие «любимыми песнями нашей компании», пелись под аккомпанемент Смогула либо Саши Подболотова – известного в театральных и околотеатральных кругах филармонического певца, который неплохо играл на шестиструнке. Маслакова, кроме художественного обеспечения (а она приводила порой неординарных личностей и по праву с ними делила успех в домашнем концерте), часто приносила, как бы сейчас сказали, эксклюзивные спиртные напитки из хозяйских «погребов».

– Ты знаешь, – говорила Ирка, – моя матушка, Зося ее зовут, была весьма высокопоставленным авиационным деятелем, где-то второй-третьей после министра. Она что-то там делала по снабжению и по распределению (например, путевок на курорт)...

– А-а, поэтому она у тебя такая уверенная в себе особа, готовая решить любой вопрос?..

– Ну да... Так вот Зося брала борзыми щенками, причем исключительно породистыми...

– Хочешь сказать, псарня у вас была знатная? В смысле коллекция вин и коньяков...

– Ты не представляешь, Славик, насколько знатная... Причем традиции поддержания ее в порядке не умерли. Мне тоже благодарные артисты несут, и в каком количестве!

– Я тебе должен сказать, что породу выпивки на нашем столе ты явно улучшаешь... – поддержал разговор я.

– И заметь, не прилагая особых усилий.

– Это в тебе порода говорит... – ввернул Тургеша.

– Экстерьер, умение взять след...

– Способность разбираться в антиквариате и всяких там авангардных течениях... Кстати, а когда мы отправимся на экскурсию в закрома Родины? – спросил я.

– Милости просим... В Рассудово на дачу с дегустацией лучших образчиков винодельческой продукции нашей многонациональной Родины.

– Рассудово рассудит, Рассудово рассудит, кто Ирку крепче любит...

– Славик, ты опять на себя, любимого, сбиваешься?

– Почему на себя – на тебя! Предлагаю провести конкурс на лучший гимн, посвященный тебе.

– Вот. Есть зерно... – хмыкнула Маслакова.

И на посиделках у Тургеша Ирку ждали... Ирку, такую обильную на выдумки и подарки, такую громкую и неумную, и она, как правило, врывалась, всегда чуть задерживаясь и давая атмосфере вечеринки новый импульс. В тот вечер она пришла одетая в какой-то камуфляж, в сопровождении двух мужиков. Оба с приличными залысинами, один, правда, с бородой, а второй в усах. Который с бородой держал под мышкой гитару, зачехленную в какой-то коззаменитель.

– Это автор-исполнитель Вова Патрушев. Малежик, обрати внимание – непревзойденный гитарный мастер. Вот себе смастерил восемнадцатиструнную гитару.

– Так это же какой-то роаль, – брякнул я.

– Да, я чуть перебрал с количеством струн. Играть не очень удобно и все время расстраивается, – произнес первую фразу в нашей компании Патрушев.

– Зато такой гитары ни у кого нет, – парировала Ирка.

– А у меня есть самолет, который я сделал из газеты с намерением покорить Северный полюс.

– Тургеша, это у тебя шутка такая?

– А второго твоего гостя, Ирина Сергеевна, как зовут? – произнес В. Тургенев, подражая актеру Милляру.

– А меня зовут Владимир, я занимаюсь техническим обеспечением Ирины, – ответил усатый.

– Ну, слава богу, хоть тебя не Вовой зовут, – сказал Тургеша.

– Мы его зовем Бушневский. – Это Ирка.

– Как-как? Бжезинский? – паясничал Тургенев.

– Бжезинский-Бжезинский – главный антисоветчик из Америки, самый кровожадный ястреб, люто ненавидящий и мечтающий демонтировать советский строй, – ухмыльнулся Бушневский.

– Вот теперь понятно, а то Вова, Вова, – подвел итог встречи в верхах хозяин квартиры.

И Бушневский моментально вписался в нашу компанию благодаря мягкому нраву, умению красиво и хорошо выпить и поговорить по душам. Самое интересное, что имя Вова отошло к нему, а Тургенев стал Тургешей. Ирке не задавали лишних вопросов о Фомушкине, и он как-то очень естественно выпал в осадок. Вова был хорош тем, что в нашей компании ярко выраженных артистических натур, что уж там скрывать, любящих потянуть одеяло на себя, он был каким-то неуловимым балансиром, без которого система функционировала уже не столь гладко.

В тот вечер, а мы сначала не обратили на это внимание, у Бушневого в руках была довольно тяжелая сумка.

– Это что, Ирэн? – спросил Тургенев.

– Это подарки от Деда Мороза. Пойдем выпьем, а потом всем сестра́м по серьгам.

– Ну что ж, пошли.

Мы зашли в комнату, стол был уже накрыт. Что Бог послал нам в этот день, я не помню, но это и не важно... Сели, выпили, закусили... Через паузу был заслушан отчетный концерт Патрушева. До глубины души не поразил, но, учитывая, что неплохой парень и что рекомендован Маслаковой, шанс зацепиться за наш «клуб» ему дали. И вот Ирка, облачившись в камуфляж (а она еще прихватила и обувь), внесла вместе с Бушневым в комнату сумку.

– Дети, а кто сегодня не выпивал и плохо закусывал, подарки не получит, – молвила наша массовица-затейница с интонациями Деда Мороза. И, театрально дернув молнию на сумке, она вытащила из сумки какие-то штуки и сказала, что сейчас мы устроим салют. – Я считаю, что жители вашего микрорайона лишены праздников, и мы должны восполнить этот дефицит. Тургеша, открывай балкон, ща мы жажнем, – скомандовала Маслакова.

– А что это?

– Это взрывпакет, ну тот, что используют на ученьях и при съемках в кино. А это... Мы запустим ракету! Помнишь песню: «Светилась, падая, ракета, как догоревшая звезда...»

– Песню помню. А где ты это все взяла?

– Да в N-ской дивизии. Мы там сюжет снимали, Патрушев им песни пел, а я дружбу водила с ихними командирами...

– А как ты все это достала? – не унимался Тургенев, опасаясь за целостность своей квартиры...

– Как-как... Объяснила, что нужно для подсымки. Как миленькие все выдали.

Это сейчас все привыкли к самодеятельным салютам и к китайской пиротехнике. А тогда... Все компоненты вынесли на балкон квартиры, волнуясь, чиркали спичками о коробок, наконец пакет громко рванул, и почти одновременно ракета взяла старт. Так не бывает, но так было... Ракета взмыла ввысь и, вы не поверите, влетела в форточку окна на последнем этаже шестнадцатизэтажного дома, что стоял рядом с нашей «штаб-квартирой». Что-то в окне полыхнуло, судя по всему, загорелась шторка.

– Ложись, – крикнул хозяин дома.

Полупьяная компания со смехом рухнула на пол.

– Воздушная тревога, светомаскировка.

Погасили свет, и кто-то сказал:

– Если нагрянет полиция, мы друг друга не знаем, встретились случайно, расходимся по одному.

Кто-то нестройно затыкнул:

Смело мы в бой пойдём

За власть советов...

Все дружно, но сдержанно, чтобы не услышали на улице, подхватили:

И, как один, умрем

В борьбе за это.

Судя по тому, что из окна обстрелянной нами квартиры не валил дым, шторку погасили. Но тем не менее, следуя законам конспирации, расходились по одному. Может, и правильно. Ирина Сергеевна, у которой связи распространялись ого-го куда, потом

рассказала, что ракета влетела в окно греческого дипработника и что греки накатали какую-то жуткую предьяву о том, что был совершен практически террористический акт. Советско-греческие отношения могли зайти в тупик, назревал политический кризис.

– Меня сегодня, как бы случайно, один тип в штатском спрашивал, не видел ли я, не слышал ли я... – рассказал Тургеша Ирке через пару дней.

– Надо пока завязать с посиделками, а то нас заметут.

– Я сказал, что меня вообще в городе не было.

– Это они проверят на раз.

Но, наверное, грекам от нас, то есть от страны, чего-то надо было, и все это дело спустили на тормозах. Ирке не пришлось даже звонить своим высокопоставленным друзьям.

III

А перестройка шествовала по стране. Ее тяжелый топот подмял под себя многих из тех, кто не успел «перестроиться». Кто увернулся от одной ноги, мог попасть под вторую, под двадцать пятую. Не перестройка, а какая-то сороконожка. И все уворачивались и пытались выжить, часто теряя человеческое достоинство. Как все было, описывать не стоит, хотя это была среда обитания наших героев, которая формирует и характеры, и поступки.

А у наших героев Маслаковой Ирки (опять почему-то написал ее первой) и Володи Бушневого родился сын Сашка. Очаровательный рыжий бутуз, которым хвасталась мать и гордился отец.

И в это время подвернулась творческая командировка в Венгрию, и наши «молодые» уехали в Будапешт. После окончания съемок они неожиданно решили остаться по делам бизнеса в уже «не братской» Венгрии. Был организован «колбасный бизнес», и Вова преуспел в нем, резко превратившись из человека, ничего не смыслящего в «колбасных обрезках», в креативного специалиста, фонтанирующего идеями и энергией. Судя по фотографиям, жизнь у молодой семьи складывалась достаточно успешно и «жемчужина» Хунгарии и вообще центральной Европы – озеро Балатон было обласкано их вниманием.

А потом они решили вернуться, дабы дать сыну Сашке достойное образование на Родине. Но Родина жила в каком-то другом ритме и танцевала иной танец, и поймать нужную волну ни Ирке, ни Бушневному не удавалось. На телевидении были другие герои, которые несильно обрадовались возвращению очень приличных

специалистов в свои пенаты. Но Вова и Ирка не унывали, тем более что наели себе на русско-венгерской колбасе некоторый запас жира... «Все не так, ребята», хотелось спеть за Высоцким, да и если не петь, все было понятно. Тургенев со своим клубом сдулся, и после пары вечеров, которые своей неукротимой энергией организовала Маслакова, все по-тихому свернулось. Мы разъехались по разным концам Москвы на новое жилье, и редкие перезвоны обычно заканчивались фразой: «Надо встретиться, а то что-то мы...»

Иногда, правда, встречались, если кто-то построил дачу и предстояло торжественное открытие. Хотя все были в курсе жизни каждого: знали, когда у меня концерт, знали, что Тургеша сменил работу, а у Наташки мама приехала погостить и достала зятя так, что... Знали, что Смогул прилетел из Германии и что у него новая жена. В общем, такое неспешное чтение доски объявлений на фоне мелькающих дней быстротечной жизни.

А потом и дети пошли в институт. Это старшие, а младшие делают определенные успехи... Ничего интересного...

IV

Где-то в начале нулевых мы с женой летом решили отдохнуть и подлечиться, вернее, провести профилактику организма в санатории «Белые ночи» под Питером. Финский залив, с погодой повезло, красота Подленинградья поразила и сразила... Какая Рублевка?! Какая Николина Гора?! А мы еще рванули в Питер на своей машине... И нарисовалась куча

друзей. Помимо медицинских процедур еще этакий психологический расслабон. Я и моя гитара в центре внимания – о чем еще можно мечтать. И на второй или третий день нас находят Бушневский и Маслакова. Нам не нужно было настраиваться друг на друга. Мы не могли наговориться. Причем это был обычный треп про своих товарищей, про детей, которые нас не понимают, про то, как вкусно сегодня пообедали. Мы ходили в гости, к нам кто-то приезжал, но наша четверка была, по сути, неразлучна. А где-то на пятый или шестой день нашего кайфа Ирка (а Володя вернулся за чем-то в отель) завела этот разговор:

– А знаете, у нас не все в порядке...

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Вова...

– Что «Вова»?

– Он еще в Москве прошел обследование. У него неоперабельный рак...

– Как??

– А вот так... рак легких... славу богу, метастазы не задели еще позвоночник.

– Вова знает?

– Да... Он сам настоял, чтобы ему сообщили диагноз. Врачи отпустили ему три месяца жизни.

– И как нам быть? Как вести себя с ним?

– А так, будто ничего не знаете. Чем ему будет веселее с нами, тем лучше. Так что будем устраивать ему праздник...

– А он что говорит?

– Вова-то? А он говорит, что никто не знает, когда за ним придет тетка с косой, поэтому и нечего себя грузить.

– Слушай, а боли у него как?

– Пока никак... Я думаю, что вопрос времени. Но я все сделаю, чтобы он за этот месяц, год, два получил от жизни столько, сколько другой не видит и за целую жизнь.

– Да...

– Ну ладно, он возвращается.

И мы быстро сменили тему разговора. Поначалу это было несколько натянуто, а потом мы вошли в роль и общались с ним и с Ирккой как в далекие годы торжества тургеневской квартиры.

А Бушнеvский был мужчина. Даже зная о страшном диагнозе, мы не могли заметить каких-то отклонений от его обычного поведения. Он был ровен, остроумен, не грузил размышлениями о жизни. Не заметил я и стремления алкоголем заглушить свои переживания.

Месяц пролетел незаметно, и я могу сказать, что это был один из лучших моих отпусков. Хотя, кто меня в этот отпуск отпускает? В общем, вы поняли... Мы проводили Вову и Ирку на самолет, а сами через три дня рванули в Москву на машине. Перед отъездом мы договорились встречаться почаще. Ребята жили в Фаустово под Зеленоградом, но вдруг (слово «благодаря» здесь будет неуместно) все осознали, насколько быстротечна жизнь, и их дом наполнился гостями и успешно заменил тургеневский флэтэрий. Ирка, которая раньше не была замечена на кухне, теперь кашеварила, не отходя от плиты. Ей помогли дети – Машка и Саша и сестра Вовы Ирэна.

А Володя был бенефициантом. Он мастерски принимал гостей, находя нужные слова и интонации. Ни разу за все время борьбы с болезнью он ни единым словом не упомянул о своем здоровье. Он с нами выпивал, пел песни, травил анекдоты. Ирка – ге-

роическая женщина – подняла все свои связи, а она многих знала и многие к ней хорошо относились. Все медицинские светила, если только до них можно было докричаться, побывали в доме Бушневого.

Да-да, я сказал Бушневого, потому что Володя, чья скромность путалась с застенчивостью, однозначно превратился в главу семейства, который несмотря на недуг проявлял свой мужицкий характер и способность быть лидером. А Ирина Сергеевна вдруг поняла, что все ее штучки не стоят одного доброго и мудрого взгляда мужа. И она стала простой русской Бабой. Бабой с большой буквы. И это увидели все. И ее новая роль затмила всякие прошлые победы на сцене Жизни. Она выиграла, вернее, отвоевала для себя, для детей, для нас три года жизни с Володей. Сравните три месяца, обещанные врачами, и три года, которые она его продержала на плаву. Мы все видели, как он сдает. Я не буду описывать этапы этого разрушения физического здоровья. Но мы еще видели, как в нем крепнул дух, как он, понимая глубину своей болезни, отдавал распоряжения по телефону, решая проблемы, которые, как он считал, должен решить только он.

Не знаю почему, но, наблюдая в эти дни за Ирой и Володей (а почти каждое воскресенье в Фаустово был аншлаг), часто ловил себя на мысли, что мы смотрим очень крепко срежиссированный спектакль, написанный самой жизнью. А почему нет? Если говорят, что спектакль – отражение жизни, то и обратная постановка вопроса правомерна.

Ирка обозначила себе цель – дотянуть Бушневого до шестидесятилетия и закатить пир на весь мир. И она, вернее, они – Вова и Ира – этот праздник устроили.

Приехали все... Володя полулежал на диване около стола и с улыбкой смотрел, как мы справляем его юбилей. Он с нами даже выпил за свое здоровье. Удивительно, но ничего натужного в этом застолье не было, и я думаю, что все гордились, что они оказались среди гостей, считай друзей Володи Бушневого. Среди нас был и батюшка – наша коммуняка Ирка так окрестила мужа за три месяца до его шестидесятилетия. Мы уезжали из дома Бушневых, и он нам улыбался, может, чуть более грустно, чем обычно.

Вовка улыбался, ведь он так любил друзей и гостей.

Он так любил жить!

ПОЛОВИНКИ

Фраза о том, что муж и жена – две половинки, стала настолько расхожей, что мы, используя ее, не очень-то вдумываемся в глубинный смысл, заложенный в ней. Наверное, тот, кто впервые ее произнес, неизвестно еще на каком языке, не имел в виду точную количественную оценку. Скорее это были две составляющие, которые, соединившись, давали целое. И не нужно обсуждать недостатки его или ее, и пусть у нее какой-то дурацкий выступ и не в том месте... Неважно, значит, у второй половинки в соответствующем месте расположен паз, в который точно войдет этот пресловутый выступ. Это похоже на пароль...

Помните, в шпионских фильмах: агент А, встречаясь с агентом В на вражеской территории, предъявляет купюру или фотографию, разорванную кое-как. И агент В, отслеживая окружающую обстановку, достает свою часть разорванной купюры. Шпионы смотрят, как два отрывка денежки составляют целое. И если это слияние происходит, они радостно склеивают купюру скотчем и идут в ближайший пивняк пропить эту деньгу во славу будущей операции. Причем это делается под неусыпным оком контрразведки. То, что денежка получилась целой; то, что к драной двадцатке не пытались пришпандорить драные 100 долларов или даже фунтов и совсем уж невозможных юаней, говорит, что ты свой, ты одной веры, одного убеждения.

Вот так и с Homo sapiens. Вы не замечали, что мужчина, да и женщина не меняют своих привязанностей и не потчуют нас разнообразием? И так на протяжении всей своей жизни влюбляются чаще всего в один и тот же тип отдельно взятых людей. И думаю, не надо сильно заморачиваться и выносить ему или ей приговор – тебе нужен (нужна) другой. С длинными ногами, креативный, с голливудской улыбкой, с грудью (n+1) размера и далее по списку. А вот и не нужен (не нужна). Порвали на небесах купюру нашего героя так и только так...

И, следуя житейской логике, одну на другую менять – только время терять. А мы, живя в этом глянцево-м мире, зачем-то в сотый раз пытаемся оспорить эту истину и в сто первый раз наступаем на одни и те же грабли. Если про свой опыт, то могу сказать, что, не обнаруживая персоны, влюблялся и имел продолжительные романы только с девушками такого украинского разлива, с выдающимся большим паль-

цем на ноге, а он свидетельствует об очень сильной воле и таком же упрямстве, что вообще характерно для украинского народа, к которому принадлежу и сам я. Не знаю, какую часть моей лекции проиллюстрирует мой рассказ, попытаюсь его поведать так, как сохранила моя память.

I

С группой «Мозаика» я играл танцы на Черном море в деревне Вишневка. В самой Вишневке, что была расположена где-то на полпути из Туапсе в Лазаревское, и в ее ближайших окрестностях было четыре студенческих лагеря, в каждом из которых в силу своих возможностей играли и пели музыканты. И если ленинградский университет командировал в «Буревестник-3» диксиленд, то второй и первый «Буревестник» взрывали бит-группы (слово «рок-группа» еще не привилось).

Мы играли в первом. А четвертый лагерь, оболюбованный музыкантами, был в двух километрах от первого, а если по морю, то и вовсе в метрах пятистах. Располагался он в поселке Макопсе, и отдыхали в нем студенты Университета Дружбы народов имени борца за свободу конголезского народа Патриса Лумумбы. Играли там тоже студенты этого института – такая разноцветная команда, причем не чета нам. В соревновании с двумя московскими «Буревестниками» лумумбовцы явно проигрывали, и к ним ходили в основном за экзотикой. А у нас и во втором был кайф – танцуй не хочу.

Хотя должен сказать, что университетское начальство, которое должно было осуществлять идеологи-

ческий контроль, на первых порах его честно осуществляло. Сначала на утренней пятиминутке нам, музыкантам то есть, рекомендовали уменьшить количество рок-н-роллов и свести это количество до одного за вечер, ну в крайнем случае до полутора. Сократили, начали играть больше медляков... Тогда заметили, что во время танцев между молодыми горячими партнерами в обнимку творилось черт-те что. Дабы не допустить неконтролируемого размножения, было решено вернуться к старому регламенту, то есть играть то, что на душу ляжет.

Публика была в основном мирная, и рукоприкладства, во всяком случае в первые мои приезды в Вишневку, не было. Хотя однажды все-таки кое-что произошло... Правда, дракой назвать это трудно, скорее, это происшествие можно отнести к тем, что печатаются в рубрике «Нарочно не придумаешь». А дело было так... Один студент из МГУ, а это было в начале 70-х, приехав на юг, решил всех удивить своими познаниями в области боевых искусств. Видно, где-то он видел, слышал или прочитал, что есть такой вид рукопашного боя – карате. Может, даже изучал схему, где на рисунке 1 показана стойка, на рисунке 2 – уход от атаки противника, а на третьем рисунке уже осуществлялось нападение.

И вот наш первопроходец-каратист на пляже, а должен заметить, что начинку пляжа составляли парни и девчонки 20–25 лет. Сорокалетние, не выдержав ослепительной молодости и красоты, сами покидали пляжное заведение. Так вот, наш герой на протяжении трех-четырёх дней перед изумленной публикой демонстрировал иллюстрации из своего учебника. Но, видно, в учебнике не было описано, как надо кричать

при нанесении практически смертельного удара, и этот-то недостаток и подвел нашего бойца.

Представьте: студенты из трех «Буревестников», а также рабочая молодежь окрестных поселков, не считая просто дикарей-отдыхающих, собираются на открытие очередной смены лагеря «Буревестник-1». Народу – не протолкнуться. Наш спортсмен-каратист, крепко нарушивший режим (а как еще можно открывать спортлагерь?!), в новых фирменных джинсах, стоивших тогда целое состояние, во время танца ведет себя так, что мешает более трезвому студенчеству и рабочей молодежи. Ему кто-то из местных парней делает замечание, и наш герой лезет в затычку: вот он, случай показать перед дамой свою удаль и еще не до конца оцененное умение сразить противника ударом ноги.

Привычная ситуация – двое отходят в сторону, чтобы по-мужски... Каратист пытается сделать удар с рисунка 3, но джинсы – модные узкие джинсы! – предательски не позволяют поднять ногу на уровень хотя бы пояса. А местный парень тем временем по-крестьянски, не мудрствуя лукаво, успешно три-четыре раза бьет кулаком по хлебальничку поклонника японских боевых искусств. Но враг не был сломлен. Не желая мять новенькие джинсы, наш герой скидывает их, попутно снимает рубашу, в которой были документы и деньги. Дальше он это аккуратненько складывает под кустом в каких-то 8–10 метрах от танцплощадки и бежит на место боя – проучить противника, оставшись в плавках и кедах. Но противника, видно, закружил вихрь танца, и спортсмен, отличник (это из другого фильма) трижды по часовой стрелке и против, прошерстил танцующих, но обидчика не обнаружил. Когда он вернулся к знакомому кусту-раздевалке, то шмоток своих не нашел. Кто-то

сделал им ноги. И поделом!!! Не нарушай спортивный режим перед ответственными соревнованиями.

Но это был единичный случай, который не портил статистику и отчетность мероприятий «Буревестника». Золотая молодежь Москвы, Ленинграда, Ростова, а потом и Тбилиси, возвращаясь домой, умножала своими рассказами славу лагеря, что в деревне Вишневка. Не знаю, как там сейчас в Коктебелях и прочих Ибицах с их сексуальной раскрепощенностью (думаю, мне сейчас не понравилось бы, чего-то стал блюсти), а тогда на этом золотом пяточке черноморского побережья праздник продолжался круглые сутки. После танцев все шли «усугублять» на облюбленные места на обрыве у моря или на заветных полянах в горах. Море любви, море музыки – а играли и пели в этих местах люди, которые впоследствии не затерялись на подмостках нашей сцены. Пожалуйста вам – в кустах эксклюзив и интим (если по взаимному желанию – почему нет?), и новая песня глаза в глаза.

Так вот... Во всей этой беснующейся толпе выделялась «группа товарищей», пожалуй, чуть более взрослая, чем основной контингент, держащаяся всегда вместе. Их было человек шесть-семь... Это парней. А девчонки менялись, но всегда соответствовали уровню качества. Они лихо и умело танцевали рок-н-ролл, причем не такой спортивный, которым нас кормили потом с экранов телевизора и со сцены. Ну, знаете, когда есть акробатика и вытарашенный стеклянный глаз... Это был рок-н-ролл стихийный, с заусенцами и с подчеркнутым вниманием к партнерше. Ребята имели успех, и зрители, вернее, танцующие, благодарно образовывали круг, в котором и происходило это танцевальное шоу.

И мы познакомились. Они были из Ростова. У всех были разные специальности: кто-то – медик, кто-то – летчик, кто-то – диспетчер в том же порту, кто-то – еще студент. Жили в Ростове, правда, рядом, в районе Нахичевани. Удивительно приятные, умные и мягкие в общении, они приняли нас в свою компанию. Обращаю внимание, не мы их к себе допустили, а они нас.

– Где вы так лихо научились плясать рок-н-ролл? – спросил я одного из ростовчан – длинного, худого, но очень пластичного парня. Его звали Александр, и, судя по всему, он был лидером компании.

– Ну мы же из Ростова, а информации у нас почти столько же, сколько и в столице.

– Не верю.

– Ну не верь... Хорошо, мы обманываем сами себя... Нет, просто у нас есть ребята, летающие в том числе и в загранку. Друзья в Прибалтике, а там Скандинавия рядом... А еще фантазия... Мы все помешаны на Пресли и Литле Ричарде, поэтому дух мы схватили, а по канонам или не по канонам мы танцуем – это не важно. Нам весело, мы так живем...

– А ты учишься, работаешь?

– Я медик, закончил, сейчас занимаюсь научной работой, – терпеливо отвечал Александр.

– И что конкретно делаешь?

– Не поверишь – из ворованного спирта настойку делаю, не оторвешься. Будешь в Ростове, угощу.

– Да я в общем-то непьющий...

– Но оценить напиток?

– Договорились.

И мы ходили вместе в горы, делали шашлык, хотя сейчас бы я назвал это подобием шашлыка. На двух лодках с нашим басистом Кеслером, Сашей и еще с

основным по рыбалке Николаем ловили на самодур ставриду. Наловили два ведра, но в нашей лодке одно весло вылетело из уключины и экспресс-ремонт не поддавалось. Мы были, я думаю, в километре-полутора от берега. И тогда Грибанов (я изменил фамилию Саши) сел за единственное весло, а я прыгнул в воду и стал выполнять функцию руля. Доплыли. Вечером ростовчане устроили рыбный пир.

II

Время текло, мы менялись... Я стал профессиональным музыкантом, женился. Больше того, сменил пару мест работы, перемещаясь из ансамбля в ансамбль. Мы приехали с гастролями в Ростов. Город является и являлся воротами Кавказа, и его никак нельзя было объехать, гастролируя по югу России и северо-востоку Украины. Это я пишу для молодых, которым пришлось бы расшифровывать фразу «гастроли по югу нашей страны». Традиционно нас поселили в гостинице «Ростов», и ко мне заявился Серега Стрижев, живший в соседнем доме – подъезд в подъезд.

– Слава, не пугайся, мы сегодня всей нашей компанией во главе с Грибановым у тебя на концерте. Не беспокойся, нас обилечивать не надо, в нашем городе у нас все схвачено. А сейчас извольте одеться – время обеденное – и посетить мой дом. Мама ждет, отказ не принимается.

Мы пошли к Сереге в гости. Нас встретила его мама Анна Александровна. Очаровательная женщина, красивая, именно красивая, а не со следами былой красоты. Не броско, но очень элегантно одетая. Она пригласила

нас в комнату, где был уже сервирован стол. Все было готово к обеду. Большая, по моим представлениям 70-х годов, квартира, с высокими потолками, люстрой, кожаным диваном, креслами и стульями с высокими спинками вокруг обеденного стола. Но особенно поразила меня керамическая скульптура китайского болванчика или императора-мандарина, в общем, дядьки с большим пузом и складками на теле, как-то там задрапированного ихними китайскими одеждами, а также высокая, опять же китайская (судя по орнаменту), ваза, в которой стояли высушенные стебли то ли тростника, то ли камыша. На стенах была пара картин с традиционной китайской атрибутикой (фонарики, дома с типичными крышами, какие-то драконы) и черно-белый портрет мужчины в очках, с сигаретой в руке. Заметив мой интерес к фотографии, Анна Александровна сказала, что это ее покойный муж – отец Сергея и его старшего брата Геннадия. Старший сейчас подойдет.

– Анна Александровна, простите мою серость, но я никогда не бывал в подобных домах. Откуда вся эта красота?

– Ну, что-то осталось от моих родителей, не все раскулачили, – смеясь, сказала хозяйка «салона», – а что касается китайских мотивов, то наш папа был видным ученым-геологом. Еще во времена дружбы Китая и СССР Александр Петрович возглавлял экспедицию по поиску чего-то, о чем даже нам не говорили.

– Да уран они там искали, – встрял Сергей.

– А ты, Сережа, если тебя не уполномочивали, то и не болтай зря языком. Так вот, Слава, мы всей семьей с детьми более трех лет жили и работали в Китае.

– Это какие же годы?

– Ну я же сказала, еще во время дружбы...

– Это я понял, просто мне интересно, где Сережа и Геннадий учились?

– Сережа был маленький и сидел вместе со мной дома, а Гена ходил в русскую школу. Там же в те годы было море наших специалистов, и мы жили, как в коммуне.

– Сережа, а ты китайский-то помнишь?

– Ну какие-то общие фразы, практики нет, и потом – когда это было-то?

– А вот и Геннадий, – встрепенулась Анна Александровна, – вы тут знакомьтесь, а я пошла на кухню. Домработницы у меня нет, так что приходится все самой. Кстати, хочу, Слава, вас предупредить, Геночка только что развелся, и поэтому «мы у нас женоненавистник».

В комнату вошел мужчина без каких-либо признаков, за которые можно было бы ухватиться при описании внешности. Во всяком случае, шика маменьки и запоминающейся внешности младшего брата – такого, знаете, выпускника гитлерюгенда на выданье – в Геннадии мной не было замечено.

– Ну что? – с интонацией рубахи-парня протягивая мне руку, сказал Гена. – Это ты тот музыкант, про которого мне все уши прожужжал Серега?

– Нет, тот, про которого Серега, это Элвис Пресли.

– А ты кто тогда?

– А я – Иван Коротышкин, Йан Шортер по-ихнему. Слыхал?

– Ну-ну... Московская интеллигенция? – молвил Гена, не зная, обижаться или нет.

– Разрешите представиться – Вячеслав Малезик, музыкант.

– Славик, не гони... Гена сейчас несколько не в себе и не всегда понимает шутки.

– Быстро за стол, а то мальчику, – обняв меня за плечо, сказала Анна Александровна, – надо во Дворец спорта бежать.

– Концерт – дело такое, – мудро заявил я.

Мы сели за стол... Знаменитые ростовские соленья, которые были лучшими в стране на тот, да и на этот период. Рюмка настойки от Грибанова, что тот передал Сереге специально для меня, колбасы и какая-то вялено-копчено-соленая и под маринадом рыба. Застолье началось, «Грибановская» была разлита по рюмкам, а домашним компотом было предложено запивать.

– Я за рулем, так что не обессудьте, – молвил я.

– Да, – поддержал Серега, – сегодня гаишники особенно лютуют.

И все выпили за знакомство, и я с набитым ртом хвалил кушанья и говорил, что никакой ресторан... Но, честно говоря, меня даже больше, чем угощения, поразило, как все это подавалось и убиралось. Фарфоровая супница произвела неизгладимое впечатление. Я сидел и грустил, почему вся эта традиция застолья потеряна и почему чаще всего даже в ресторанах приходится рассчитывать на комплексный обед.

Был борщ, и меня уговорили его съесть без сметаны. Я не без боя согласился, и хотя борщ был хорош и я «почувствовал вкус всех ингредиентов», все равно до сих пор люблю борщ со сметаной. Может, оттого, что наливают в тарелку мне его из кастрюли.

Я уже готов был начать благодарственные речи и хвалить хозяйку. Но в это время Сергей и Гена взяли на себя внимание «московского гостя», и Анна Александровна, незаметно исчезнув на кухню, вскоре вошла в комнату с блюдом, на котором лежала крупная рыба

(я думаю, хотя и не уточнял, это был лещ), начиненная гречневой кашей. Это был отвал башки, до того вкусно... И после солений, нескольких стаканчиков морса, борща с мясом я затолкал в себя огромный кусок рыбы с кашей и от жадности потребовал добавки. Я не думал о концерте, не думал, будут ли мои масляные, сытенькие глазки выражать решимость и стремление достроить «дорогу железную, что, как ниточка, тянется». А в другой песне-монологе эти же глазки будут ли гореть пламенем любви к своей избраннице, которой «не страшны никакие испытания»? Сил думать не было, и я, как пиявка, отпал от стола и, поддерживая живот, расположил свое тело на диване.

– Ну и что ты на это скажешь? – спросил Серега.

– Я бы с чувством глубокого удовлетворения хрюкнул... Жаль, что если ребятам расскажу, то ведь не поверят...

– А чего ты один-то пришел? Видишь, мы два прибора специально поставили для твоих друзей.

– Да как-то неудобно было...

– Знаешь, что неудобно?

– Серега, не топай.

А вечером на концерт во Дворец спорта пришла вся ростовская рок-н-рольная братия, Анна Александровна и снова холостой Геннадий.

И я старался и сумел-таки настроить свой глаз. Шумный успех у зрителей оказал даже большее воздействие на гостей, чем сам концерт.

– Слава, – молвил Грибанов, – завтра уже у нас после концерта. Ждем-с... Только гитарку прихвати.

– А если я еще кого-нибудь из дружков прихвачу?

– Ради бога... Только рады будем.

– Что нам принести с собой?

– Только себя. А уносить? Ну, если тело не сможет само перемещаться в пространстве, у нас есть где кинуть кости.

III

Следующий вечер после концерта меня и моего товарища Витю Дегтярева из служебного входа Дворца спорта ждала черная «Волга», с обычными, не с навороченными номерами. И мы под ироничные взгляды наших товарищей отбыли на дружеский ужин с пивом и водкой.

– Ты запоминай дорогу ко мне домой. Если что, к нам можно без звонка, – сказал Саша.

– Я понял... Район Нахичевани и пятая линия, поворот около кафе.

– Здесь все просто, как в Нью-Йорке. Стриты и перпендикулярные им авеню.

– Ага, и за «Эмпайр стейт билдинг» сразу твоё жильё.

Мы въехали во двор Сашиного дома, где он припарковал машину, и, переговариваясь довольно громко, так как возбуждение после концерта ещё не прошло, зашли в подъезд и позвонили. Дверь открыла очень милая, с минимумом краски на лице молодая женщина.

– Здравствуйте, я – Марина, Сашина жена. Проходите, пожалуйста.

– Это моя вторая половина, – молвил Грибанов.

Мы вошли и начали раздеваться.

– Можно не разуваться, – сказала Марина и рванула, судя по всему, на кухню.

Она очень мило грассировала, но не так, как Ленин или Добрынин, и не так, как французы. У нее было какое-

то свое шармообразующее картавливание. Я уже сказал, что звучало это очень мило и добавляло Сашиной жене очарования. Судя по всему, она нисколько этого не смущалась, а если это и было когда-то в детстве, то она одержала психологическую победу над собой.

Виктор Дегтярев, с которым мы заявили в дом к Грибанову, тоже имел сложности во взаимоотношениях с буквой «Р». Так вот он говорил, что его компьютер старается исключать из разговора эту букву. А здесь... Нет, все-таки удивительно мила!

– Марин, – молвил я, – а тебе неплохо было бы быть учительницей французского языка.

– Ты попал в точку. Я и есть учительница, только не французского, а немецкого.

– Но они же как-то по-другому шпрехают и грасируют по-другому.

– Ну вот, я неправильная училка получаюсь.

– Правильная-правильная. Марин, а как тебя, такую нереально неземную, Сашок охмурил? Ты ведь какая-то тургеневская героиня.

– А он меня покорила своей игрой на пианино, – ответила Марина.

– А он что играет? Джаз, рок-н-ролл? Он мне об этом никогда не рассказывал.

– Скромный, однако. А ты его попроси, пока никто не пришел, он тебе сыграет.

– А почему пока никто не пришел?

– Да он всех достал своей игрой...

– Что, плохо играет? – не унимался я.

– Нет, играет хорошо, только репертуар не расширяет. Все время играет одно и то же.

Меня не нужно было долго упрашивать, и я призвал Сашу к ответу.

– Через секунду буду, – крикнул с кухни Грибанов.

Наконец он вошел со словами:

– Ну что, она тут без меня опять в Шехерезаду играла, опять сказки?..

– Почему сказки? Рассказала, как ты меня очаровал, и обещала, что ты для ребят тоже сыграешь. Правда, милый?

– Сыграю, что ж не сыграть.

– А ты помнишь, что ты в первый раз сыграл Марине? – спросил я.

– Это он никогда не забудет!

– Почему, Марин? – это опять я.

– Потом сам поймешь.

– Только договоримся, что, как и в тот раз с Мариной, я буду в комнате, где стоит инструмент, а вы оставайтесь здесь. Я очень стесняюсь, тем более меня будут слушать профессионалы.

И Грибанов ушел в другую комнату.

– Витя, Слава, вы чуток потерпите, я должен собраться с мыслями и с духом.

Пауза затягивалась.

– Грибанов, ты скоро? – просила Марина, перекачивая свои горошинки во рту.

– Уже... Сейчас, – ответил Александр таким голосом, как будто он в этот момент что-то тяжелое пытался оторвать от пола.

– Вы готовы? – наконец спросил он.

Мы втроем бурно зааплодировали, секундная пауза – и полились волшебные звуки одной из фортепианных прелюдий Шопена. Мы с Дегтяревым вытаращили глаза, восхищаясь эмоциональной трактовкой музыки гениального поляка. Не доведя исполнение Шопена до конца, Саша крикнул:

– Заходите.

– В смысле? – спросил я.

– Пойдемте. Грибанов готов себя показать во всей красе, – с улыбкой сказала Марина.

Мы втроем встали и пошли в соседнюю комнату. Около пианино на вращающемся стуле сидел Грибанов и прикуривал сигарету. Из пианино лилась гениальная мелодия, придуманная польским композитором, а Саша вдохновенно нажимал на какие-то педали, похожие на педали швейной... да нет, похожие на педали газа и сцепления на автомобиле с механической коробкой передач. Александр Грибанов, играя на механическом пианино, театрально изображал, даже с некоторым пародийным оттенком, виртуозного пианиста.

– Слушай, Саша, когда я у Михалкова увидел механическое пианино в кино, то решил, что это трюк. И мне даже в голову не пришло, что такая «музыкальная шкатулка» может существовать на самом деле. Откуда у тебя такое богатство? – спросил я, когда ошеломление от увиденного и услышанного немного прошло.

– А-а-а, братец ты мой. Эта штука нам по наследству досталась.

– А разве ты, Слава, не знал, что Саша у нас дворянских кровей? – спросила Марина.

– Да нет! Мы как-то дружили и дружили, а копать в родословной не приходило в голову.

– Слава, ну посмотри на моего мужа. Он же вылитый дядька.

– Прекрати, Марина.

– А что «прекрати»? Что этого стесняться?

Я взгляделся в облик Александра, еще раз вспомнил его фамилию и узнал героев, сыгранных на экране его дядькой.

– Саша, а почему ты мне об этом никогда не рассказывал.

– Ну, во-первых, дядька нашу семью не очень жаловал и в Ростове был от силы пару раз. Сразу после войны, когда я был еще маленьким. Во-вторых, он герой, актер, лауреат, любимец Сталина, а я – простой врач, не практикующий притом... Так, ребята, кажется наши идут.

Раздался звонок, причем настойчивый, и Грибанов пошел открывать дверь. Ввалилась шумная компания, которая на ходу здоровалась, снимала верхнюю одежду, вручала цветы Марине и другим женщинам дома (а Сашины мама и дочка прятались где-то в дальних комнатах квартиры). Кто-то притащил торт.

– Толик, какой торт? Мы же собрались пить пиво.

– Пусть будет, – ответил Толик, парень, которого я еще не видел среди моих ростовских друзей.

И всех пригласили к столу. Компания неспешно разминалась закусками, Серега Стрижев передавал приветы и восторги мамы. Грибанов постоянно отлучался на кухню, говоря, что раки – это мужское дело.

– А чего в нем мужского? Налил в кастрюлю воды, посолил, бросил раков и, как инквизитор, сварил в кипятке, – наивно сказал я.

– Ну, во-первых, не в кастрюле, а в ведре. Это же Ростов. А потом, нужны всякие специи, трава то есть. В общем, целое таинство. А сам-то ты ел когда-нибудь раков? – спросил Грибанов.

– Так, чтобы профессионально, из ведра да в хорошей компании, нет. А пробовать – пробовал. В Астрахани, когда мы туда приезжали на гастроли, на набережной поштучно покупали вареных, уже остывших раков. Я думаю, что их готовили там без затей, – отбивался я.

– Ну, значит, ты не ел раков, – был приговор хозяина дома.

– А где ты их взял? Я был на базаре и не видел, чтобы кто-то ими торговал, – интересовался я.

– На базаре. У нас социалистическое хозяйство, и раки не являются продуктами первой необходимости, поэтому ими торговать на базаре запрещено.

– А где же ты их взял? – не унимался я.

– Да он в Черкасск, только не в Новочеркасск, а в старый казацкий городище ездил с утра на своей «Волге». У него там есть специально обученный человек, с которым он вступает в товарно-денежные отношения, – прокомментировал ситуацию наш авиадиспетчер Игорь.

– Кстати, – это уже Грибанов, – знаете рецепт приготовления раков по-царски?

– Нет, откуда нам, сыром, знать? Расскажи...

– Так вот... Рецепт... За что купил, за то и продаю...

– Не терзай душу, Сашок.

– Короче, берете противень, на него сажаете раков и начинаете противень на огне нагревать. Ракам становится жарко и, когда они еще не поджарились, но уже не знают, как от этого жара спастись, вы...

– Кто это вы?

– Не перебивай... В общем подставляете ракам под нос миску, наполненную сметаной. Раки, стараясь себя остудить, начинают эту сметану пожирать. При этом, обратите внимание, начинают себя сметаной, а сметана в свою очередь выталкивает наружу продукты переработки из желудочно-кишечного тракта...

– Ахтунг-ахтунг, – перебил самый младший в компании Щелчок (я думаю, это производная его фа-

мили), – как докладает наш доктор? Это ж надо желудочно-кишечный тракт?

– Щелчок, уволю...

– Косой, Косой... Как что, так Косой...

– А дальше-то что?

– А дальше начиненных сметаной раков варишь, с травой, как положено...

– Не как в анекдоте – откладываешь раков в сторону, начинаешь варить курицу?

– Не-е, это какой-то живодерский способ. А сам-то ты пробовал? – спросил Стрижев.

– Нет, у меня никогда столько сметаны не было.

Мой дружок Дегтярев у нас в коллективе имел репутацию «Знайки», человека, который мог разобраться в любом механизме, в его работе и эксплуатации. Он также, несмотря на то что у нас в ансамбле играл на барабанах, мог играть практически на любом музыкальном инструменте, попавшем ему в руки. Так вот Витя решил разобраться в принципе работы механического пианино. Он исчез в соседней комнате с кем-то из ростовской команды и появился около стола в самый разгар гастрономическо-инквизиторских исследований. Он держал в руках какой-то рулон плотной бумаги с вертикально пробитыми на ней дырочками.

– Да у него там целая фонотека, – с восхищением сказал Витя, вступая в разговор и непонятно к кому обращаясь.

– Да, это мое наследство, – с чувством гордости и иронии молвил Саша.

– Слава, я тебе потом объясню, как она работает. Гениально просто, но при изготовлении вот этой перфоленты нужна высокая квалификация.

– Ну и зануда у тебя товарищ. Если он еще и не пьет...

– Этот? Этот пьет, – с гордостью сказал я.

– Наливай, – провозгласил Дегтярев.

И мы пили за мир-дружбу-жвачку. Пили пиво, запивая им раков. Никто не грузил себя проблемами «несмешивания напитков» и «повышения градуса». Мы были молоды, крепки здоровьем, и нам все было в кайф. А потом наступила очередь гитары, и я не очень мучил уважаемую публику своими опусами, обильно разбавлял репертуар всякими фирменными штучками. Всем хотелось участвовать, и песенная палитра все охотнее включала в себя бардовские и казацкие, типа «Ой, то не вечер...», песни. Меня научили одной псевдопартизанской песне, которая была у моих друзей отрядной. В ней была замечательная, неожиданная рифма, и я хочу ее вам воспроизвести.

Враги схватили девушку Татьяну,

И повели Татьяну на допрос.

Татьяна знала, знала партизана.

И выдала наших матрос.

Меня поразили Татьяна, без мягкого знака, и конечно же рифма «допрос-матрос». Песня пелась вдохновенно, с разными оттенками (тревожно, весело, задумчиво, распевно). И в разных ритмах – от марша до вальса. Было весело.

Мы разошлись за полночь, прихватив штук двадцать раков для друзей. Утром мы улетели в Москву.

IV

Наш ансамбль зачастил в Ростов. И Саша стал не только моим другом, но и гидом по совместительству. Мы с утра ехали завтракать на базар, парковали его

«Волгу» поблизости и на час-полтора закатывались в торговые ряды. Традиционные ряженка с пенкой и домашний творог со сметаной и медом явно улучшали состояние моего духа. Тетки на рынке уже узнавали нас и приветствовали фразами, типа «О, артист идет!», «Давай к нам!».

Потом мы шли в ряды, где торговали соленьями. Нас угощали, мы пробовали, нам нравилось, иногда мне становилось стыдно, и мы покупали каких-нибудь синеньких или соленый арбуз. После молока соления, овощи – и ничего, пресловутый желудочно-кишечный тракт выдерживал. Ни в жизни, ни на сцене этот самый тракт не подвел меня.

Лирическое отступление – вот я думаю, слово «трактир», может быть, какой-нибудь врач на пенсии ввел в лексикон, вспомнив свои баталии с гастритами, колитами и прочими язвами?

Вернусь к Саше... Съездили мы к нему на работу, где он занимался какими-то изысканиями и руководил коллективом девушек. Они его обожали, а я ему даже позавидовал. На обед мы ездили на левый берег Дона. Он еще не был воспет Костей Ундровым, спевшим песню Ивана Конова «Левый берег Дона», но там уже хорошо кормили. Армянин Гриша как-то договаривался, и ему с фермы привозили свинину и кур, минуя склады, холодильники и чего-то там еще. Шашлык и цыплята табака были вкусными, и Ростов нравился еще больше.

А в последний вечер гастролей в доме у Грибанова – традиционные раки, рыба и пиво. Но это я уже проставлялся, и со мной приезжал кто-то из музыкантов посмотреть на заморское диво – механическое пианино. Марина и Шашины друзья в очередной раз поднимали марку Ростова все выше и выше.

V

А в тот раз мы попали в Ростов в конце августа. Саша при встрече мне сказал:

– Класс, что ты приехал. Мы совместим наш фестиваль пива с отходной Марины.

– Она куда-то уезжает?

– Да в армию ее забирают.

– В смысле?

– Предложили поехать училкой поработать в Вюнсдорф, в группу советских войск.

– Здорово, Грибанов! А давай ей устроим проводы в армию, – предложил я.

– Правильно, она будет принимать присягу...

– Да-да-да... Мы ее наголо под ноль подстрижем, – импровизировал я.

– Ага, она будет с подножки поезда кричать: «Саша, пиши!»

– Ты будешь переспрашивать, не понимая: «Куда писать?» А она под стук колес отходящего поезда кричать.

– Да, сразу у плен, – перебил меня Саша

Мы рассмеялись над импровизированной инсценировкой старого анекдота. Саша вдруг посерьезнел:

– Вообще-то, какая-то перевернутая ситуация получается – обычно бабы мужиков с войны и со службы в армии ждут, а тут я буду хранить верность, ждать и нетерпеливо смотреть, пришло ли долгожданное письмецо от защитницы, твою мать, Родины.

– Саш, а на побывку ее отпускать будут?

– Ну, если танк подойдет, то отпустят и представят к правительственной награде.

– Это если танк противника... А если свой?

– Тогда мы быстренько подскочим, докажем, что танк не подлежит восстановлению, и сдадим его как металлолом, – поддержал мою волну Грибанов.

– Правильно... Проверим, насколько верна формула «Бей своих, чтобы чужие боялись», а потом ведь денег срубим. И пива ихнего, баварского, купим.

– Какого баварского? Мюнхен в западных германиях! А потом, какое пиво без наших раков? – с обидой в голосе сказал Саша.

– Придется распорядиться, чтобы специальным транспортом отправляли донских раков. Сделаем Черкасск и Винсдорф городами-побратимами.

– Ты смеешься, а из Ростова в Париж летает специальный самолет, раков в ихние «Максимы» забрасывает.

– Вот сволочи буржуи. Им и битлы, и стриптиз, и шмотье самое что ни на есть... Так им еще и ростовских раков.

– Тебе что, ведра раков не хватит?

– Хватит.

– Тогда чего ты? А я теперь должен беспокоиться, как там за граница питается.

– Слушай, Саша, а где наша новобранка?

– По магазинам носится.

В эту минуту открылась дверь, и вошла Марина.

– Марина, солнце, мы решили вместо обычной пьянки, пусть даже с пивом, раками и вприкуску с Малезиком, устроить твои проводы в армию – ты же едешь работать в войска? В войска... Как тебе идея?

– Класс... У меня есть пилотка, такая стильная, жаль, что гимнастерки и сапог нет.

– Знаешь, – встрял в разговор я, – давай мы ее будем забрасывать на вражескую территорию, в тыл немецкого государства.

– Перфект, – на каком-то иностранном языке молвила диверсантка, партизанка, суперагент и просто хорошая девчонка Марина, одобряя нашу идею.

И пришли гости... Да, собственно, их и гостями-то трудно назвать, хотя и «хозяевами Ростова» язык не поворачивался их провозгласить. Марина в пилотке восседала во главе стола. Всех гостей пригласили участвовать в новом спектакле, сотканном из самой жизни под названием «В тылу врага».

Проводы Маринки снимали на камеру, естественно, опуская сцены, где авторы и режиссеры действия, Грибанов и Малежик, объясняли задачи, сверхзадачи очередной сцены. Спектакль двигался вперед, как хорошо отрегулированная машина, которую вовремя заправляли водкой и пивом, не жалея при этом ракосмазочных материалов. Особенно группе «Ростовского драматического театра» удалась сцена допроса Марины, которую на вражеской территории захватили враги. Привожу стенограмму этой сцены, снятую потом с видеофильма, сделанного в тот вечер.

На заднем плане тревожно и задумчиво звучит песня о девушке Татьяне, которую схватили вероломные враги и повели на допрос. На переднем плане Марина и ее ненавистные враги в исполнении Щелчка и Сереги Стрижева (он же оберштурмбанфюрер СС).

Первый фашист:

– Ты кто? Как тебя зовут?

– Таня, – гордо отвечает Марина.

– Где Сталин?

– Не знаю...

– А где Брежнев?

– Брежнев умер в борьбе за дело коммунистической партии Советского Союза.

– Ты еврейка? – спросил второй фашист.

– Нет, я русская.

– Докажи...

– Налейте стакан водки.

– Налейте ей стакан водки.

Крупно – бутылка, из которой льется жидкость. Крупный план – глаза Грибанова, готовые выскочить из орбит.

Второй фашист, указывая на Грибанова:

– Партизанен? Расстрелять!

Грибанова под белые руки выводят из комнаты.

Слышен голос Грибанова: «Всех не перестреляешь! Да здравствует товарищ Сталин».

Звук выстрела.

Первый фашист:

– Я еще раз спрашивать: ты еврейка?

Марина:

– Нет, я русская.

Первый фашист:

– Пей.

Второй фашист протягивает Марине стакан с водкой. Марина аккуратно берет стакан в правую руку и, отставив мизинец с хорошо обработанным ногтем в сторону, не спеша выпивает водку и с чувством достоинства и глубокого удовлетворения ставит его на стол. Затем из потаенного карманчика достает белоснежный носовой платок с вышитыми долгими бессонными ночами инициалами любимого. И промокает свои алые губы, соскучившиеся по поцелуям суженого, потерявшегося на партизанских тропах Белоруссии.

– Почему ты картавишь? Ты есть еврей?

– Нет. Просто в художественной самодеятельности я делала пародию на Добрынина. Мне пришлось 1000 раз

на бис спеть песню «Не сыпь мне соль на рану». Я научилась грассировать, как он, и теперь не могу выйти из роли.

– Добрынин – еврей?

– Не знаю, – гордо отвечает Таня.

– Ты готовишь идеологический взрыв в Винсдорфе?

– Нет, я хочу осуществить гуманитарную миссию для сближения наших народов.

– Значит, ты есть еврей?

– Нет.

– Если ты не еврей, зачем ты осуществлять гуманитарную миссию?

– Хорошо, я – еврейка.

– Вот и здорово, Щелчок тоже еврей, только скрывает, – молвил второй фашист.

– Марина, – раздался голос Грибанова.

– Саша, тебя же расстреляли?

– Это – шампанское.

Конец фильма

И Марина уехала повышать лингвистическую культуру жителей демократической Германии, а Грибанов остался в Ростове на хозяйстве.

VI

Следующее наше свидание с Грибановым произошло в Москве. Мы синхронно приземлились – он во «Внуково», рейсом из Ростова, а я – в «Домодедово» самолетом из Перми. Два дня в Москве я был шофером Саши и экскурсоводом в одном лице. В те годы Москва еще не знала пробок десятых годов XXI века. Мы в экспресс-режиме сделали все его дела. Он собрал необходимые бумажки с вельможными

подписями, и мы отправились ко мне домой. Моя жена, когда захочет, может удивить своим борщом и варениками даже записного гурмана. В этот день ей это хотелось сделать. И пусть не с таким шиком, как у Анны Александровны, и не с таким куражом, как у Грибанова, но ужин удался, тем более что для дорогого ростовского гостя пел, в том числе и неизвестные для широкой зрительской аудитории песни, сам Вячеслав Малежик. Гость был польщен приемом. Мы сначала болтали втроем, а потом Татьяна пошла укладывать спать нашего Никиту. И мы вдруг заговорили с Сашей о теме, которой он избегал.

– Саша, извини, а почему твой дядя не бывал у вас в Ростове?

– Николай Грибанов-то? Да дело в том, что я, как ты уже понял, воспитывался без отца. Мать замуж второй раз так и не вышла. Мне говорили, что отец погиб на войне. Короче, они с матерью поженились, я же – с сорок первого, августовский. Отца призвали на войну, когда мама была на сносях. Как выяснилось, отец попал в окружение и сдался в плен. А ты ведь знаешь, какое отношение к сдавшимся в плен было у нас в войну, да и после войны.

– И что дальше?

– Когда наши взяли Берлин и война закончилась, пленных из концлагерей начали отпускать на волю. Лагерь моего отца освободили американцы. У него была возможность вернуться домой и с большой долей вероятности попасть в Сибирь уже в наши лагеря или второй вариант – остаться там. Он остался в Европе. Потом уехал в Канаду и сейчас живет там. У него семья, жена, двое детей.

– И как ты к нему относишься?

– Не знаю... Я же не Павлик Морозов, и я его даже не осуждаю. Война – дело жестокое. А дядя? Он же был любимым актером Усатого и очень дорожил своей репутацией. Я думаю, он делал вид, что у него нет брата. Бог ему судья. Хотя нас же не тронули... Может, он за нас где-то молвил словечко... Время лечит.

– А отец жив?

– Жив. Мне вручили от него письмо. Представляешь, он из писем матери, еще на фронт, знает, что я появился на свет. Просит выслать фотографию мою, жены, если есть жена, и так далее. О матери ни слова...

– А как он тебя нашел?

– Через общество Красного Креста.

– И как ты?

– Не знаю, не пойму... Я так привык, что его нет, а тут такое... Зовет к себе в гости. А я был, думаю, из-за него невыездным, а теперь к нему в гости... Театр абсурда.

– А ты не интересовался, может, он числился без вести пропавшим.

– Тогда еще смешнее ситуация – без вести пропавший нарисовался в Канаде.

– Не кручинься, доктор время все расставит по своим местам, – и, меняя тему разговора, спросил: – А как Маринка?

– У нее пока все в порядке. Настька, говорит, лучше нее уже шпрехает.

– На побывку не собирается? – спросил я.

– Да пока нет. Говорит – работы завал.

– Ты ей ваше видео выслал?

– Выслал, смеялась.

И он снова улетел в Ростов, в свою лабораторию работать и ждать Марину с дочкой.

VII

Но Марину он не дождался. У нее случился небесный роман, и она приняла решение остаться с Гюнтером. «Он любит ее, обожает дочку...» В общем, «Саша, прости и пойми». И Саша запил. Запил по-черному... Его пытались спасти всем миром, ведь все его любили и все не понимали, как такого мужика можно бросить. Парень, за которым выстраивались очереди женщин, сломался. Руководство института отправило его в бессрочный отпуск, оставив место за ним. А он пил, и, как он сам потом говорил, с одним желанием – сдохнуть. Но боль не уходила. Его лаборантка Вика, Виктория Сергеевна, да какая она Сергеевна в двадцать один-то? Носилась с ним, как с больным ребенком, практически не отходя от его постели, а он уже не вставал. И она выходила его. Однажды он убрал фотографию Марины с тумбочки у кровати в стол и попросил:

– Вика, у нас есть что-нибудь пожрать?

И эта девочка совершила практически подвиг. Она вернула Грибанова к жизни. Через десять дней он вышел на работу. Вика была рядом. Рядом с ним, с мужиком за сорок, она выглядела подростком, только глаза, чуть более усталые, выдавали в ней женщину, которая знает, что она хочет. А она хотела поставить Сашу на ноги, ведь она его любила. Наверное, фантазии уносили ее и дальше, но пока Грибанова в теле Грибанова не было.

Позже Саша, рассказывая про этот период своей жизни, подчеркнул, что «перелом случился, когда она мне прошептала: «Не умирай, Саша, я тебя так люблю», а я лежал с закрытыми глазами и думал, почему она со мной на ты».

VIII

Я уже без ансамбля отправился на концерт в Сальские степи. Был я точно один, так что мы уже с вами в моем повествовании проскочили перестройку и ГКЧП. Прилетев в Ростов – а чтобы из Москвы попасть в Сальск, надо сначала прилететь в Ростов, – я вспомнил, что тысячу лет мы не виделись с Грибановым, и без звонка решил навестить своего старинного товарища. Решил так, что поскольку я не являюсь его женой, то мой визит не поставит никого в неловкое положение. А если никого не застану, оставлю записку, и потом мы найдемся. В городе Сальске меня ждали, но час я мог украсть у организаторов концерта, тем более что водитель обещал нагнать это время.

И вот я во дворе такого знакомого грибановского дома, захожу в подъезд и звоню в квартиру № 4. После небольшой паузы дверь открывает стройная девушка.

– Здравствуйте, можно увидеть Сашу?

– Здравствуйте, он скоро будет, – ответила мне девушка, которую сначала я принял за Марину – так же стройна, так же улыбчива.

– А вы кто? – спросил я.

– Я – Вика, Сашина жена.

Я растерялся, и повисла неловкая пауза.

– А вы, наверное, Слава?

– Да, я проездом в Сальск.

– Заходите, я вас хотя бы накормлю. Саша так много рассказывал о вас.

Я прошел в знакомую квартиру, в которой ничего не изменилось. Ну, может, шторы чуть выцвели и на ковре появились белесые пятна.

– Вы, наверное, хотите узнать, где Марина и по какому праву?.. – спросила Вика.

– Да нет... По какому праву, мне понятно. Но где Марина и Настя – не очень...

Вика очень скоро накрывала на стол...

– Марина с девочкой остались в Германии, у них теперь новая семья. Подробнее вам расскажет Саша.

– Так вот почему до него невозможно было дозвониться!

– Думаю, да. Он прятался ото всех, вы же знаете его характер.

Девушка мне определенно нравилась – и тем, что все у нее горело в руках, и тем, как она бережно отзывалась о Саше. Я подумал, что если Саша и был в нокдауне, то он оклемался, а Вика не худший вариант для продолжения жизни. Тем временем Вика уже разливала борщ по тарелкам.

– Если вам удобно, то я бы пообедала с вами?.. – спросила Вика.

– Удобно ли вам?

– Ну что вы, Вячеслав? Может, по капельке за знакомство?

– Если только «грибановки».

– Знаете, Саша долгое время вообще не прикасался к спиртному. А тут, будто чувствовал, что вы приедете, и сделал пробную бутылочку, как когда-то.

Мы выпили, закусили, и я спросил:

– Скажите, Вика, а Саша вас очаровывал игрой на своем волшебном пианино?

– Нет, что вы! Это я Сашу завоевывала и отвоевывала у апатии и нежелания жить.

Время за обедом пролетело незаметно, и я стал откланиваться, обещая, что если буду в Ростове, то

обязательно... А так Саше привет, позвоню, может даже сегодня. И я помчался в Сальск.

IX

В Сальске было празднование окончания сельхозработ. Концерт, плавно переходящий в застолье. У меня было свободное время, и я засиделся с местным начальством. Вернувшись в гостиницу, позвонил Грибанову.

– Я к тебе приеду, – сказал Саша после обмена приветствиями. – Вы завтра где?

– Концерт в Волгодонске, афишный.

– Замечательно, завтра выходной, а для бешеной собаки 200 километров – это не расстояние.

И он приехал, и мы полночи протрепались. Саша меня пригласил в свою «Волгу», где мы продолжили беседу до аэропорта, куда мне надо было попасть к семичасовому рейсу во Внуково.

– Ты знаешь, Вика удивительно похожа на Марину! Может, это тебе не понравится, но я от этой мысли не мог отделаться во время своего вчерашнего посещения твоего дома.

– Наверное, я нашел еще одну половинку, которая смогла заменить вышедшую из строя прошлую.

– Это-то меня и пугает...

– Да нет, Слава, она еще маленькая и просто не сможет сделать мне так больно, как Марина. А почему ты меня не спрашиваешь, как все у нас произошло с моей прошлой женой?

– Я думал, что ты сам расскажешь...

И он рассказал, как это было больно и как хотелось кричать на весь мир от досады и непонимания.

Рассказал, как тысячу раз перелистывал свою жизнь с Мариной и Настей, не находя ответов. Как «спасался» алкоголем. И как алкоголем действительно убил боль, но и убил желание жить.

– Стало все все равно... Я даже не помню, когда прошел точку невозврата, вернее, когда путь назад начался. Все же до невозврата я не донырнул. Мне сказали, что Вика меня спасла... Я этого не помню... Правда, первое, что отпечатала память, – это Вика.

Грибанов закурил и некоторое время ехал молча. За окном светало, и Сашина «Волга» въехала в полосу тумана, просыпавшегося в низине около небольшой речушки.

– А ребята что? – спросил я.

– Ребята? У мужиков какое лекарство? Вместе выпить... Если есть силы, посидеть рядом, помолчать, когда «больному» надо выговориться. А мне не хотелось никого видеть... Не хотелось, чтобы меня жалели... Нет, о жалости я и не думал... Я ни о чем не думал, я только добавлял.

– А как сейчас?

– Ты про алкоголь? Удивишься, нормально. Викуля тебе не сказала, что она в положении?

– Да мы еще не в таких отношениях.

Помолчали.

– Выкарабкаемся... – снова заговорил Саша.

– Она тебе как веревку в твой колодец кинула.

– Да нет, брат. Она в него сиганула и снизу меня подсаживала.

– Ну, дай бог.

Грибановская «Волга» вырулила на привокзальную площадь аэропорта, и администратор концертов, поджидавший нас в порту, забрал мои вещи и паспорт,

чтобы зарегистрироваться. Саша выкурил еще одну сигарету и начал со мной прощаться.

– А ты не беспокойся про вторую половинку, постараюсь не наступать на старые грабли, я теперь ученый, – сказал он, обнимая меня.

– Да я что? Это твоя судьба. Если бы не было Вики, может, я бы тебя сейчас искал в какой-нибудь психушке.

– Вот видишь? Я же говорю – половинка.

– Саш, извини, а ты ее сильно любишь?

– А я по-другому не умею...

Х

И у Саши с Викой родилась дочь. Малышку назвали Любовью. Любовью, которая помогла Грибанову вернуться в жизнь и снова себя почувствовать нужным. А я продолжал с большим удовольствием ездить в Ростов, так как у меня появился там новый друг – Юрий Петрович Ремесник, мой замечательный соавтор, обитавший по соседству в граде Азов. И я, чтобы не разрываться между ними, познакомил их. Мы на грибановской «Волге» забрали Юрия Петровича из Азова в Ростов и провели замечательное время у меня на концерте и в гостинице, в квартире Грибанова и на левом берегу Дона. Глядя на грибановскую Любашку, Петрович придумал четверостишье, которое мы хотели превратить в песню. А пока Вика, быстро схватив придуманный мной мотивчик, распевала его как колыбельную.

*Сиреневая юбочка,
Каштановая бровь.
Любаша, Любка, Любочка
Состарилась в Любовь.*

И это повторялось много раз, пока малышка не засыпала. С появлением Петровича в доме Грибанова наши посиделки, а мы их попробовали восстановить, превратились в музыкально-поэтические вечера, на которых «грибановке», пиву и ракам уделялось значительно меньшее внимание. Я к тому времени стал very important персоной, мой «административный ресурс» увеличился, и теперь я иногда брал своих друзей на какие-то рыбалки и шашлыки, на съемки и корпоративы.

Дома у Саши, судя по всему, наладилось, и его вторая «вторая половинка» сделала все, чтобы жизнь молодой семьи была беспроблемной. Но, к сожалению, революция, произошедшая в нашей стране, погребла под своими обломками не только «социалистический способ хозяйствования». Спорт, наука, культура задыхались в стремлении выжить. Рынок, который должен был стихийно «настроить» нашу страну на оптимальный режим жизни, в итоге утопил практически все, что составляло основы нашего прежнего существования. На поверхности плавали пена, мусор, пустые бутылки и пустые же идеи и много еще чего малоаппетитного. Наука была практически уничтожена, и Грибанов, подающий надежды руководитель проекта, ученый, на которого равняются... Короче, Саша сидел без работы, вернее, работа была, но денег никто не платил. Результаты своего труда продать «на рынке» было невозможно.

– Слава, что делать? Я в отчаянии... Денег нет, бессмысленно ходить на службу. Живем за счет Викиных родственников, которые что-то присылают из села.

И я, будучи на прямом эфире ростовского радио, рассказал одному из редакторов, определявших идеологию и пути развития радиостанции, о Грибанове. Рассказал о механическом пианино и рок-н-ролле, о Сашиных

энциклопедических знаниях. И мы придумали, что Саша мог бы делать программу о рок-н-ролле, а еще о русских, которых мы потеряли. О русских, уехавших из страны и ставших заметным явлением в развитии цивилизации. Вспомнили Зворыкина, Сикорского, Стравинского и Шаляпина. И я получил «добро» на знакомство Саши с редактором радио. Грибанов оживился и сказал, что он подобных идей набросает тысячу. Придумали название: «Записки старого механического пианино».

Я в очередной раз улетел в Москву. В аэропорту меня провожали Грибанов и Ремесник. Было ощущение, что все срастется.

XI

Однажды поздней осенью 97-го позвонил Грибанов.

– Слава, привет. Хочу тебе похвастаться. Я в «Шеремельцево». Лечу в Монреаль.

– Что, пригласили за «Монреаль Канадиенс» клюшкой помахать?

– Да, нет... Лечу к отцу. Он плох и хочет меня видеть...

– А что, проблемы с документами были?

– Нет, все как по маслу... Правда, пришлось побегать чутка.

– А чего не звонил?

– Боялся сглазить. А сейчас уже можно, билеты и паспорт на руках.

– Ты один летишь?

– Пока один... Осмотрюсь, а там видно будет.

– А как Вика, Люба?

– Вика рада, что в нашем болоте что-то произошло.

– Волнуешься?

– А ты как думаешь? Конечно. Первый раз загранка, и сразу к отцу. Два в одном.

– Ну что, Саша, доброго пути тебе, – сказал я на прощанье Грибанову, услышал в трубке отбой и отключился.

Я прикинул: если в 41-м, когда родился Саша, его отцу было примерно двадцать пять лет, то в 97-м ему уже за восемьдесят. Если учесть уровень их медицины и хорошую экологию, то неудивительно, что я видел там у них очень крепких стариков. Как сказались на его здоровье война и плен? Вот вопрос. Вернется, расскажет... Как он сказал? «Осмотрюсь, а там видно будет». Дай бог тебе, Александр Григорьевич...

И через полтора месяца он вернулся... У меня были концерты в Краснодаре, и, оседлав свою старенькую «Волгу», Грибанов прикатил ко мне. Полночи после концерта Саша рассказывал об отце, о Канаде, о его жене, с которой он подружился, о своих сводных братьях, живущих на Западном побережье – у них там свой бизнес. Саша, не увлекавшийся никогда тряпками, был недорого, но модно прикинут, и ему доставлял явное удовольствие интерес, проявляемый мной к его одежде и к его рассказу. Он показал фотографию своего отца и отдельно и вместе с собой. Если бы еще на фото вмонтировать изображение его дядьки, то получилась бы фотография трех братьев – так они – два брата и Саша – были похожи.

– Ты что-то похудел, – сказал я, разглядывая изображение Саши на фотографии с отцом, – не кормили, что ли?

– Да ты что? Не знали, куда меня отвезти. Лучшие рестораны в окрестности Монреала были наши.

– Ну и как? Папочка держит удар?

– В смысле выпивки? О, да.

– Водку пили?

– Да, больше вискарик.

– А ты ему не привез своей фирменной «грибановки»? Как-никак его именем зовется напиток!

– Нет, с собой я не брал. Но там смастерил, правда, ингредиенты не те, а так всем понравилась.

– Скажите, Саша, ну а что там с дефицитом рабочей силы? Есть ли нужда в специалистах высокой квалификации в области медицины? И как финансируется исследовательская деятельность государством?

– Ну что вам сказать, сэр? До конца в проблему я проникнуть не сумел. Но должен заметить, что Канада – это все-таки не США. А так вроде бы выглядит тип-топ. Но профсоюзы стоят на охране своих членов, и пробить их оборону сложно. Может, я трус и боюсь вступить в сражение, но, думаю, в моем возрасте начинать восхождение на пик «Канада» проблематично.

– Ну и слава богу. Нам без тебя будет худо. И потом, кто стране сыграет на механическом пианино? Мастеров-то осталось – по пальцам пересчитать.

– Да... Не готовлю я себе смену.

– Ну а что дома? – спросил я, меняя направление беседы.

– Дома порядок. Мне кажется, что наши половинки так срослись, превратившись в единое целое, что нас разъединить можно только автогеном.

– Главное, чтобы в критическую точку не тюкнуло, знаешь, как в бронированном стекле.

– Знаю-знаю... Вот ты, зануда, вечно ложку дегтя наготове держишь.

– Нет, Саша, просто боюсь такого безоблачного счастья, хотя рад за тебя безмерно.

– Знаешь, если честно, то мне не совсем была понятна ее реакция и на фотки, и на мои рассуждения «зацепиться за Канаду – не зацепиться». У меня проскочила мысль, что, соглашаясь со мной на словах, она не против бы поменять нашу жизнь.

– А у тебя как с языком? – спросил я.

– Ну для общения хватает. Ты же понимаешь: рок-н-ролльная юность. А так, телевизор не понимаю.

– А Вика?

– Да никак.

– Какие же бабы дуры... – молвил я.

– Ты это о ком, дружище?

– Да, о бабах, как об особой субстанции. Поменять жизнь... Что на что менять?

– Остается успокаивать себя, что на их фоне нам легче быть умными, – подвел итог нашей беседы Грибанов.

XII

Не прошло и года, снова концерт в Ростове. Филармония, прекрасный звук, обещали аншлаг, и он был. Звоню Грибанову. Телефон долго не откликается, наконец трубку снимает Вика.

– Здравствуйте, Слава, а Саши нет, он будет только в половине седьмого.

– Вика, мне перезвонить или ты передашь, что я вас жду на концерте? – сказал я, даже не обратив внимания, что Вика со мной на вы.

– А я бы могла до концерта подъехать к вам? Мне надо переговорить...

– Если удобно, в три в филармонии, я там буду делать звук.

В три часа в зал филармонии вошла Вика. Лицо ее было сосредоточенно, и она напоминала студентку, пришедшую на переэкзаменовку.

– Привет, Вика, как ты, как Саша?

– Здравствуйте, сейчас попробую все рассказать.

– Может, сразу изложить в письменном виде? – пытался я перейти на шуточный лад.

– Мы можем где-то поговорить тет-а-тет?

– Хорошо, но буквально пять минут.

Я еще раз спел запев-припев своей тестовой песни и, сказав «спасибо» всем службам, спустился со сцены в зал. Мы с Викторией вышли на улицу и повернули на Садовую.

– Вячеслав, мне бы хотелось вам что-то объяснить и о чем-то попросить, – после некоторой паузы заговорила Вика.

– Вик, а что, мы теперь на вы?

– Знаете, после того, что я вам расскажу, я не уверена, что вы захотите вообще меня видеть.

– Так уж?

– Не ерничайте, Вячеслав.

– Ну, давай-давай, Вик, приступай.

– Вячеслав, я развожусь с Сашей, и это еще не все...

– Как разводишься?! Ведь я ему звонил три дня назад, и ничего об этом не говорилось?

– Так три дня назад еще и ничего не было...

– Вика, ну, поругались, с кем не бывает... Вы такая замечательная пара.

– Нет, нет, Вячеслав, это продолжается уже больше года.

– Что продолжается??

– То, о чем я хочу вам рассказать.

– Так что, это осознанное с твоей стороны решение?

– Да... Я до последнего момента не верила, что это произойдет...

– Стой-стой, – перебил я, – давай все по порядку.

– А по порядку... Работы у Саши нет и не было, его «Механическое пианино» на радио денег не приносило. Злился он... Я сначала как-то держала оборону, а потом моя подружка Наташка мне рассказала, что вскоре выходит замуж за американца и что ее сосватало какое-то агентство.

– Подружка-то, небось, без мужика?

– Наташка-то? Да, была незамужняя, а вот недавно уехала в Штаты и, судя по письмам, она свою половинку за океаном нашла.

– И ты половинку решила поискать? – пробормотал я.

– Что вы сказали? – спросила Вика.

– Да ничего, так... Мысли вслух. И что же, ты хочешь без Саши в качестве свидетельницы в США полететь?

– Да, нет... Все не так... Если бы... Наташка свела меня с этим агентством, и я без задней мысли отнесла туда свои данные, фотографию и все такое.

– И что ты замужем, тоже сказала?

– Да, там мне сказали, что у них такие случаи часто встречаются.

– Вот суки... И что же дальше?

– Прошлым летом он приезжал в Ростов. Саша как раз был в командировке, и мы с Любашей провели с ним целый день.

– И что, его не смущало, что ты замужем?

– Нет, он сказал, что у него тоже не сложилась личная жизнь.

– Что значит – тоже? Я всегда думал, что вы с Сашей идеальная пара, такая, о которых пишут в книгах.

– Поймите, Вячеслав, я так устала от безденежья, от того, что мне все время надо Грибанова вытаскивать то из депрессии, то из алкогольных путешествий, то из безысходки... Спасите его. Я так ждала вашего приезда, он вас любит и он вас послушает...

– Это как?? Ты его вытащила практически из могилы, чтобы потом своими руками убить?

– Вы неправильно понимаете...

– А спасти как? Вы дали ему в руку мину, которую взорвете, отбывая в Америку, а мне предлагаете поработать сапером или врачом, собирая его по кусочкам? Я так понимаю, американский Ромео уж задыхается от вожделения и ваши вещички уже собраны? Когда же перелет, мадам?

– Через неделю, двадцать третьего... Вячеслав, помогите мне, от меня все отвернулись.

– Если и помогу, то только Саше. Больше не смею вас задерживать... Одумайтесь, Вика, еще не поздно.

Она ушла, утирая на ходу слезы, а я, всклокоченный от того, что узнал, пошел к залу филармонии. Около входа меня ждал Юрий Петрович Ремесник со своим товарищем Андрюхой, хорошим добрым парнем, который иногда подвозил Петровича на своих «Жигулях». Толком не поздоровавшись, я вывалил на своего соавтора и на его друга информацию о Грибанове.

– Успокойся, Слава, тебе сейчас петь концерт. Это же бабы, а они – инопланетяне.

– Петрович, второй раз на те же грабли!

– Бить их надо... «Домострой», ой, какая умная книга была. А где Саша?

– Я пока не знаю, – ответил я. – У меня есть пара телефонов его друзей, думаю, где-нибудь пьет.

– Пусть пьет, это снимает боль, а потом мы его как-нибудь поставим на ноги. А Вика-то какая хорошая девочка...

– Ты по делам суди, Петрович...

– А я по делам и сужу. Она же его на ноги поставила после развода с первой женой...

– Так это еще хуже...

– Чего хуже, она ему подарила десять счастливых лет. Ты меня не перебивай... Не бывает так, чтобы виновата одна сторона. За женщин иногда думает их материнский инстинкт.

– Петрович, ты сначала про «Домострой» и про то, что баб лупить надо, а потом про материнский инстинкт. Тебя не поймешь.

– Знаешь, если бы я знал, как надо, – начал заводиться Ремесник, – у меня у самого было бы все о'кей в жизни, а то... – махнул рукой Петрович.

В это время к нашей компании, так и продолжавшей стоять у входа в филармонию, направился мужчина, в котором я признал одного из апостолов ростовского рок-н-рольного братства – Серегу Стрижева.

– Привет московским гастролерам, – сказал он, широко распахнув руки для объятий.

– Здорóво, – ответил я, похлопывая его по спине. – Как мама, несравненная Анна Александровна?

– Все хорошо, да я не за маму просить к тебе пришел...

– Грибанов?

– Ты все уже знаешь?

– Час назад здесь была Вика, она мне все рассказала. А где Саша?

– У Щелчка, пьет. Надо спасти друга.

– А как?

– Сначала приехать к нему, поговорить, а потом по ситуации.

– А можно я с вами пойду? Саша мне тоже не чужой человек. Потом я – пьющий, причем, иногда пьющий серьезно, и женщины меня не раз бросали, – к нашему разговору подключился Петрович.

– Хорошо, жду вас у своего дома. Ты же живешь в «Ростове»? Потом к Щелчку.

– А ты что, на концерт не останешься?

– Нет, я попробую еще кого-то из наших подтянуть. Я на твоих концертах был не раз... Договорились? – спросил Стрижев.

– Серега, мы у твоего дома будем в половине десятого.

Серега Стрижев, подняв на прощанье руку, пошел в сторону гостиницы «Ростов».

– Андрюша, нам надо к Саше, ты подождешь меня? – обратился Юрий Петрович к своему товарищу.

– Какие проблемы? Надо так надо, – ответил Андрей.

– Петрович, а если хочешь, можешь у меня заночевать, у меня есть где кинуть кости, – сказал я.

Где-то около десяти мы были в квартире у Щелчка. Грибанова спасали всем миром. Саша, судя «по клиническим показателям», был пьян, и вся компания ждала его пробуждения. Какого-то осмысленного плана действий не существовало. Ситуация была неординарная, все хотели помочь, но как, не знали. Но вот Грибанов открыл глаза и обвел комнату уставшим и опустошен-

ным взглядом. Он словно перелистывал своих друзей и как бы извинялся за причиненные собой неудобства. Наконец его взгляд уткнулся в меня.

– И ты здесь? Две половинки, говоришь? – через паузу спросил он, хотя однозначно трактовать его интонацию я не смог. Может быть, он утверждал.

– Да, Саш, половинки.

– Петрович, а ты что скажешь? – обратился он к Ремеснику. – Ты же мудрый...

– А что, Саш, скажу, главное, чтобы Любочке было хорошо, – ответил мой соавтор.

– На том и порешим. Вроде как пожил, отца повидал, детей родил, друзей приобрел, а бабы?.. Да вроде тоже иногда любили... Щелчок, ну-ка налей мне, хочу за гостей дорогих выпить.

Кто-то налил водки, мгновенно нарисовалась несложная закуска.

– Ребята, я хочу сказать, что обычно столько друзей и сослуживцев сразу собирается на похороны, – начал Саша, поднявшись со стаканом с дивана, – а я при жизни увидел, как ко мне относятся мои друзья.

Шум одобрения, кто-то говорил: «Да ты чего, Грибаныч».

– А насчет Вики? Так это у меня не в первый раз, это стало доброй традицией, что в момент наивысшего расцвета моей любви – раз... Помните, у Славы есть песня «Расставайтесь, любя»? Так это про меня. И должен сказать, мне сейчас полегче, чем когда Берлинскую стену рушили. Наверное, иммунитет у меня выработался... Хотя кто Любаню-то будет любить так, как я? В общем, мужики, за вас! Всем спасибо. Я все-таки напьюсь...

Он одним глотком выпил содержимое стакана. Сел, лицо его обмякло, и все вышли из комнаты, боясь

увидеть слезы Грибанова. Он продержался еще минут пять и снова заснул.

Мы ушли. На сердце было тоскливо, но почему-то казалось, что Саша все-таки справится со своей бедой.

XIII

В Москву прилетел Стрижев. Прямо из аэропорта он заскочил ко мне. Великосветского приема не получилось. Естественно, разговор зашел о Грибанове. Серега сказал, что Сашка держится, хотя у него какие-то проблемы со здоровьем.

– А что у него? – спросила моя жена.

– Не говорит, хотя очень сильно похудел.

– Да он и так-то был не толстый.

– Я тоже ему говорил об этом, а он твердит, что на нервной почве.

– А что Вика? – спросил я.

– Я не знаю, он меня, да и никого из наших, не подпускает к этой теме.

– А у ее матери не спрашивали?

– Да она с матерью не общается. Как поругались с ней из-за Сашки, так словно топором отрубило.

– А Саша на обследование ходил? – опять спросила Татьяна.

– А он говорит? Он врач, и я думаю, сам понимает, что с ним. Во всяком случае то, что он похудел, это не здорово.

XIV

У меня в одном из альбомов есть фотография, сделанная фотоаппаратом «Полароид». Помните –

щелчок, и из фотика вылезает карточка, которая проявляется через две минуты. Так вот – пожелтевшая, даже не от времени, а от качества снимка, фотография, где мы с Сашей на фоне храма в Новочеркасске. Эта наша последняя с ним совместная фотография и последняя наша встреча. Он приехал со мной на концерт. А перед концертом мы гуляли по городу, вспоминали былые времена. Я ждал, когда же он заговорит про Вику. И наконец он произнес:

– Я хочу тебе показать фотографии...

– Какие? Наши?

– Нет, Вика прислала из Анкориджа.

Он открыл свою папку и достал альбом, в который были вложены фотографии Вики и Любы. Нарядные, смеющиеся, красивые мама и дочь, снявшиеся, судя по всему, в каком-то парке. Они на лыжах, они на собачьей упряжке, они около своего дома. С фотографий брызгали достаток и похвальба. Зная психологию эмигрантов, а, как ни крути, Вика была эмигранткой, я понимал, что эти фотки делались не только для Саши и его друзей, но и для себя, чтобы еще раз увидеть, что выбор был сделан правильный. Слава богу, что на снимках не было ее нового мужа. А может, Саша не включил его в свой альбом, считая, что этот альбом семейный...

– Ну как? – спросил Грибанов.

Он ожидал от меня одобрения и восхищения удивленным. Я растерялся.

– Знаешь, на юге, на море есть такая услуга: стоит большая фотография, например человек в бурке, а тебе надо засунуть голову в дырку... Ну понимаешь?.. И подпись: «Привет из Анкориджа».

– Хорошо, но лица-то у девчонок счастливые...

– Дай бог, Саш... Скажи, а ты поедешь со мной в станицу Вешенскую завтра?

– Да, нет... Я погано себя чувствую, я сюда-то приехал на морально-волевых.

– А что с тобой?

– Думаю гастрит, вот мы не поели во время, и меня винтит.

– Ты проверялся?

– А зачем?

– Ну чего ты, как еврей, на вопрос вопросом отвечаешь?

– Я через неделю лечу в Канаду. Отец умирает, оставляет наследство, меня включил.

– Вот бы и поправил здоровье, чтоб папкино наследство прогулять.

– Нет, это наследство я к ногам Вики и Любы сло-жу, – и, чуть улыбнувшись, продолжил: – Вдруг половинки снова склеятся? Как ты думаешь?

– Поезжай, там – отец, Люба – родная кровь. А половинки?..

КАК Я СОЧИНЯЛ ДЕТЕКТИВ

Три года назад как-то вечером позвонила моя старая приятельница Ирка Городня, с которой у нас когда-то намечался (но так и не состоялся) роман. Хотя в подобных случаях обычно все складывалось, а в тот раз что-то не совпало. Ну и ладушки... У нас сохранились теплые отношения, которые, как говорят, невозможны между мужчиной и женщиной. И порой такая некрупная, в общем-то, случайная искра проскакивает между нами, и вдруг загораются глаза, но чувство долга, ответственности и еще черт знает

чего в очередной раз не позволяет перейти нам в атаку, чтобы в рукопашной повергнуть друг друга.

Мы видимся чаще вчетвером. Наши супруги знакомы, но, несмотря на то что давным-давно расставлены все точки над *i*, у нас с Городней есть частные секреты, которыми мы не делимся со своими. Я считаю, что Ирке повезло с мужиком. Он неплохо зарабатывает, в меру крут, сделал какие-то нереальные бабки, поставляя накладные ногти в Россию. Ирка меняет раз в два-три года машину, наезжая на каждой из них не более двадцати трех тысяч километров. Из ее гардероба можно бы составить неплохую коллекцию «Весна–Лето», а также «Осень–Зима», в которой преобладали бы известные фирмы. На вопрос Валеры, мужа своего:

– Зачем тебе столько?

Она кокетливо отвечает:

– На черный день... Милый, вдруг ты обанкротишься, тогда мы сможем неплохо жить, потихоньку продавая это.

Она хороша собой, хотя рубеж сорокалетия был взят с первой попытки. Стараясь себя не грузить проблемами возраста, она не «надула свои губки», в очередной раз взглянув на себя в зеркало, и, имея рельефные формы, считает, что это ей очень даже идет.

– Привет, как ты? – ответил я, услышав ее голос в трубке.

– Погано, если можешь, давай где-нибудь смитингуемся. – Городня говорила без своего обычного напора.

Мне даже показалось, что она, набирая мой номер, еще плакала.

– А где ты?

– Я почти рядом с твоим домом.

– Может, у меня?

– Нет, я не хочу, чтобы твои видели меня в таком состоянии, – ответила Ирка.

– Хорошо, в начале улицы Удальцова открыли новое кафе, там мало бывает народа, приезжай.

– «В начале» – это со стороны Ленинского?

– Да-да, второй или третий дом слева.

– Хорошо, через полчаса там. – И она нажала отбой.

Ирина ждала меня у входа в кафе, и было видно, что у нее проблемы. Лицо не накрашено и было заметны следы слез.

– Что случилось?

– Сейчас, сядем за столик, и я тебе все расскажу.

Мы вошли в кафе, и все официанты изготвились выполнить наши желания. Я тактично усмирил их излишнюю предупредительность, и мы сели в дальнем углу, где, наверное, обосновались бы, будучи влюбленными.

– Два кофе и минеральной воды, – озвучил я заказ подошедшему официанту. Через паузу я обратился к своей подруге:

– Городня, что случилось? Никто не умер?

– Как тебе сказать... Из близких никто, а так... Брат мой, Рома его зовут, урод... Его забрали в ментовскую... Подозревают в убийстве человека.

– Подожди, может, все не так страшно. Подозрение – это еще не убийство.

– Боюсь, что убийство.

– Кто тебе дал эту информацию?

– Жена его бывшая позвонила. Они вообще-то в разводе, но живут вместе. Так вот, этот идиот утром зарезал нашу соседку по лестничной площадке.

– А он у тебя где живет?

– В Луганске. Это Украина...

– Я знаю...

– Я знаю, что ты знаешь... Так вот, мой братец зарезал тетю Полю, бабу, инвалидку, которая передвигалась при помощи каталки. Я не верю... Я не верю, что это Рома.

– Ир, не спеши, пока не было суда, он – подозреваемый... Твой братец пил?

– Еще как... Пил, пропадал, бедную Карину, это его бывшая жена, колотил... Она терпела-терпела, потом подала на развод... Так он ее отлупил, пырнул ножом...

– Из-за того, что она подала на развод?!

– Да, думаю, еще ревность... Да, вообще, он, как нажрется, становится агрессивным, и за штык...

– Какой штык?

– Ну этот нож, который он из армии принес. Он еще к винтовке прикрепляется. Вот у него любовь к этой штуковине! Он ее точил, перед зеркалом какие-то выпады делал, супермен недоделанный. Каринка его уговаривала: «Зачем он тебе? Выкини...» – «Нет, у меня это память об армии». Он, когда непьюный, – золотой человек... И ласковый, и додельный, и пожрать приготовит, но сто грамм – и идиот идиотом... Так я тебе не договорила. Он же Карину пырнул ножом (ее потом месяц в больнице выхаживали), телевизор в окно выкинул. Потом подумал-подумал (вот идиот!) – и в окно, как в боевиках, рыбкой выбросился. Так что ты думаешь? Под окном дерево стояло – он весь перецарапался, сломал ключицу и ногу. Они с Кариной в одной больнице лежали в соседних палатах, – закончила монолог Городня.

– Он ее так ревновал? Она что, такая красавица?

– Какая красавица? Без слез не взглянешь. Я вот принесла фотоальбом. Посмотри...

С этими словами Ирина открыла альбом и стала его листать, останавливаясь на фотографиях брата и его жены. Первые фотки показывали Романа в дошкольном возрасте и в первых классах общеобразовательной. Ангелоподобное лицо с большущими распахнутыми глазами и длинными ресницами. Одетый с провинциальным шиком – в белой рубашке с бантиком-бабочкой. Несмотря на всю благообразность, парень поражал какой-то неизбывной грустью и ощущением предчувствия страдания, которое выпадет на его долю в жизни. Я не ясновидящий, но это почему-то запомнилось мне.

– Ир, а почему он на этих фотографиях такой не улыбочивый? Ему что, фотограф не говорил про птичку, которая вылетит из объектива? – спросил я.

– Я никогда не обращала на это внимания. Он был у нас самый маленький, на двенадцать лет моложе меня, и мы с ним нянчились, а мама вообще души не чаяла. Представляешь, после двух девок после такого перерыва – парень...

– Давай полистаем, что там дальше?

– Это он с мамой, – комментировала Ирка.

– Опять не улыбается.

– Слава богу, мама до этих дней не дожила...

– Ага, это армия – «Скоро дембель».

– Так, а это свадьба, – переворачивая страницу, сказал Городня.

– Что-то и тут вселенского счастья не наблюдается. Это жена? Сусанна? – спросил я.

– Нет, Карина... Ну и как она тебе?

– Картина «Неравный брак» в зеркальном отражении. Она его старше?

– Да, на три года. Маленькая, некрасивая, с громадной грудью... Она его «высидела». Мама умерла, и она ему заменила маму.

– Мамик такой... – прокомментировал я.

– Ну да... Но если папики обычно богатые и обеспечивают своих избранниц, то тут-то голь перекатная. Ладно, это мы проехали...

– А где отец-то?

– А отец нас не воспитывал. Тяжелая работа на комбинате и горилка. Мама ушла, папа через год на другой женился... Елена Сергеевна звали... Пирожки хорошо пекла...

– А почему ты о ней в прошедшем времени? – спросил я.

– Так она тоже умерла... Отец наш сейчас вдовый и живет на нашей даче в Чепелево, под Москвой.

– Он у вас просто какая-то Синяя Борода!

– Ну да, только плохо на даче, не с кем пирожки печь... – ухмыльнулась Ирка.

– Детей-то Рома с Кариной наплодили?

– А как же?.. Девочка Анжела. Тут ее маменька в трудные времена в Эмираты на заработки подавалась...

– С ее внешностью?

– Ну, во-первых, на каждый товар есть свой покупатель... Но я-то думаю, что они больше по торговой части (армянка же), а если в секс-индустрии, то только мамкой.... Так вот Рома Анжелку вырастил – кормил, обстирывал, в школу водил... Я же тебе говорю, когда не пьет – золотой человек. Анжелка его обожает.

– Слушай, а как его взяли-то сейчас?

– Да когда тетю Полю нашли, кто-то слышал скандал на их этаже. К нему пришли как к свидетелю, а

он пьяный спит. Он и не упирался, во всем сознался, потом отвел милицию на пруд и показал, куда выкинул штык. Его там и нашли. Вот так...

– Да, дела... – единственное, что произнес я.

К нам подошел официант, и я попросил принести сто граммов коньяка. Мы помолчали, и, когда официант поставил коньяк с лимоном на стол, я попросил Ирку, чтобы она выпила. Она послушно это сделала, и через какое-то время слезы как будто прорвали невидимую плотину в душе. Ирка плакала, а я думал, вернее, прикидывал, чем могу в такой ситуации помочь. Вроде, благодаря телевидению, с любовью обсасывающему подобные истории, мы к убийствам на бытовой почве привыкли, но здесь дело касалось близкого мне человека, и акценты уже звучали по-новому.

Наконец Городня выплакалась, и я спросил:

– Чем я могу тебе помочь?

– Да особо-то ничем... Чем тут поможешь? Спасибо, что дал возможность выговориться. Ты первый, кому я все это рассказала.

– А Валера?

– Валера на работе... Да и вообще, стоит ли ему об этом говорить?

– Родственникам Валеры, может, и не стоит, а ему надо. Будут траты, причем крутые – на адвоката, на следователя, ты и не представляешь эту цепочку. Тебе все равно придется к Валерке обращаться. А потом, он же муж, а это «и в радостях, и в горестях». А родственники? Они и так, небось, ревнуют к тебе своего ненаглядного и считают, сколько стоят твои машины и шубы.

– Ты прав. Ну успокой меня, что ли... – взглянула на меня Городня.

– Как тут успокоишь? Знаешь, съезди в Луганск, на месте разберешься, а пока брата твоего взяли только по подозрению, и ничего еще неизвестно. К маме на могилку сходишь...

– А что, могут быть какие-то варианты?

– Ну вот, например, на поверхности лежит... Соседка ваша одинокая была? – спросил я.

– Ну, да...

– Черные риелторы... Слыхала про таких?

– Слыхала. Да она вроде кому-то отписала свою квартиру. Деваче какой-то, которая за ней ходила.

– Ну вот... – сказал я, пододвигая к ней альбом. – Давай, иди в туалет, приведи себя в порядок, я тебя домой отвезу.

– Ладно, поезду сдаваться Валере.

– Да не сдаваться, а обратиться к другу, к мужу, который поймет...

– Какой ты правильный...

II

Я отвез Городню домой в ее Коломенское и, возвращаясь к себе, думал – стоит ли мне об этом случае рассказывать жене. Чаще всего, когда такое происходит и жизнь взрывает мину где-то рядом с тобой, радуешься, что в очередной раз уцелел, и чем ближе опасность, тем острее чувствуешь вкус жизни. И хотя себя обычно декларируешь человеком, далеким от обсуждения чужих проблем, часто ловишь себя на том, что не прочь приправить пряным вкусом сплетен свое существование. А потом, это не мой секрет, и я решил, что, пока Ирка не обнародует историю своего брата, я о ней ничего не знаю.

Я пересек Севастопольский и вляпался в пробку. И снова мои мысли вернулись к событиям в Луганске, к брату Городни (кстати, она так и не сменила свою девичью фамилию, хотя фамилия Валеры – Подольцев, и, по-моему, звучит. Но баб не поймешь, может, не собиралась с ним долго жить. А если бы, как в былые времена, Городня-Подольцева? Сказка!). И вдруг я, как герой фильма «Женитьба Бальзаминова», начал фантазировать: «Вот был бы я... Вот был бы я Федором Михайловичем, да-да тем самым... Достоевским. Я бы сказал, что есть прекрасный сюжет для романа...

Конечно, Роман, брат Городни, не Родион Раскольников и проблема «переступить или не переступить черту» его, думаю, не волновала, скорее всего, все упиралось в похмельный синдром. Но, если бы у меня был гениальный ум Федора Михайловича, я бы, пожалуй, мог загрузить «героя нашего времени» разными психологическими проблемами. Отсутствие воспитательной руки отца, и мальчик добирает недостающей ему мужественности, представляя себя героем суррогатных голливудских боевиков. Штык, как трофей, привезенный из армии и пронесенный через всю жизнь? Если думать о психологической драме и вспомнить старика Фрейда, то штык это же фаллический символ, олицетворяющий мужественность, которой так не хватает герою. Ранний уход матери и Карина, заменившая ему ее. Эдипов комплекс налицо... Стоп-стоп-стоп! Подруге тяжело, а ты тут в игрища играешь. Писатель, твою мать...»

Я стряхнул с себя наваждение размышлизмов и тронулся – наконец-то включили зеленый, и я ловко проскочил Севастопольский до переключения светофора.

«А чем помочь? – продолжал я гонять свои мысли. – К тому же это другая страна. И там тоже борются

с коррупцией. Ну, хорошо, отмажут его как-то, скажут, что бабка сама наткнулась на нож. Так он же его уже пускал в ход. А интересно...»

На этой мысли я остановился у обочины и набрал телефон Городни.

– Ирка, тебе удобно говорить? – спросил я, услышав ее голос.

– Да, пока да... Валера еще не подъехал.

– Слушай, а ты не рассказала... Что менты, как они отреагировали на прыжки из окон и на вырезание родственников?

– Дело открыли и после больницы его пару раз таскали на допрос. А потом Карина забрала свое заявление, и все.

– Все? – переспросил я.

– Все... Как будто ничего не было... Не было проникающего ранения, не было желудочной полостной операции. Ничего не было.

– Считать обманом зрения?

– Я думаю, – продолжила Ирка, – если бы его тогда посадили, тетя Поля была бы сейчас жива.

– С детства, благодаря всеобъемлющей любви матери и всей семьи, появилось чувство безнаказанности, – продолжил я вслух размышлять о своем романе.

– Что-что?

– Да, ничего, это мысли вслух.

– Ладно, привет, мой идет... Созвонимся.

Я въехал во двор, припарковался. Мысли были враскоряку. Решил отвлечься и включил приемник в автомобиле. Звучала знаменитая «Богемская рапсодия», и герой Фредди Меркьюри в ночь перед казнью обращался к своей матери со словами раскаяния. Правильно

ли я перевел смысл этой песни, не знаю, но эмоция Фредди и мой перевод воздействовали на меня.

III

И все-таки Федор Михайлович не давал мне покоя. Захлопнув за собой входную дверь, я плюхнулся на диван, и моя логарифмическая линейка в башке пришла в движение. Как я ни старался проникнуться бедой и отчаяньем Городни, ничего не получалось. Я пытался укорять себя, называя бесчувственным бревном, пытался найти правильный алгоритм помощи... Ничего не выстраивалось, я сбивался на детектив, причем детектив, который я создавал в своей голове. В конце концов я решил, что, находясь в Москве, кроме сочувствия я предложить Ирке ничего не могу. Время – лучший лекарь. Пусть она поплачет, погорюет, а там что-нибудь прояснится.

Предложить деньги? Она не возьмет. Предложить поехать вместе в Луганск? Как это она с посторонним мужиком появится в родном городе? К «Санта-Барбаре» еще добавить «Богатые тоже плачут»? Нет, на это она тоже не пойдет и правильно сделает... Так что остаются дружеское плечо, жилетка и внимательные глаза, когда у нее появится новая потребность исповедоваться.

Конечно, братец – урод, и тюрьма по нему плачет. Вот только каким он выйдет из той тюрьмы? Судя по всему, все дерьмо нашей жизни он впитывает в себя, словно губка. Моральные переживания Родиона Раскольникова – это не для него. И я опять незаметно для себя сбился на игру «Сочини детектив». А что? Очень похоже – героиня-то денежку, как видно, зарабатывала, выгоняя самогонку и приторговывая ею. Чем не

старуха-процентщица? А может, братика и купюрами ссуживала, если тот просил займы? О чем они с утра-то терли? Может, не вернул он должок, она и осерчала? Осерчала и решила братишечку-то отчитать. А он же герой – как-никак видел, как ножичком-то балуют в американском кино. Может, все это он сделал с таким воплем а-ля Сильвестр Сталлоне?..

Стой-стой-стой... Господин автор, у вас самого-то с психикой все в порядке? Да, чего-то меня заносит... Думаю, надо сочинить какие-то версии невинности брата Городни, чтобы при встрече ее как-то успокоить, а там пройдет время, а оно, как известно, лечит. И я снова улетел в свои детективные дали...

Версия первая

Я крутил историю и так и этак, но ничего разумного у меня не получалось – братец Городни все равно был кругом неправ. Даже когда его окружали сплошные подонки и негодяи, поверить, что последний удар тетя Поля нанесла сама себе, никак не удавалось. А самое страшное, что я к «своему герою» ничего не чувствовал – ни симпатии, ни ненависти... Ни-че-го.

И я снова собирал свои мозги в кучу, и тетя Поля становилась смертельно больной и после отчаянных попыток уговорить знакомых врачей, ветеринаров и еще кого там, чтобы ей сделали смертельный укол, она, не добившись своего, подбивает Романа помочь ей уйти из жизни, пообещав простить ему все его долги. И что? А ничего... Опять виноват.

Версия вторая

Сосед снизу, мечтавая завладеть опять-таки злополучной жилплощадью, подкупает тетю Полю. А она

ведет двойную игру, как в шпионских сериалах, и, не отталкивая сиделку, берет деньги у соседа снизу... Берет деньги, обещая переписать завещание в пользу нашего нового героя. Дальше дело техники... За стаканом водки надо убедить Романа ткнуть старуху, засидевшуюся на грешной земле. Стимул – «она всех достала, и я тебе все долги прощу...». Да, но опять братец не выглядит пай-мальчиком.

Версия третья

Девушка, которая по завещанию должна получить квартиру... У нее есть кавалер, который ее торопит... В конце концов он и сам мог по-мужски поговорить с Романом, который окончательно запутался в долгах. Поговорить и подбить стать наемным убийцей. Боже мой, ну почему опять Романа? А кого? Он же явился как штык со штыком в квартире процентщицы. Нет, не годится, ищи-ищи, что-то должно быть.

«Ладно, спать», – решил я, понадеявшись на собственную импровизацию при встрече с Ирккой.

IV

А ночью мне приснился сон, причем очень сумбурный, и я его не запомнил целиком. Но прежде чем проснуться, я увидел во сне корпоратив в честь 75-летия тети Поли. Гламур в полный рост, среди гостей видные политики и звезды шоу-бизнеса. Официанты разносят шампанское... Тетя Поля сидит во главе стола, заставленного отборными яствами. Рядом с ней стоит ее каталка, украшенная изумрудами и бриллиантами. На сцене певица, которая в сопро-

вождении ансамбля поет песню, припев которой подхватывает весь зал:

*Ты не играй, ты не играй, мой милый,
В русскую рулетку впредь...
Ты знай, мой заполошный и гонимый,
Что моя удача,
Что моя удача,
Что моя удача –
это смерть.*

Вдруг на экране моего сновиденческого «телевизора» пошли помехи, и появилась надпись: «Просим прощения за сбой в передаче, случившийся из-за неполадок на линии вне территории России».

Я проснулся.

V

И почти сразу позвонил телефон. Это была Городня.

– Привет... Я сегодня уезжаю в Луганск.

– Валере рассказала?

– Да, конечно...

– Я подскочу на вокзал.

– Давай, приезжай, мне это сейчас очень нужно.

На перроне Курского меня ждала Ирка Городня. Скромно одетая, сожравшая себя, но не потерявшая решительности. Она была собрана и, судя по виду, готова броситься в драку.

– И что? Ты едешь?

– Да, хочу встретиться с адвокатами, может, в камеру допустят, поговорю с этим... Даже не знаю, как назвать его.

- А называй его – брат.
- Спасибо тебе за поддержку.
- О чем ты? Все нормально.
- Да нет, – Городня вдруг поцеловала меня, – ты так меня поддержал.
- Знаешь, я тут разные версии придумал, – собрался я пересказать свой детектив.
- Да не надо... Это же работа следаков, а не твоя... Пой лучше песни.
- Ладно, езжай... Потом когда-нибудь при случае я тебе все это расскажу.
- Я поговорила с некоторыми людьми... Они мне сказали, что могут его даже отмазать, ты же знаешь, как нынче это делается... У них уже есть отработанные ходы и связи... Все упирается в количество денег.
- А помнишь закон, – решил я проявить свою компетентность, – если начнешь давать, тебя будут доить до конца жизни.
- Да дело даже не в деньгах. Я не хочу... Я не хочу, чтобы он отвертелся... Если он не сядет, боюсь, что следующая буду я... Придет со штыком и скажет, что я не сделала ему шоколадную жизнь.
- Может, ты и права...
- Пусть будет, как будет... Жалко деда.
- Он не знает?
- Нет, мы ему не будем говорить... Может, Рома оттуда иногда будет отцу звонить... А так он для него в командировке, где нет мобильной связи.
- Короче, – прокомментировал я. – Деду ты уже «испекла пирожков». Ну-ну... Городня, ты неисправима.
- Ладно, дружок, береги себя, – обняла меня Ирка и пошла в вагон.

Его посадили... Дали десять лет. Городня не любит об этом говорить, тем более мы информацию особо не распространяли. Она к нему ездит на свидания и через Карину посылает денег на посылки. Это все Ирка мне рассказала, когда однажды я ее подвозил в Коломенское.

– Знаешь, ему ведь могут скостить срок за хорошее поведение. Я об этом молюсь и этого же боюсь. Он же всю гадость впитал в себя. Посмотрела я, какой он стал крутой, когда была на свиданиях. Без зубов, страшный, но крутой...

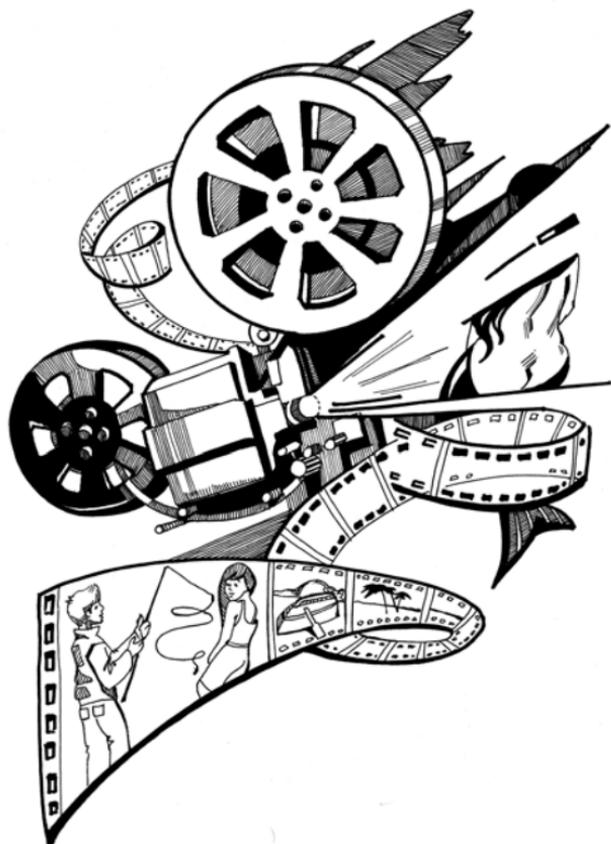
– Ты его простила?

– Не знаю... Почему-то кажется, что все там было не так, как нам рассказали. Может, так, как в твоём детективе?

– Но я же тебе его не рассказал.

– А мне и не надо было твой слушать. Я свой сочинила...

КИНО ПРО ЛЮБОВЬ

Дождь, зарядивший с ночи, к утру перешел в занудливое осеннее ненастье. Еще был август, но низкие тучи, проплывавшие мимо окна, давали понять, что осень уже на пороге и природа проводит первые ходовые испытания предстоящим холодам, а потом и стуже, которая грянет и заморозит лужи и чувства, реки и слова.

Поэтическое «музыка дождя» никак не радовало, так как все исполнялось в каком-то медленно

убаюкивающим ритме, в котором не слышалось барабанных сбивок июньско-июльской грозы, а отсутствие вспышек молнии или невозможность поймать лучи солнца из-за туч, как во время слепого дождя, не давали возможности почувствовать себя на празднике.

Облако, цеплявшееся за верхушки сосен на горе, спустилось вниз в поселок и превратилось в туман, такой английский туман – занудливый и вязкий. Туман, который располагает к хандре и сплину. Выбраться из-под одеяла совсем не хотелось, и я укрылся с головой, пытаюсь найти какой-нибудь свежий образ, который навевает мне этот дождь без просвета. «Художник, что рисует дождь», «дождь-зануда», «мелкий дождь уныло сеет перед носом у трамвая» – все не то...

А потом я почему-то вспомнил звук старого кинопроектора... Кинопроектора из моего детства, когда в деревенский клуб привозили кино в двенадцати (по количеству частей фильма) коробках и после окончания каждой части включался свет и киномеханик менял кассету в киноаппарате. Потом выключалось освещение, и вместе с характерным стрекотом киномашины продолжалась демонстрация фильма. И звук дождя напоминал мне старый деревенский клуб, где крутили кино...

И память меня перенесла в Джемете, и я увидел фильм, вернее, сюжет из моей жизни. Получилась, правда, короткометражка, но просмотрел я ее с интересом, изредка выбираясь из-под одеяла, когда механик менял кассеты. А дождь все не унимался, и сомневаться, что я успею досмотреть свою киношку до конца, не приходилось.

Часть 1

Мы, группа «Ребята», ехали в поезде «Москва – Новгородский», чтобы в спортлагере МГУ «Джемете» играть на танцах для студентов и прочих отдыхающих. Мы ехали с надеждой поиграть от пуза рок-н-ролл, как следует сыграть, срепетировать новые песни. Ну и поухаживать за девчонками. Причем опыт троих из нас – Юрия Валова, меня и Саши Жестырева – был одинаков и стремился к нулю.

Нам было по двадцать, и, может быть, мы вызовем смех у нынешних юниоров, но так было. Мы, дабы выглядеть в глазах друзей ходоками и специалистами по «этой части», рассказывали о каких-то победах, но, думаю, это были фантазии, предназначенные для повышения собственного рейтинга в качестве бойца любовного фронта. Причем собственные рассказы формировались из сведений, почерпнутых из Мопассана, Бальзака, и историй, услышанных от записных «ловеласов». Интересно, ловелас и Love – однокоренные слова?

Волшебные мальчишеские сны и интимные познания особенностей собственного тела давали нам основания чувствовать себя почти опытными мужчинами. Что касается меня, то я к двадцатнику пришел скорее невинным, чем попробовавшим то, о чем думалось практически всегда, если я в этот момент не играл на гитаре.

Как это? Да так это... Была у меня ситуация, но я не понял, где я побывал и побывал ли вообще. Все это происходило, когда мы после кино в деревне Санино возвращались в Давыдовское, вернее, я решил проводить одну девчонку по имени Зойка. Мы шли большой компанией и по дороге завернули на поле, где созрел

горох до той кондиции, когда его отправляют в банки с надписью «Зеленый горошек». И я, совершенно не думая о последствиях, налупился этого горошка, и часа через полтора он начал напоминать о себе всяческими спазмами и бурлением в желудке. А к этому времени Зойка, девчонка на пару лет старше меня (а мне шел шестнадцатый), увлекла меня куда-то за амбары Давыдовского, где была скирда свежего клевера.

Волнение от того, что может случиться ЭТО, а также то, ну то самое от гороха, совершенно лишило меня романтического восприятия происходящего. Зойка давно обещала научить меня целоваться и твердила, что вообще-то я ей нравлюсь как гармонист. А мне льстило, что она старше и опытней. Но в ту ночь я был не в себе. Я боялся, что просто взорвусь от этого гороха. И было много суеты и торопливых движений... Была попытка доплыть до берега, но не доплыл, но была спасительная мель, брод, которого я не знал, отправляясь в плавание...

Было это, не было? Не знаю, скорее не было, но я для себя решил, что было, и говорил, что тогда в августе я стал мужчиной. То, что Зойка больше не велась от моей игры на баяне, не имело значения. Я был рад заблуждаться, и я заблуждался.

Но вернусь в Джемете. Коля Воробьев, наш басист и единственный уже женатый, учил нас уму-разуму, когда дело касалось девчонок.

– Они будут стоять в очереди за вашей благосклонностью, поэтому не суетитесь, – наставлял нас Воробьев.

И вдруг выяснилось, что он оказался прав, и мы все чаще ловили на себе многообещающие взгляды до, во время и после наших песнопений. И начались наши университеты.

Часть 2

Она появилась на пляже в Джемете вместе с нашим хорошим знакомцем Сашей Перепелкиным. Саша был приличным органистом и играл в московской группе «Неуловимые мстители». Он был нашим ровесником и считался лидером – музыкальным лидером «Неуловимых». Но он, как, впрочем, и все «Мстители», был в тени их певицы Наташи Глухаревой. Он был невысок ростом и имел, скажем так, неспортивную внешность. И вот он к нам приближался с ослепительно красивой девушкой. Слова Воробьева о том, что нас должны окружать лучшие девчонки, подтвердились в полной мере. После взаимных приветствий Саша представил свою спутницу:

– Лена.

Мы что-то промычали в ответ, пытаюсь не показать своих чувств. Лена бросила на песок сумку и начала раздеваться. В те годы стандарты 90×60×90 не были еще на устах. Мир только что узнал, что пропорции Твигги*, которая могла бы с успехом сыграть главную героиню освободительного движения в концлагере, – эталон для подражания. Нет, Лена Галкина была стройная, высокая, что называется, в самом соку, девчонка, и мы, стараясь сохранить незаинтересованность, смотрели, как она освобождалась от одежды.

Нам уже знакомо было слово strip-tease, но что в нем нашли американцы, нам не объяснили. И мы поняли проклятых империалистов и согласились, что они не дураки, когда платят большие деньги, чтобы посмо-

* *Твигги* – английская топ-модель середины 60-х. Очень худая, практически как подросток, девушка взорвала все представления о красоте женщины.

треть – какая одежка за какой снимается в женском гардеробе. У меня в тот день еще не зажила «травма», которую нанесла мне одна из студенток МГУ на отдыхе. Я пытался, помня наставления Воробьева, спикировать на нее, но то ли был банален в своих приставаниях, то ли слишком инфантилен на вид, но вдруг услышал:

– Мальчик, отойди в сторонку и поонанируй. Прошу тебя, не отнимай ни у меня, ни у себя время.

Я растерялся, вождеделение и напор пропали сразу же. Выполнять пожелание девушки, отойдя в сторону, я не стал, да и, наверное, не смог бы. И тогда, глядя на превращение Лены Галкиной в купальщицу, я даже не смел мечтать о чем-то таком. Лена, почувствовав интерес к себе, не спеша повернулась к Саше Перепелкину и как бы к нам тоже и негромко произнесла-позвала:

– Ну, я купаться.

Она пошла к морю... Так умеют ходить женщины, знающие себе цену и не стесняющиеся своей красоты. Это была походка Мэрилин Монро из «В джазе только девушки». Помните вокзал, поезд под парами и Мэрилин (вид сзади)? Вот и тогда был вид сзади, но без платья и без... Ну, не помню, что было в руках у героини из «Джаза» – походку помню, а так... А в Джемете на пляже Ленка шла к воде, и такое впечатление, что все расступились перед ней, застыв, как скульптуры из музея мадам Тюссо.

«Ну чем Перепелкин взял ее?» – думалось мне, пока Ленка купалась в море.

А потом она возвращалась из воды, на ходу отжимая свои черные, как... что? ночь, смоль, воронье крыло, черная дыра, как лицо актера, рекламирующего «Лакают»? В общем, отжимая свои волосы, не думая, что прическа безнадежно испорчена. Но от этого она

стала еще красивее. Купальник из какого-то трикотажа в облипочку замер на ее теле, соски нахально распирали незначительную тряпочку ее бюстгалтера. При больном воображении, а я, судя по всему, в тот момент сильно хворал, можно было понять, что прикрывают и трусики.

Небрежно взяв свой халатик и сумку, Лена, обращаясь к нам и к Саше Перепелкину, проворко... – нет, пропела:

– Ребята, до вечера. Мы придем вас слушать. Пошли, Саша.

Саша встал, махнув нам рукой, и со словами «увидимся вечером», пошел вслед за Ленкой.

Часть 3

Вечером мы играли привычные танцы. Я обратил внимание, что Перепелкин и Лена были в толпе танцующих. Наша новая подружка явилась на мероприятие в шортах, что по тем временам выглядело вызывающе. Взгляды парней, а в еще большей степени девчонок были обращены на Ленку. Куда смотрела «полиция нравов», я уж не знаю, наверное, туда же, куда и все – на фигуру нашей танцовщицы. А посмотреть было на что...

Я вам говорил о Мэрилин Монро, скажу еще – в движениях Лены была какая-то звериная грация, таким па ни в каком танцевальном кружке не научат, хотя потом я узнал, что она занималась гимнастикой... Саша Перепелкин, обладая несомненной музыкальностью, делал все верно, но был, по сути, статистом, оттеняя танец нашей бенефициантки. Танцевала Ленка

вдохновенно, и я неожиданно для себя понял, вернее, почувствовал, что своим танцем она обращается ко мне. Несколько раз я ловил ее взгляд, в котором был то ли вопросительный, то ли восклицательный знак, а может быть, оба знака одновременно.

В то время я редко солировал, хотя песня «Girl», как правило, имела успех, и я спел ее. Ленка и ее постоянный партнер в этот вечер Саша Перепелкин продолжили свою танцевальную программу, крепко обнявшись и прижавшись друг к другу. Может быть, в первый раз в жизни я почувствовал то, что потом идентифицировал как ревность. Я понял, что уже не могу отвести от нее взгляд, а она, как опытная соблазнительница, продолжала меня терзать своим откровенным танцем, все теснее прижимаясь к Перепелкину. Он что-то ей говорил на ухо, пытаясь перекрыть звук от наших колонок. Она ему что-то шепнула в ответ, и они ушли с танцплощадки куда-то в темноту ночи.

Две или три песни я терзал свою душу, на автомате играя на гитаре и подпевая Воробьеву. Они появились так же неожиданно, как и ушли. Мы закончили эффектным ре-мажором битловую «Run for your life» и неожиданно для себя, да и для остальных «Ребят», я с чувством, собрав все свои эмоциональные силы, начал петь песню, которую мы никогда не репетировали, да и не играли. Это была песня, которую пел Ринго, – «I wanna be your man». Обычно мы старались в ноль копировать аранжировку песни, но в тот раз ни исполнение «The Beatles», ни исполнение «The Rolling Stones» не было взято для подражания. Взяв на гитаре первый аккорд, я, как Жорж Милославский из «Ивана Васильевича», глядя в глаза Лены Галкиной и обращаясь к ней персонально, спел:

I wanna be your lover, baby,

I wanna be your man.

Что означало: «Я хочу быть твоим любовником, бэби, я хочу быть твоим мужчиной».

Публика, не понявшая еще, что я пою отнюдь не медляк, обнялась, ожидая каких-то ритмических структур, чтобы начать двигаться в темпе песни. А мне казалось, что я публично объясняюсь в любви. Не знаю, что чувствовала Ленка. Думаю, она в этот момент приплюсовывала меня к армии своих воздыхателей. А тем временем я закончил запев своей песни в стиле «free» (свободно), и подошло время припева. Жорж Милославский в фильме дальше пел, раскачивая песню в ритме цыганочки... У нас же Жестырев, выдержав паузу, сделал яркий выход на томах своей установки. И я вместе с группой грянул все те же незамысловатые слова про то, что я желаю быть ее мужчиной. Шурик построил сверху голос, и все срослось. Толпа расклеилась, то есть оторвалась друг от друга, поняв, что медляка не будет, и ритмично конвульсировала до конца номера. В конце программы, когда мы собирали аппаратуру, Лена и Саша подошли и поблагодарили нас за хороший вечер. Ленка неожиданно поцеловала меня в щеку и сказала так негромко, чтобы слышал только я:

– Спасибо за вечер, а особенно за песню...

– Какие вопросы, – браво ответил я. – Приходите, за ваши деньги любые желания...

– Ну я пошла?

И они с Сашей ушли в сторону поселка.

Часть 4

Утром, как на работу, мы отправились на пляж, где нас уже поджидали Ленка и Саша. Погода была ветреная, и на море было небольшое волнение, балла в три. Джеметинский пляж – это песчаные дюны шириной метров триста, поросшие по краям вдалеке от полосы прибоя ивняком. Все пространство в годы торжества советской власти было заполнено отдыхающими, которые на подстилках и просто так располагались на песке группами и поодиночке. Лежаки были приравнены к разврату, и их можно было найти только на санаторных пляжах, а студенты... А студенты – народ неприхотливый.

Никаких навесов от солнца на пляжах Джемете и окрестностей не было предусмотрено, так как гнев моря было трудно прогнозировать и усмирить, и море, как правило, вырывало с корнем несущие опоры предполагаемого навеса из зыбкого песчаного пляжа во время шторма. Пляж плавно переходил в дно моря, и нужно было пройти метров сто–двести, чтобы добраться до глубокой воды... Именно поэтому на побережье Анапы, Джемете, Витязева было множество детских санаториев и пионерских лагерей. Но дно Черного моря в этих местах имело ту особенность, что часто меняло свой рельеф в зависимости от ветров, течений и бурь-непогод.

И в тот день, заплыв в море, я быстро понял, что где-то метрах в двадцати пяти от берега появилась впадина глубиной чуть более двух метров и шириной метров десять. Причем там же начиналось довольно сильное течение в сторону моря, которое нужно было преодолеть, чтобы добраться до мелководья. Моего

умения плавать хватило, чтобы без особых проблем вернуться на берег. Я бросил свои кости рядом с Леной и ребятами и закрыл глаза, подставив лицо и тушку солнцу.

– Пойду искупаюсь, – услышал я голос Перепелкина. – Лен, ты со мной?

– Иди, я полежу, позагораю.

Он ушел, и я услышал голос Ленки:

– Ну и что? Долго мы в переглядушки играть будем?

– О чем ты? – спросил я, не меняя позы.

– Да о нас с тобой... Я же вижу, что я тебе нравлюсь, и ты мне нравишься тоже...

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю? Да я девушка, и предлагать должен ты.

– Я... Я не готов ухаживать за девушкой моего друга.

– Какой девушкой твоего друга? Мы оба учимся в Бауманском и случайно встретились в аэропорту, когда летели в Анапу. Не буду врать, я нравлюсь Сашке, он мне об этом много раз говорил, но мне-то...

– Что, тебе-то?

– Ну, я пыталась хоть что-то почувствовать по отношению к нему, но ничего не получается. Зато он нравится моим родителям, и они спокойно отпускают меня с ним вечерами.

– А ты с кем сюда приехала? – спросил я.

– С мамой, папой и двумя братьями.

– У тебя еще и братья есть?

– Да, два таких бойца, погодки – одному семнадцать, другому шестнадцать... Самбо занимаются, так что ты со мной осторожней...

– Куда уж еще осторожней.
– Шучу, шучу я... Смирные они у нас.
– Ох, рано, встает охрана, – пропел я.
– Ну так что? Соображай, а то Перепел возвращаться собирается.

– Я бы рад, но как? – спросил я, поднимаясь с песка.

– Сегодня после танцев Сашка меня проводит домой, и, если ты хочешь, я на крыльях любви прилечу к тебе, милый, на свидание.

– Это куда еще?

– Знаешь беседку в парке у винзавода?

– Знаю.

– Вот там и жди меня, – сказала Ленка и, замолчав, растянулась на своей подстилке.

Я посмотрел на море и увидел, что Перепел пытается выплыть к берегу, преодолевая зону, где начиналось морское течение от берега. Я уже говорил, что Саша не был похож на спортсмена, и долгие часы, проведенные наедине с пианино, превратили его фигуру в то, во что превратили. Понятия об эстетике в плавании у него были превратными. Когда он плыл, то был похож на провинциала. Вы обращали, наверное, внимание на таких пловцов. Они обычно плывут, выйдя из воды на две третьих своего корпуса, старательно сгибая руки в локтях. При этом туловище за руками болтается из стороны в сторону.

В общем, КПД такого плавания равняется практически нулю. И Саша, борясь с течением, не передвигался в сторону берега и, как поплавок, торчал на одном месте. Правда, море его еще не победило, но паника уже поселилась в его душе. Он не звал на помощь, присутствие Лены не позволило бы это ему сделать,

но морские чудища могли утянуть поплавок на дно в любую секунду.

– Пора, – сказал я сам себе и рванул к морю. Доплыв до Сашки, я, ничего ему не говоря, нырнул, встал на дно лицом к берегу и, обхватив снизу за талию, резко толкнул его к мелководью. Мои действия имели успех. Мы победили море, и Саша нащупал ногами дно. Мы подошли к Ленке. Она подняла голову и спросила:

– Ну как покупались?

– Отлично, – ответил Перепелкин.

– Солнце, воздух и вода – наши верные друзья, – брякнул я, плюхаясь на горячий песок.

Часть 5

Всю оставшуюся часть дня до начала нашей танцевальной программы я провел в волнениях. Лена мне казалась искушенной и знающей толк в любви особой. То, как она сумела решить все мои проблемы, поражало воображение и в какой-то степени обязывало быть на высоте, если выпадет шанс. Мысль, что я могу ей сам предоставить этот самый шанс, не приходила мне даже в голову. И я вспоминал и анализировал рассказы своих друзей и боялся провалить экзамен, понимая, что переэкзаменовки может и не быть. В то время специальной литературы, где бы объясняли на манер «поваренной книги» – как, где, зачем и с каким напором, не было.

Кто-то однажды притащил в институт купленную у глухонемых в поезде «Камасутру», но на руки этот труд мне никто не дал, и углубиться в схемы, таблицы

и графики не посчастливилось. Запомнились какие-то рисунки, похожие на иллюстрации пирамид физкультурных парадов времен «военного коммунизма». Но чтобы перед сном почитать, а потом еще и помечтать... Этого нет, не было, и я сам себе напоминал Маугли, который воспитывался вне человеческого племени. Оставалось положиться на инстинкт.

Вспомнился и еще один случай – я был в состоянии пересдачи теоретических основ электротехники, и мозги были забиты этим предметом и сопровождающими его (то есть предмет) формулами. И подходит ко мне мой друган Саша Каретников, открывает какую-то книгу и показывает мне какой-то график, на котором изображены две кривых... В общем, что-то в зависимости от времени...

– Ну, двоечник, – сказал Карета. – Что это? Только быстро.

– Интеграл Дюамеля, – ответил я.

– Дурак ты, Слава. Смотри...

И с этими словами он убрал руку от подписи под рисунком. И я прочитал: «График возбуждения женщины и мужчины в зависимости от времени во время процесса». Я прочитал название – «Новая книга о супружестве» было написано на обложке. Но теория теорией, а практика, как говаривал великий вождь пролетариата, является тем элементом, который подтверждает теорию. Лабораторных работ, ходовых испытаний (как это ни называй) в моей биографии было позорно мало.

И грянул вечер, Лена пришла в сопровождении Саши на танцули. Кавалер был под газом и танцевал как никогда «ярко и незабываемо».

– Перепел перепил, – шепнула мне Ленка во время танца, оторвавшись от своего кавалера.

- Все по плану? – спросил я.
- Думаю, да.
- Случай чего, я подожду.

В этот день наша красавица была одета в какую-то юбку, довольно свободную клетчатую рубашу и полуспортивные туфли. Короче, на ней была одежда, которая удобна и практична в условиях, приближенных к боевым.

Часть 6

Я шел к винзаводу в Джемете, к заветной беседке. Джемете освещался фонарями кое-как, но дорога была знакома, и я постоянно натыкался на своих приятелей, которые продолжали вечер, сгруппировавшись в компании или парами. Слабую освещенность улиц поселка компенсировала луна, перешедшая стадию полумесяца, и поэтому я не имел проблем с канавами и рытвинами, что встречались у меня на пути. Со стороны гор заходила туча, и время от времени небо на востоке вспыхивало ярким светом. Но «матч состоится при любой погоде», – вспомнил я почему-то штампованную фразу спортивных комментаторов.

Волновался ли я в эти минуты? Думаю, что да. Но это обычное волнение, как перед выходом на сцену. Она придет, мы возьмем вместе первый аккорд, и волнение улетучится. Далекий раскат грома придавал этой минуте элемент театральности. Наконец – беседка. Я ждал недолго... Появилась Ленка, она почти бежала и, влетев в беседку, бросилась мне на шею. Мы с разбегу начали целоваться, и у нас сразу же получилось, я это понял потому, как ее губы, ее язык

складно помещался у меня во рту. Великое все-таки дело – инстинкт. Не зря я в своих размышлизмах полагался на него. Природа не подвела. Мои руки, забыв стеснительность, ласкали Ленку.

– Стой-стой, пошли отсюда... Здесь так много народа.

Я перевел дыхание и, поправив свою одежду и прочее, предложил Ленке пойти прогуляться.

– Куда? – спросила она.

– Пошли на пляж.

Не знаю почему... Да нет, знаю... По детской неопытности у моих сверстников считалось, что заняться этим делом на песчаном пляже или на сеновале – это высший пилотаж. Только потом с опытом приходит осознание, что песок, проникающий во все щели, не способствует улучшению работы механизма, а сено, которое колетса, щекочет и вообще смешит, не дает возможности найти опору, которая могла бы помочь перевернуть мир.

Уже потом, когда я понял что к чему, я стал все чаще вечерами замечать парочки, отправлявшиеся на дюны в сопровождении одеяла. А сейчас мы шли с пустыми руками, которыми на ходу ласкали друг друга. А гроза приближалась. Порыв ветра – и первые капли упали нам на лицо. Мы были уже на пляже, и я увидел лодку спасателей, которая вверх днищем лежала около их будки. Вспомнив фильм «Сердца четырех», я приподнял борт судна и галантно пригласил даму в помещение спрятаться от дождя. Без долгих разговоров дама нырнула в укрытие, а затем помогла мне забраться в наш маленький домик. Лодка, как мышеловка, захлопнулась, и мы оказались рядом лицом друг к другу на теплом еще песке. Я прижался к Ленке, испытывая...

Боже мой, сбиваюсь на стиль бульварной литературы... А над нами грохотала гроза, дождь как полоумный колотил в дно и борта лодки. Я осмелел и, не переставая целовать Ленкины губы и плечи, начал правой рукой ласкать ее ноги. Не получая отпора, моя рука поднималась все выше, и наконец я добрался до нижней кромки ее трусиков... Мне было много позволено, и, вспомнив, что женщине доставляет несказанное удовольствие, когда ее раздевают, решил приступить к этому процессу. Но, о, ужас... Я не нашел резинки или чего-то там еще, что должно было быть у ее трусиков сверху. Меня эта проблема поставила в тупик, и я отошел на исходные рубежи. Я перегруппировал войска и сделал новую вылазку... Успех операции был тот же, и я в панике отступил... Вождеделение куда-то схлынуло... Я отвалился от моей девушки, как пиявка, обожравшаяся крови.

Дождь не унимался, и в полной темноте, слава богу, не видно было моих растерянных глаз. Эльдар Рязанов не снял еще фильм «Вокзал для двоих» и фраза «сама, сама, сама» еще была не известна кинозрителю. Лена мне не помогла. Уже потом я сообразил, что на ней будет цельный купальник. Наверное, это был своеобразный телохранитель, и он выполнил свою роль.

Попади я в подобную ситуацию через пару лет, я бы уже с легкостью решил эту задачу, а тогда растерялся. Я был похож на рыбака, который отпускает ни с чем русалку, не поняв «как».

Пауза затягивалась.

– Который час? – спросила Лена. – Родители, наверное, с ума сходят, не зная, где я.

– Думаю, около четырех, потому что еще не светает.

– Да тут ничего не видно, я бы посмотрела на часы.

– Знаешь, – сказал я, – я понял, что такое слепая любовь. Это то, что у нас сейчас: я тебя совсем не вижу, но то, что я чувствую, в высшей степени прекрасно.

– Ты знаешь, а ты – хорош, а целуешься даже лучше, чем играешь на гитаре.

– Ты хочешь сказать, что я совсем не умею играть на гитаре?

– Нет, просто ты своими руками играл на мне, как на инструменте, а губы твои меня так целовали, что я теряла голову и контроль над собой.

– Эх, Ленка... – сказал я с интонацией, в которой были досада, восхищение и еще черт знает что.

– Да не грусти ты... Мне было с тобой так хорошо, что последний аккорд мы отложим.

– Может, все-таки я приду в тонику и поставлю точку?

– Милый, ну, потерпи немного... Ты же знаешь, как девушки относятся потом к себе, если все произошло в первый вечер?

– Кажется, дождь кончается, – сказал я, приподнимая борт лодки.

– Ну что, давай выбираться? – спросила Ленка.

– Давай. Спасибо тебе.

– За что, дурашка?

– За дурашку.

Часть 7

Мы с Леной Галкиной шли по предутреннему Джемете, направляясь к дому, где обосновалась ее семья.

Моя спутница заметно волновалась, и я решил, что это происходит от эмоций, полученных в перевернутой лодке во время дождя. Я к этому времени успокоился и перестал переживать за неудачу, произошедшую со мной полчаса назад. Лена была тактична по отношению к моему мужскому самолюбию, и я решил, что она все сделала правильно.

Маленькая женская хитрость, я оценил ее и решил, что так даже лучше. Мы не переступили черту, и мне не надо взваливать на себя никаких моральных обязательств, которые, как я понимал, должен нести мужчина по отношению к своей женщине. Мы весело болтали ни о чем, хотя Ленка иногда взволнованно переводила разговор на родителей, моделируя их поведение при встрече ее дома. Мы шли по аллее навстречу рассвету. Впереди, заслоняя все пространство (или мне так показалось), появились три мужские фигуры, направлявшиеся к нам.

– Так... Это мои, – то ли прошептала, то ли пролепетала Ленка, – сейчас мне будет...

Я подумал, вспомнив о братьях-самбистах, что мне будет тоже. Ну избыют, не убьют же... Мужчина и женщина, которые явственно просыпались в нас с Ленкой на пляже, куда-то улетучились, и мы оба почувствовали себя детьми, нашкодившими и не готовыми ответить за свои поступки.

– Лена, это ты? – услышали мы мужской, с оттенком стали, голос.

– Да, папа!

– Иди сюда.

Меня не звали, и я остановился в поле досягаемости, дабы ответить на вопросы, если они будут к кандидату в женихи. Отец Лены вышел за линию, которую «дер-

жали» ее братцы, грубо схватил еще мою девчонку за руку и затащил на свою территорию. Он отвесил ей пощечину и, сопровождая свои действия руганью, погнал ее, как нашкодившую собачонку, в сторону дома. Ленка плакала, что-то кричала, но из ее слов вылезла в память фраза «за что?».

Братья прикрывали это действие, встав в боевую стойку и загородив все пространство между мной и моей... А во мне проснулся не изжитый еще страх перед директором школы, перед завучем, перед милиционером... Наверное, если бы это были хулиганы или насильники, я бы вступил в драку. В те годы было достаточно спокойно, убийств практически не было, а получить синяков и даже недосчитаться пары зубов, защищая любимую, – это же так романтично.

И до сих пор я, вспоминая эту историю, думаю, правильно ли я поступил, вернее, не поступил... Я не знаю... Сегодня, став отцом, я не понимаю, что посоветовал бы своему сыну, оказался он в подобной ситуации; да и как вести себя девочке, тоже не знаю – девчонок я не воспитывал. А впрочем, нынешние дети сами объяснят нам что к чему, так что не расстраивайся, мой дорогой читатель.

А Ленку больше не пускали вечером к нам на танцы.

– Чего-то она там надерзила отцу, – сказал нам Перепел, когда мы спросили его о Ленке.

Они улетели в Москву. Я, вернувшись туда же к сентябрю, не стал разыскивать мою русалку. Мое поведение на аллее мешало мне чувствовать себя кавалером, способным защитить даму. А она? А она тоже не позвонила, хотя, зная женскую смекалку, могла бы найти мой телефончик. Но она была девушкой, которая не остается у мужчины в первый вечер.

КАК МЫ СХОДИЛИ НАПРАВО

I

Насколько люди привыкают к среде обитания, известно давно и многим... К хорошему привыкают быстро, а к плохому? Ну, если обстоятельства заставляют, то человек адаптируется, и его организм и психика, подключив незадействованные резервы, начинают работать в нужном режиме и даже сначала удивляются, если эти сложности и препятствия исчезают.

Афганистан... Кандагар... Мы – ансамбль «Пламя» – дислоцируемся в N-ском полку, и я после концерта в душе смываю с себя приключения и тревоги прошедшего дня... Вода расслабляет, и не хочется выходить из кабинки. Ощущение почти как дома в квартире, будто и не было трех концертов и длинного застолья с обязательными песнями, анекдотами и выпивкой. Я зачем-то еще раз намыливаю свое тело и подставляю его неагрессивному душу. В помещении еще двое мужчин. Это офицеры, у солдат свои казармы и свои помывочные. Эти двое ведут негромкую беседу, и я долгое время не вслушиваюсь в смысл того, о чем они говорят. Вдруг мое сознание выхватывает фразу одного из них.

– Да, ребята нарвались на засаду. БТР подбили, они приняли бой, но Серегу потеряли.

– Так что? Они прорвались?

– Прорвались... Но Серегу-то потеряли... Жаль, хороший парень был.

– А плохие и не погибают...

Я был поражен... Нет, не тем, что потеряли еще одного бойца, это-то понятно, мы были на войне, а на войне, как известно, убивают. Меня поразила обыденность ситуации, когда теряют товарища, когда смерть становится средой обитания. Меня поразила интонация, с которой все это говорилось, и осознание того, что завтра это может произойти с тобой. Я не вытерпел и спросил офицера, который принес эту весть:

– А когда это произошло?

– Да пару часов назад... Возвращались с задания... Слушай, а ты, наверное, судя по твоей прическе, из «Пламени».

– Ну да... Извините, что встрял в ваш разговор... Я никак не могу привыкнуть к войне.

– А к ней нельзя привыкнуть... Кстати, меня зовут Николай.

– Приятно, а меня Вячеславом. Вот вы говорите, что нельзя привыкнуть, а сами практически не изменили интонаций, когда говорили о бытовых делах и когда обсуждали уход вашего товарища.

– Серега – это наш верный друг, – сказал Николай, выходя из душа и отправляясь в предбанник. – А интонация... Я думаю, это защитная реакция организма, чтобы не сойти с ума. Кстати, я, к сожалению, не попал на ваш концерт. А знаешь, как ваши песни нам нужны здесь, вдали от Родины.

– Если у вас с вашим другом есть еще силы...

– Его зовут Федор... Давай на ты.

– Хорошо, если у тебя с Федором есть силы, я сгоняю за гитарой, и мы где-нибудь попоем.

– Вот это дело, спасибо, Слава. А можно я...

– Конечно, можно, – рассмеялся я.

И засиделись мы глубоко за полночь, говорили, пили, пели и согревали друг друга душевным теплом.

– А что, если я тебе позвоню в Москве, ну вдруг окажусь там? Я не буду тебе надоедать, – спросил Николай.

– Как тебе не стыдно? Я постараюсь, чтобы ты в Москве забыл об Афгане...

– Да нет... Как это забудешь?..

И мы обменялись координатами. На следующий день я улетел с «Пламенем» в Кабул, и вскоре мы вернулись в Москву.

II

А в Москве, я, да, наверное, и все пламеневские ребята, достаточно быстро втянулся в московскую жизнь и резво побежал по привычному кругу. И мелькали лица на трибунах и в концертных залах, и сменялись самолеты на поезда, и решилась жизненно важная проблема: кто все же круче в этом году – киевское «Динамо» или «Спартак», и надувались щеки, если у твоей телки «маракасы» больше, чем у телки басиста. И пусть кто-то в этом городе никого не снял и поэтому считал себя «лузером», пусть... Жизнь как спорт, как ярмарка тщеславия продолжалась, и все реже в памяти всплывали Афган и все, что было связано с ним.

Николай, а он, в общем-то, и является героем моего рассказа, как и обещал, не доставал меня звонками, и я почти не вспоминал тот вечер в Кандагаре, тем более что там, в Афгане, практически каждый день был наполнен неординарными событиями и знакомствами.

Наступило лето, и мое семейство – жена и сын Никита отбыли в Гагру к моему свояку, чтобы покупаться и скрасить время ожидания меня из очередной поездки. Зарботки позволяли мне вырваться на самолете на юг, и я летал маршрутом Москва–Адлер порой по несколько раз в месяц. Однажды я посчитал, сколько раз в тот год я был на море. Получилось – семнадцать. Поскольку семнадцать для меня счастливое (как я для себя решил) число, то этот факт отложился в памяти; правда, это были визиты на все моря – в том числе Баренцево, Балтийское, Охотское, Карское, а не только Черное... Но факт остается фактом.

Мы прилетели в Москву на пять дней, и в эти дни были запланированы какие-то записи (а это значит,

и репетиции) и съемки. Вечером первого дня я возвращался домой около десяти. Во всяком случае, уже стемнело, и из палисадника нашего дома на улице Лобачевского я услышал голос:

– Слава, это – ты?

У Николая был достаточно характерный, узнаваемый голос. Такой, знаете, с непреходящей простуженностью... Но то, что я вот так сразу, практически через год, узнал его... Это меня удивило. Не успев поразмышлять на эту тему, я ответил:

– Коля? Какими судьбами?

Николай не без чувства гордости вышел из кустов, где он и его компания поджидали меня. Николай был одет в штатское... Костюм, который он долгое время не носил, еще не прикипел к нему и выглядел чужеродным элементом в его облике. А его спутники – три парня лет 25–30 в летных комбинезонах – вышли, держа в руках трехлитровый баллон, наполненный какой-то жидкостью. Отвечая на мой немой вопрос, один из летчиков сказал:

– Ликер «Шасси»*.

– А мне знаком этот напиток, – ответил я.

– Это Слава, тот, про которого я вам говорил, – услышал я Николая.

– Привет, мужики, – поприветствовал компанию я.

Мы обнялись, и я пригласил их к себе

– Не, мы пойдем, – сказал, судя по всему, командир летчиков. – А это вам.

С этими словами он достал из-за пазухи непечатую бутылку и передал Николаю.

* Ликер «Шасси» – самодельный алкогольный напиток, который изготавливали летчики на основе спирта, выдаваемого для обслуживания самолета, с добавлением красителей и прочих орехово-фруктовых ингредиентов.

– А то пошли, я дома один, места всем хватит, – еще раз позвал я.

– Не-не, мы пойдём... Вам есть о чем поговорить, а нам еще надо в одно место успеть.

Ребята ушли в темноту, и мы с Николаем поднялись на пятый этаж.

– А ты чего в Москву? – спросил я, приглашая его в комнату.

Он, несмотря на мои протесты, разулся и босиком прошлепал в гостиную.

– Да образовался борт в Москву, и меня отпустили на побывку. Через пять дней назад.

– А ты же вроде из Ижевска?

– Из Ижевска...

– Домой махнешь?

– Как получится... Хочется оторваться, в общем, вспомнить гражданку. А домой?.. Приехать на полдня, подразнить своих только...

– Ну и какие-то планы есть?

– Планы? Хочу до баб дорваться... Полтора года я их не видел... Ух, мне бы только...

– Ну у вас же есть там женщины...

– Чекистки, что ли? Да они все начальством разобраны. А у тебя как с этим? – спросил Николай, ожидая, как я думаю, развернутого ответа с подробностями и картинками.

– У меня-то порядок: жена, на гастролях, сам понимаешь, только свистни...

– Да, вам, музыкантам, хорошо, бабы к вам так и липнут... А сейчас, – резко меняя тональность разговора, перебил Николай, – можешь кого выписать?

– Сейчас? Проституток, что ли? Не-е, я за это дело никогда не платил и боюсь, что за деньги у меня и не получится...

– Хорошо, без денег... Может, у твоей девчонки какая подружка есть?

– Коль, да нет, сейчас я не готов тебе кого-то подогнать... Поздно, да и потом... Нет, извини.

– Хорошо, но где-то их снимают?

– Снимают, – ответил, раздумывая, я, – но туда, в эти места, просто так не пройдешь, там кругом ментура. Давай, завтра я прозвонюсь и чего-нибудь придумаю...

– Хорошо, замечано. У тебя пожрать есть? Надо же отметить встречу, – поменял тему беседы Николай.

– Ща, чего-нибудь соображу.

Я пошел на кухню и вывалил на стол все, что нашел в холодильнике. Николай разлил «Шасси». Не проявляя особой фантазии, мы выпили «за встречу» и закусили моим набором холодных закусок.

– А знаешь, – начал Николай, дожевывая колбасу с помидором, – после того как ты попел тогда в Кандагаре мне и моим друганам, я очень долго ходил под впечатлением. Пытался разобраться, почему песня так забирает.

– И что, разобрался?

– Да нет... Но я решил попробовать тоже сочинять стихи... И знаешь, у меня, кажется, получилось.

– И что, ты можешь что-то прочесть?

– Могу, но это будет стихотворение, которое рождается сейчас...

– Импровизация, что ли? Ты что, акын?

– Называй это как хочешь. То, что вылетает из меня, я не записываю, и думаю, что на бумаге это потеряется...

Николай встал в позу декламирующего свои стихи поэта. Поддача «материала» была похожа на то, как читал со сцены Андрей Вознесенский. Рубленный

ритм и некоторый пафос скрывали недостатки в стихосложении, но почему-то я легко запомнил и впоследствии, рассказывая друзьям эту историю, даже почти дословно повторял этот опус, посвященный мне. Звучало это примерно так:

*Славка!
Ты помнишь, в небе Афгана,
Как нам светили звезды,
А это были слезы
Детей афганских и женщин...
И руки были крепче стали,
Неважно, что руки устали,
Эх, если бы только вы знали,
Как много дум и печали
Пропали, пропали, пропали.
А руки от боли кричали...*

Николай закончил стихотворение и смотрел на меня...

– Что ты скажешь? – спросил он, а я переваривал услышанное.

– Это что, импровизация?

– Да, ты не веришь? – спросил Николай с оттенком обиды в голосе.

– Да нет, Коль... Даже если бы ты это писал на протяжении двух-трех дней, все равно я бы сказал, что это – сильно. Если честно, я ошеломлен. Я понимаю, что ты от меня ждешь оценки, но мне кажется, что я не вправе этого делать... Я боюсь влезть в структуру твоего стихотворения и разломать там все... Пиши, тебе же не надо завтра издавать это, причем пиши, я имею в виду записывай на бумагу... Я, может, чего-то не понимаю, но это очень воздействует. Набери стихов на книжку...

– Нет, не получится. Когда я беру ручку, тетрадь и пытаюсь все записать, этого всего не остается, пропадают куда-то легкость и энергия.

– Можно я запишу, что ты мне прочитал? – спросил я.

– Валяй!

Я записал эти строки в блокнот, а потом, встав в позу, в которой только что стоял Николай, и тоже в стиле А. Вознесенского, прочитал.

– Знаешь, получилось, – прокомментировал Николай.

– Николай, а фамилия-то у тебя какая? Поэт Николай...

– Брызгунов.

– Так вот я думаю, что для лучшего восприятия твоего творчества надо писать – читать в стиле Вознесенского. При записи музыкального произведения пишут же «играть в темпе...» и громкость и прочие нюансы указывают.

– Ты все шутишь?

– Да не шучу я. Кстати, уже третий час, вот тебе спально-умывальные принадлежности, – сказал я, вытаскивая из шкафа полотенце, простыню и прочее. – Коля, давай спать. Утро вечера мудренее, а насчет культурной программы с девчонками я подумаю и что-то завтра предложу... Кстати, а у тебя, кроме девчонок, какие-то желания есть?

– Ну может, ты меня забросишь в центр, и я там утром погуляю?

– Нет, утром я не смогу, – ответил я, – у нас погиб директор ансамбля Гера Пасихов, завтра похороны.

– А что случилось?

– Идиотская смерть – гулял где-то со своей девушкой и пьяный вернулся домой. А ключи забыл. Так

он решил дать каскадера. Поднялся на третий этаж к своим приятелям и решил с их балкона перебраться на балкон второго этажа, где жил. Повис на руках на балконе третьего, раскачался и решил прыгнуть на второй. Ноги перелетели через ограждение балкона второго этажа, а туловище нет... Он приземлился на спину... Вроде невысоко, но все внутренности оторвались... Вот так.

– Да... Глупо, – помолчав, сказал Николай. – А можно я с тобой на похороны?

III

Гера Пасихов – молодой парень до тридцати, молодежь нас – старожилы и новеньких музыкантов «Пламени», – успел завоевать расположение к себе практически всех ребят... Он не заискивал перед начальством, и вечерами его можно было найти (если мы были на гастролях) скорее в комнате у кого-то из артистов, нежели у «генералитета». Плотный, где-то ста восьмидесяти сантиметров роста, с усами и внимательным взглядом, который он не отводил от глаз собеседника. Наверное, еврей. Хотя за то недолгое время, что он прослужил у нас, мы так и не узнали его имени-отчества. Думаю, он был Герман, а может, и Герасим, хотя фамилия была скорее всего от слова «пасха». Но это было неважно, его все любили, и никого не удивлял вопрос – почему молодой парень занимается делом, которое обычно делают бывшие музыканты в возрасте, перед уходом на покой.

Гера был оборотист, и мы не пробуксовывали в гастролях, а еще он гонял на автомобиле, и в послед-

нее время его замечали в серьезной выпивке. Но это вспомнилось уже позже, когда он ушел... А тогда все эти гусарства только добавляли «вистов» нашему директору. За два месяца до этого трагичного события Гера влюбился и был любим. Ее звали Роза, она была солисткой танцевального ансамбля «Сувенир». Татарка по национальности, она была хороша той особенной красотой, которой часто обладают восточные девушки. Стройная и, как большинство танцовщиц, невысокая, она обладала реальными формами, и Гере все завидовали и подкалывали его почем зря. Гера терпел и довольно остроумно отбивался... Все шло к свадьбе, и вот эта нелепая трагедия... И мы с Николаем отправились на похороны.

Собрался весь Росконцерт. Гера лежал в дорогом лакированном гробу, красивый и молодой. Рядом с гробом стояли его еще не старые родители, и у матери все время сбивался с головы черный платок из тонких кружев. Отец поддерживал ее под руку, так как она с трудом сдерживала рыдания, и время от времени промокал платком слезы на ее щеках. Роза стояла абсолютно бледная, не проронив ни одной слезинки. Опустошенная, с ничего не видящими глазами, она стояла возле Геры как изваяние, и никто не лез к ней со словами утешения.

Николай стоял рядом со мной. Непрерывно молча курил. Я с кем-то здоровался, говорил слова соболезнования родителям, а мой афганский друг молча смотрел на все это. Я забыл о том, что Брызгунов вчера прилетел из Афгана и что для него смерть – это что-то другое. А возле тела Геры начало говорить и возлагать венки начальство Росконцерта. До нас, музыкантов, очередь еще не дошла.

– Пошли отсюда, – резко сказал Николай и потянул меня в сторону от траурного митинга. Я невольно пошел за ним.

– Коля, что случилось? – спросил я, когда мы отошли на почтенное расстояние.

– Да противно!

– Противно что?

– Все! – сказал Николай, и мы некоторое время шли молча.

– Понимаешь, – продолжил Брызгунов, – наверное, этот парень... – Коля замялся.

– Гера Пасихов, – подсказал я.

– Ну да, этот Гера – хороший парень, но ты знаешь, какие ребята уходят у нас в Афгане? Не просто так, а заслоняя своих друзей, и, знаешь, порой нет фанеры и красной материи, чтобы склотить ящик и обтянуть этой материей не гроб, а именно ящик. Да-да... Порой этих парней, этих героев хоронят в целлофановых мешках. Правда, с воинским салютом...

Николай достал сигарету и долго не мог прикурить, поломав несколько спичек.

– А тут бессмысленная, глупая, пьяная смерть... Дорогой гроб, дежурные речи, венки. Что-то с вами не то...

– Знаешь, ты вот сейчас сказал, и я вспомнил свое возвращение из Афгана. Мне тоже тогда казалась фальшью наша жизнь, а потом глаз замылился, и я как бы стал участником спектакля под названием «Мирная жизнь. Восемидесятые годы двадцатого века».

– А у нас на войне все честнее. Я пойду, а ты возвращайся, тебе с ними по-волчьи выть.

– Ты куда? – спросил я.

– Да пойду, погуляю по Москве. Я тебе позвоню, где-нибудь пообедаем.

– Я дома буду после трех, – крикнул я ему вдогонку.

Он ушел, а я вернулся к могиле, куда уже опустили гроб, и я успел кинуть в нее горсть земли.

IV

Николай вернулся ко мне домой к семи, сказав, что не хотел меня грузить собой.

– А я созвонился с друзьями, – сказал я, – и мы можем с тобой окунуться в пучину разврата.

– Это куда же? – усмехнулся Брызгунов.

– Ты же хотел, чтобы я тебя отвел туда, где девчонок, как грибов в сезон ... Вот я позвонил Наташе Киреевой, мы с ней пели в «Голубых гитарах», а сейчас она работает в ресторане гостиницы «Космос». Злачное место... Ну что, идем?

– Идем... Только я тебе ничего не обещаю.

– Прости, это я же тебе обещаю, – усмехнулся я.

– Ну да... Я чего-то башкой поехал... Поедем-поедем. Как там Высоцкий пел: «Если я чего решил...»

– То выпью обязательно, – закончил я.

– Когда нам надо туда прибыть? – спросил Николай.

– Наталья просила быть у главного входа в 20.15. В девять она должна уже петь.

Мы выпили чаю и рванули в «Космос». Наталья нас уже ждала и многозначительно указательным пальцем стучала по часикам.

– Это Наташа, – представил я певицу Кирееву Николаю, – а это мой друг майор Николай Брызгунов.

– А почему вы без формы – кокетливо спросила Наташа, направляясь к дверям «Космоса».

– Могу я хоть вечером снять с себя эту доставшую меня личину?

– Можете-можете, Коленька, – продолжала строить глазки Наталья.

– Наташ, Коля только что из Афгана, до девчонок голоден, как волк, так что ты осторожней, – подхватил я игривую волну Натальи.

– Ой, как я соскучилась по таким мужчинам. Коленька, а вам очень идет штатский костюм.

– Киреева, уволю...

– Барин, пощади, – брякнула Наталья и, сменив интонацию, продолжила: – Так, ребята, я за кулисы. Малежик, по вашим вопросам я договорилась с музыкантами, так что милости просим к оркестру.

– Это по каким вопросам? – спросил Николай, разглядывая открывшуюся его, да и моему взору картину. А посмотреть было на что...

– Ну ты же просил девчонок. Ребята, музыканты, то есть Наташка, обещали, что посоделят нам. Причем девчонки с жилплощадью, чтобы ко мне не тащить. И как тебе контингент? – спросил я.

Николай оглянулся и застыл в изумлении, разглядывая яркую толпу отдыхающих. Судя по бегающим глазам и заджинсованной одежде, «работали» тут и фарцовщики. Девушки с длинными ногами и решительными декольте явно пришли не сдавать вступительные экзамены в консерваторию. Несколько человек выпали из этой публики, выделяясь цепким взглядом и какой-то безликой одеждой. По всем признакам это были люди из органов. Вся публика курила сигареты и сигары, прихлебывая разнообразные напитки из бо-

калов для виски, вина, шампанского и коньяка. Все это действие происходило у столиков и на полу, на ковре и на кресле. Герои этой пьесы сидели и стояли, а кто-то даже мирно спал на диване.

Должен сказать, что я поездил по разным заграницам и бывал в разных питейных и едальных заведениях, но нигде подобной атмосферы, как внутри гостиницы «Космос» перед входом в ресторан, не видел. С чем это сравнить? Угар нэпа, как его показывают в кино? Пожалуй, нет. Ближе всего, наверное, атмосфера фестиваля «Вудсток», наполненная хиппанами и дымом веселящего канабиса и прочей кислоты. Николай был ошеломлен.

– За что мы воюем? – спросил он, не ожидая от меня ответа. – За что? Чтобы вот это все продолжалось?

– Что будем заказывать? – спросил я, силясь переключить настроение командира. Но тумблер заело, и глаз Брызгунова загорелся непонятным огнем.

– Жрать? – спросил он.

– Ну да, чтобы поесть и послушать Наташку, а еще чуток выпить.

– Сам закажи что-нибудь. А то я тебя сегодня все время куда-то загоняю. Прости, старик.

– Коля, брось...

Мы сели за стол, и я сделал заказ на свой вкус. Николай сидел молча, а у меня появилось чувство вины, будто весь этот вертеп «Космоса» срежиссировал я. Я пытался заполнить эмоциональную яму анекдотами – не получилось... Но вскоре официантка принесла выпивку и закуску, мы помянули, тем не менее, Геру, причем Николай сказал подходящие слова. Алкоголь разрядил обстановку, а уж когда Наташа Киреева и ансамбль «Астероид» начали свою программу, Брыз-

гунов ожил, и я даже решил, что все складывается в лучшем виде.

– Не надо просить музыкантов, чтобы они баб нам подогнали, – сказал Николай, когда Наташка отклонялась и простилась с посетителями.

– Почему?

– Не надо, и все. Эти женщины не для меня, и я не хочу в этом участвовать.

– В чем – в этом?

– Ты все понимаешь сам, не хочу повторяться.

– Ой, Коля, – вздохнул я.

– Не грусти, я уеду... Спасибо за Кирееву. Классная девчонка, классная певица, а все остальное – это какой-то мираж.

Мы сели в такси и поехали на Вернадского, ко мне домой.

– Коль, а может, я найду где-нибудь девчонок попроще? Ты же сам говорил, что в Афгане...

– Ну найди, а то я себя как-то неудобно ощущаю. Ты из кожи лезешь, а я капризничаю.

– Коля, не бери в голову. Приедем домой, я позвоню Леше Шачневу, у него есть какая-то баня, думаю, мы решим вопрос с культурной программой.

V

Леша Шачнев – наш басист и старожил ансамбля «Пламя», в котором он работал еще в «самоцветовские» времена, правда, тогда еще в роли звукорежиссера. Свои недостатки в образовании и музыкальности он компенсировал сумасшедшей работоспособностью и желанием играть. Пел он не очень чисто, и на записях,

и в концертах в СССР его не занимали как вокалиста. Но если мы выезжали в зарубежный тур, то знание лихой фирмы, песенок из репертуара «Troggs» и всяких там «Pretty Things» позволяли ему выйти из засады и спеть всемирно известные стандарты с неизменным успехом у зрителей. Причем на сцене оставались А. Шачнев, басист и певец, В. Малежик, гитарист, и В. Дегтярев, барабанщик.

Нас с ним связывало длительное знакомство еще со времен первых московских бит-групп. Леха играл в «Москвичах» с тремя братьями Шаповаловыми на гитарах и барабанах и еще одним однофамильцем Шаповаловым в роли менеджера и главного «бубниста» (от слова «бубен») страны. Потом была группа «Политбюро» со Стасом Микояном, Гришей Орджоникидзе, Володей Уборевичем в составе. Короче, Леха меня знал по тем еще временам и опекал, когда я пришел в «Пламя».

Несмотря на то что имя «Самоцветам» и «Пламени» сделали песни ярко окрашенные, политические, все мечтали петь песни другие, более (придумал словечко) молодежные. Я чего-то там сочинял, и Леха капал на мозги нашему худруку С. Березину, что, дескать, Малежик и так далее. И мне не часто, но давался шанс. Леха был живчик, весельчак, немного пижон. Его творческое начало проявило себя значительно позднее. Закончив нужные учебные заведения, он сейчас снимает как режиссер фильмы для телевидения. А тогда он увлекался идеями, придуманными им самим, да и другими, и благодаря его напору в «Пламени» происходили разные свершения. Чтобы судить о его творческом начале, расскажу шутку, которую он придумал по отношению к двум нашим музыкантам.

– Они, – говорил Алексей Шачнев, – вечером раскольники (так как кого-то раскалывают на выпивку и прочее), всю ночь баптисты (наверное, правильно написать бабтисты: это про любовь к женскому полу); утром трясуны (похмельный синдром) и весь день пятидесятники (система добавлять весь день по пятьдесят граммов коньячка).

По-моему, отменная шутка. Странно, что она не ушла в народ и не стала всесоюзным анекдотом. Так вот Леша поучаствовал в моей судьбе, познакопив меня с двумя знаковыми в моей биографии авторами – Павлом Хмарой и Сергеем Таском. Так что успех песни «200 лет» – это тоже Леша.

Отправив Николая спать, я набрал телефон Лехи и объяснил ему ситуацию и просьбу Николая о девчонках тоже изложил.

– А-а, понял, кто это... А то я никак не мог вспомнить, с кем ты был на кладбище. Завтра на репетиции все тебе доложу, – ответил мне наш басист.

Назавтра я на репетицию приехал с майором Брызгуновым. Оставив его в зале, я поднялся на сцену, и мы чего-то там оттачивали, доводя до совершенства, потому что завтра запись... Когда этот процесс закончился, мы с Лехой спустились в зал.

– Ну, привет, командир.

– Здравствуйте, Алексей.

– Зачем так официально?

– Ну, я с разгона на «ты» не могу. Чуть-чуть потерпи.

– Думаю, в бане мы уже будем на «ты»? – спросил Шачнев.

– Да зря Слава все это затеял...

– Что значит зря? – перебил я Николая. – Обычная мужская просьба, и я как мог...

– Не-е, не будет, я думаю, бани, – с чувством вины сказал Брызгунов.

– Коля, все уже заряжено... Пар и девчонки в лучшем виде, – оптимистично, с комсомольским задором доложил Леха.

– Слава, давай поедем в «Домодедово», и ты меня отправишь домой в Ижевск.

– А что, девчонкам отбой?

– Прости, отбой... Если что-то там вы потратили, то я...

– Коля, обижаешь...

– Да поймите меня. Мы рванем в баню... зависнем там, может, не на одну ночь, я себя знаю. И не попаду я к жене в Ижевск, к Дениске и Кате. Знаешь, это неправильно... Не увижу я их, вернусь в Афган, а там меня грохнут.

– Типун тебе на язык...

– А что? За милую душу... Слава, поехали в аэропорт, отправь меня домой... У тебя есть там концы?

– Разберемся...

– Знаете, в той жизни, ну, на войне, я все понимаю, а как живете вы...

– Ладно, Коль, поехали за вещами... – начал я.

– Да они у ребят, а паспорт и деньги со мной. Поехали в «Домодедово»... А???

– Хорошо, пошли ко мне в машину, – сказал Шачнев. – Я только дам отбой в бане. А потом рванем в аэропорт.

– Все-таки я привык быть хозяином своей судьбы, – миролюбиво сказал майор Брызгунов.

CHILD OF TIME*

В отделе научно-исследовательского института стандартизации, куда я пришел работать по распределению после окончания Московского института железнодорожного транспорта, 60% сотрудников были женщины. Они вяло работали, звонили домой, интересуясь, чем там занимаются дети, курили, пили кофе и чай, сплетничали. В общем, делали тяжелую работу, которой были заняты все женщины в аналогичной ситуации.

**Child of time* – дитя времени.

Мужчины, число которых пополнил я, разговаривали о политике, тоже пили кофе и курили и пытались продвигаться по служебной лестнице. Для этого кто-то защищал диссертации, кто-то пытался сделать карьеру, используя профсоюзно-партийные рычаги. Все друг к другу относились доброжелательно и меня встретили с распростертыми объятиями. За два с половиной года, что я проработал младшим научным сотрудником, сдав кандидатские минимумы, написав две научные работы, я так и не понял – для чего я все это делал во ВНИИСе и сумел ли я поднять стандартизацию в стране на необозримые высоты.

Но у меня была музыка, и я ждал вторника и четверга, чтобы пойти на репетицию, а в уикенд выпадали выступления. В общем, меня не глодала совесть, что я что-то не то делаю в жизни. Каковы были взаимоотношения с собственной совестью у моих коллег-мужчин, я не узнавал. Я был младшим в коллективе и предполагал, что старшие товарищи точно знают, как надо жить.

Два персонажа выделялись в отделе № 101, где я служил. Первый был очень громкий, уверенный в себе, как бы нынче сказали, брутальный мужчина – Вадик Панкратов. Очки, которые он носил, вносили некоторый диссонанс в его облик и бывали, знаете, как в театре, приспособлением в его актерски повседневном поведении. Когда он что-то горячо доказывал, то снимал-надевал очки, добавляя своим аргументам определенной значимости. А еще Вадик был владельцем горбатого «Запорожца» и очень этим гордился. Иногда он вытаскивал из кармана ключи от автомобиля и этак рассеянно крутил их в руках. Я называл его на польский манер – пан Кратов. Он довольно ухмылялся и говорил:

– Слава, ну, если ты меня хочешь называть в польском стиле, то называй пан в квадрате Кратов, отдавая должное и моему возрасту.

Я хлопал его по плечу, и мы в очередной раз оставались довольны друг другом. Я хотел сравнить его с Ноздревым из «Мертвых душ», но решил, что бесшабашностью гоголевского героя Вадик как раз и не обладал.

Второй герой нашего отдела был Юлиан Александрович Бортников. Он был строен, если не сказать худ. Со спортом, судя по всему, он не дружил и поэтому был антиподом Панкротова. Про таких часто говорят «а еще шляпу надел», и он таки ее носил, как и зонт-трость, который на улице завершал его интеллигентский образ. На работе он был без шляпы, и приличные залысины опять же оттеняли кудри Панкротова.

Юлиан Александрович закончил Московский авиационно-технологический институт и учился в одной группе с нашими великими хоккеистами братьями Майоровыми. Я был в то время страстным болельщиком, и Бортников меня часто угощал историями, не предназначенными для широкого круга. Так вот: Панкрот и Бортников постоянно пикировались... Причем темами их споров могли быть весьма разнообразные проблемы – от доктрин А. Даллеса до разгона бульдозерами выставки художников-модернистов. Я, как правило, занимал позицию Ю. Бортникова, такую, знаете, гнилую пораженческую платформу. Думаю, что наши спорщики любили друг друга и их постоянные подколы были не чем иным, как гимнастикой для ума.

– Юлиан, – начинал задираться Вадим, – вчера читал вашего хваленного Пастернака. Не зря его фамилия переводится как «хрен»... Полная туфта.

– Как ты смеешь так говорить о великом советском, даже русском поэте! – моментально заводился Бортников. – Как можно говорить так о человеке, написавшем:

*Свеча горела на столе,
Свеча горела...*

И старший научный сотрудник Ю.А. Бортников декламировал наизусть стихи Бориса Пастернака. Панкратов, довольный, что Юлиан клюнул на его наживку, слушал с нескрываемым удовольствием. Когда Юлиан Александрович закончил, Вадим встал и, взъерошив волосы, дал ответку:

*Ты жива еще, моя старушка.
Жив и я, привет тебе, привет.*

– Вы, Вадим Сергеевич, занижаете планку, заигрывая с плебсом.

– А плебеи – тоже люди, вот что я вам скажу, – подливал масла в огонь Панкратов. – А еще я хотел спросить – откуда вы знаете стихотворение, не опубликованное в печати?

– Это не ваше дело.

– Вы сядете за публичное чтение запрещенной литературы.

– А вы сядете за то, что ее слушали и не донесли...

– Кто сказал, что не донесу? Сейчас напишу заявку на местную командировку и пойду доносить.

На самом интересном месте входил начальник, и спектакль прерывался.

И я нашел общий язык с Юлианом Бортниковым, и мы часто обсуждали с ним не только хоккейно-футбольные проблемы – всякие искусствоведческие темы тоже не проходили мимо нашего внимания.

И вот однажды коллега Юлиан Бортников, узнав, что я играю в группе на гитаре, похвастался, что он тоже музицирует на рояле.

– Играете на рояле что? – спросил я.

– Как тебе сказать? Наверное, свои впечатления. Знаешь, в конце девятнадцатого века во Франции появился в живописи стиль, названный импрессионизмом...

– Ну?..

– Вот и я играю свои впечатления. Если тебе больше нравится, называй это импровизацией.

– И как это у вас происходит? Вы представляете высоту звуков, слышите аккорд, который прозвучит? Есть ли в вашей музыке какая-то ритмическая структура?

Бортников был старше и на служебной лестнице стоял выше меня, занимая должность начальника отдела. Кроме того, он был начитанным парнем, и просто так на смех его поднимать мне не хотелось. Да я и не уверен, что получилось бы...

– Нет, – ответил Юлиан. – Я не знаю, что произойдет со мной и с моей музыкой в следующий миг...

– И что, у вас есть слушатели?

– Да, я часто играю для своих друзей. Ты не смейся, ты послушай, может, тебе это понравится, – убеждал меня Юлиан Александрович.

И вскоре случай представился. Юлиан, как руководитель проекта, и я, как молодой специалист, участвовали в какой-то выставке под патронажем Госстандарта. И подвернулось пианино.

– Ну что, «маэстро»? Готовы ли вы обратить в свою веру Фому Неверующего, – спросил я Юлиана Александровича.

– Что ж... Давайте тему, – усмехаясь, сказал руководитель проекта, открывая крышку пианино.

– Снежный зайчик, – брякнул я.

– Солнечный?

– Солнечный... Солнечного каждый сыграет... Снежного хотим!

– Снежного так снежного, – молвил импровизатор, он же музыкант-импрессионист.

Юлиан начал разминать кисти рук, несколько напоминая пародийного музыканта. А я сразу же мысленно стал собирать материал для разгромной передовицы в газете «Правда» о тлетворном влиянии худших образчиков западной псевдокультуры, о ревизионизме в музыке и прочем, и прочем...

Наконец Юлиан поднял руки и брякнул по клавишам со всей дури аккорд, сопровождая его нажатием ногой на педаль пианино, которая дает звучать взятым музыкантом нотам бесконечно долго. В аккорде звучали все интервалы, которые не рекомендует классическая гармония, если только не надо передать тревогу, заложенную в произведении. Секунды и кварты, интервалы в музыке, заключенные в аккорд Юлиана, прекратились, как только пианист отпустил педаль. Насладившись и одновременно вдохновившись первыми звуками, музыкант бросил свои руки в виртуозный пассаж...

Скорость звукоизвлечения была ограничена только подвижностью пальцев и рук нашего музыканта. Причем левая рука играла звукоряд снизу вверх (слева направо), а в это время правая увлеченно летела сверху вниз, как с горы. Наконец две руки встретились, взяв малую секунду* си-до. Юлиан снова нажал на педаль «сустейн» и замер. Далее

он начал без особой системы брать в среднем регистре две ноты, скажем так, на первую долю, а на вторую – долго колотил по клавишам пианино всей рукой от кисти до локтя, нисколько не смущаясь, что нажимает не только на беленькие, но и на черненькие. Разогнав произведение до темпа *presto*** , Юлиан вдруг заиграл трель соль-ля, и, когда я настроил себя на ля-мажор, до-мажор, ну в конце концов на ля-минор, Бортников обрушил лавину звуков в тональности третьей степени родства. Я был сражен... Финальная точка в произведении – закрытие крышки пианино.

Я был растерян... Я не так представлял снежного зайчика, но, с другой стороны, у каждого художника свое видение. Бортников молчал, я собирался с мыслями. Экспрессия и сумасшедший взгляд явно оказали воздействие на единственного слушателя. Нужно сознаться, что авангард я так же не понимал, как и музыку Юлиана, а у Юлиана еще и экспрессия. Всякие апологеты атональной музыки, типа Шомберга, не увлекали меня и не рождали желания переслушать «произведение». Слов, чтобы затоптать Юлиана с налета, я не находил. Попробуй докажи, что музыка не может быть такой... Это все дело вкуса. Я молчал, молчал и руководитель проекта, старший научный сотрудник Юлиан Александрович Бортников.

– Ну, – то ли спросил, то ли пригвоздил меня исполнитель.

– А можно я промолчу?

– Нет, мил-человек, ты не отвертишься, – ухмыльнулся Юлиан.

* *Малая секунда* – интервал в музыке в полтона.

** *Presto* – быстро.

– Размазать вас по стенке у меня не получится. Спасибо за науку.

Мы сидели у закрытого пианино, но каждый в своих мыслях.

– Вячеслав, я попытался обратить тебя в свою религию. Твоя музыка... Ну, знаешь, тексты твоих песен...

– Я понимаю, – перебил я. – Не дотягивают до Пастернака.

– Смею заметить, и до Анны Ахматовой тоже. Но в твоей музыке что-то есть, и я хотел бы в этом разобраться. Вот скажи, ты бы мог мне показать одно произведение из вашего рока, которое сконцентрировало бы в себе всю палитру этой музыки?

– Я должен подумать...

На следующий день я притащил пластинку «Deep Purple» и сказал Юлиану Александровичу, что композиция «Child of time» с этого диска, как мне кажется, сконцентрировала все лучшее, что есть в рок-музыке.

– Только одна песня? – уточнил Бортников, ставя диск на вертушку.

– Только одна.

И мы погрузились в волшебную композицию «пурпурных».

– Это сногшибательно. Ты знаешь, тут я услышал и интонации прелюдий Баха, и какой-то сумасшедший диапазон вокалиста, а что творил гитарист в инструментальном проигрыше... Кстати, как их всех зовут?

– Клавишник Джон Лорд, между прочим, у него консерваторское образование.

– И это чувствуется.

– Певец – Ян Гиллан, а гитарист, который в соло играет лезгинку, – Ричи Блэкмор.

– Поздравляю, ты слушаешь хорошую музыку...

А вскоре я ушел из ВНИИ стандартизации и с песнями, и плясками начал колесить по стране. Девчонки из ВНИИСа мне иногда звонили, и я был в курсе, кто женился, кто родил, но со временем эти звонки становились все реже. Однажды меня пригласили на какой-то юбилей института, и я туда поехал. Оказывается, все знали, что я свое распределение отработал во ВНИИСе. Было приятно и чуточку грустно. Все сильно изменились, и приходилось быть неискренним. Мужиков знакомых обнаружить не удалось, все куда-то ушли на повышение...

А недавно, случайно, во дворе дома своей родственницы Зинаиды Дмитриевны я нарвался на Бортникова. Мы узнали друг друга, и беседа потекла, как будто мы только что закрыли крышку пианино.

– Поднимемся ко мне, – предложил Юлиан.

– А удобно? – спросил я.

– Конечно, удобно. Тем более надо помянуть Лорда. Он только что ушел из жизни.

– Ты запомнил Лорда? – неожиданно перейдя на «ты» спросил я. – Да, он был хорош в «Deep Purple»...

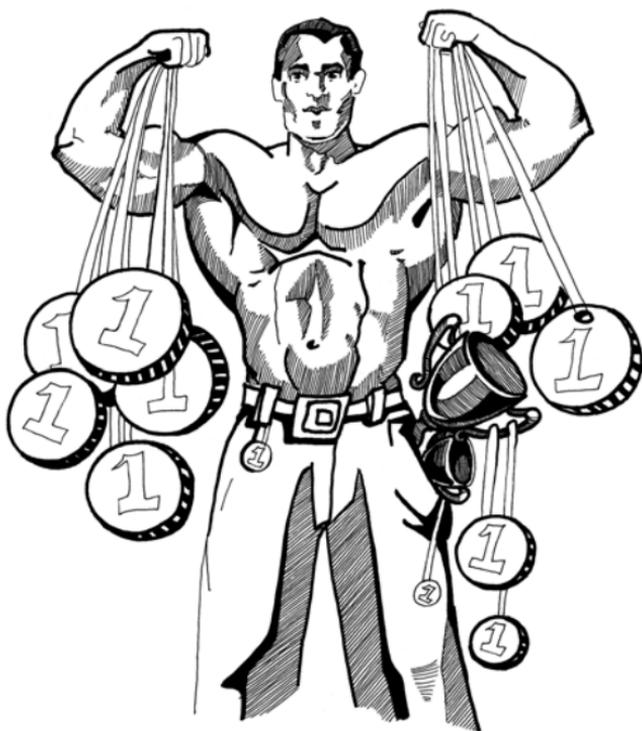
– Еще бы... Я вообще часто вспоминаю нашу конференцию по стандартизации с музичированием.

– Ты удивишься, я тоже...

– Ну что, за Лорда? По чашечке чая? Подожди, я поставлю «Child of time».

– За нашу жизнь, за наше время.

КОЕ-ЧТО О ПОКРОЕ БРЮК

Однажды моя хорошая подружка Аня, которая обладала всеми чертами привлекательной, да что там привлекательной – красивой женщины, сказала фразу, застрявшую в моей голове:

– Мой папа советовал, что если мне надо вывести мужика из состояния равновесия, то я должна надолго остановить свой взгляд на ширинке этого самого мужика. Как правило, говорил папа, этот взгляд достигает своей цели. Я пробовала...

– Ну?

– Баранки гну... Формула действует.

Я иногда возвращаюсь к высказыванию своей подруги и чаще всего прихожу к мысли, что ее папа

был прав. Видно, успехи фаллической составляющей являются для нас, мужиков, в значительной степени определяющими. И часто мы усердно трудимся над созданием образа то плейбоя, то ходока, то Казановы... И разрушение этого имиджа оборачивается для мужчины порой большими проблемами при идентификации собственного Я.

В старые еще годы у нас был дружок Саша Фельдман, тоже музыкант. Он был старше нас. А нам было по двадцать, и свои успехи у девушек мы еще не успели материализовать в койко-часы, а потому, открыв рот, слушали рассказы Фельдмана о его бесчисленных победах, о достоинствах обольщенных им женщин и о том, как они не дают ему покоя. Интересно, что все это рассказывалось в спортлагере «Джемете», и Саша терял драгоценное время на пустую болтовню с нами, вместо того чтобы заниматься пахотой на любовной ниве. Но мы этого не замечали и, выслушав очередную сказку Фельдмана о том, как и какие у нее, продолжали лепить из него образ секс-бойца, и наконец памятник был сооружен и с него торжественно сдернули одеяло, да что я – покрывало.

Правда, потом образ «мастера по укладке женщин в постель» у Фельдмана несколько полинял, но тогда... Тогда он был непререкаемым авторитетом и специалистом, познавшим не только женское тело, но и душу... А насчет инфляции Саши как ходока... Да все просто... Одна из его «воздыхательниц» решила завести роман со мной... И я не устоял, хотя сначала не поверил, что увел девчонку у самого Фельда.

– Кто, Сашка – боец?! – удивилась Наташка, когда я начал нить про то, какой я подлец, что у своего товарища... – Да он врет вам все, а вы слушаете, раскрыв

рот. Не переживай, у нас с ним ничего не было, и меня ты, во всяком случае у него, не уводил.

Мы как-то любились-дружились с Натахой, пытаюсь не замарать имидж Фельда. Мы с ней старались избегать компании, где он мог бы появиться. Она в то время была еще официально замужем, и поэтому не стремилась обнародовать наши отношения.

И Сашка остался для всех плейбоем и настолько сросся с этой одежкой, что до сих пор она, латаная-перелатаная, прячет его от жизненных невзгод и создает авторитет в глазах окружающих. Сейчас он живет в США и недавно со своей дочкой Леной (уже совсем взрослой – за тридцать) был у нас в гостях. Мы рассказывали друг другу об изменениях в жизни, о детях, потом Фельд на видео показал свой концерт с симфоническим оркестром в одном из залов Лос-Анджелеса. В концерте принимала участие красивая певица, тоже родом из СССР.

– Кто это? – спросил я Фельда.

– Ну это, – далее он назвал имя и фамилию девушки... – Она родилась во Львове, потом жила в Израиле, там ее заметил Паваротти и привез в Калифорнию.

– Классная...

– Мы с ней часто репетируем, даже если нет концертов, – многозначительно, делая нужный акцент на слове «репетируем», сказал мой старинный дружок.

– Дядя Слава, ну вы же знаете моего папу, – кинула фразу в топку гордыни Фельда его дочь.

– Да, конечно, Саша, ты не меняешься, – подытожила моя жена.

И Фельд остался доволен, что мы его увидели музыкантом, а главное, что его репутация суху до сих пор не подмочена. Видно, никто из женщин не смотрел внимательно на ширинку его брюк, а то...

ЗОРИК

Фраза «друг познается в беде» общеизвестна, и я обычно благодарил Бога за то, что он не подверг меня испытанию на прочность. Подставлять плечо иногда приходилось. Плечо вроде функционирует, мозоль на нем не образовалась, а та история, которую хочу вам поведать, скорее из области, когда надо было подставить не плечо, а душу, вернее, распахнуть ее. Сейчас я точно даже не знаю, надо ли было ее распахивать... Почему-то вспомнилась еще одна житейская мудрость о том, что не надо давать займы, иначе обретешь недругов... Но все-таки мой рассказ про душевное «плечо».

Его все звали Зорик, хотя по паспорту он имел грузинское имя Зураб и вполне русскую фамилию Сапрыкин. Как он сам рассказывал, его мать, следуя какой-то

известной только ей логике, назвала младшего в семье красивым именем Зураб, хотя логичнее было бы назвать каким-нибудь Леопольдом. Старший был Юрка, а младший – Зураб. Вот такая странность в жизни одной отдельно взятой семьи в подмосковном Реутове.

Говорят, что имя программирует жизнь человека. И в этот раз эта мысль подтвердилась на все сто. Старший прожил обычную жизнь подмосковного парня – школа, слесарь в автомастерских, женился, родил детей, пил сначала умеренно, а потом крепко, ушел из жизни, не дотянув до шестидесяти.

Младший был красив, удачлив, спортсмен – ватерполист с всесоюзной известностью. А потом тренер в казалось бы неожиданной для его спортивной ориентации дисциплине – футболе, и опять успех. Постоянные интервью и работа экспертом на радио и телевидении, а сейчас и своя колонка в «Спортивной газете». Рубрика имела яркое название «Зоркий взгляд Зорика» и имела несомненный успех у читателей. Не пьет. Совсем не пьет! И не курит. Женщины? Ну, когда не женат, то позволял, а так ни-ни... Короче, по мнению контрразведки, экземпляр, который должен вызывать подозрения.

Зориком он стал еще в школе, ребятам, видно, так удобнее было его величать. Он к этому прозвищу прикипел и сейчас мало кто вспоминает, что Зорик Сапрыкин на самом деле Зураб Игнатович. Даже на радио коллеги, обращаясь к нему уважительно на «вы», тем не менее величали его не иначе как Зорик.

Он был успешен... Как перед многими красивыми людьми, а он был несомненно привлекателен, перед ним легко открывались двери и сердца. Занятия спортом, а Зорик, как я уже говорил, занимался водным поло, явно способствовали приобретению хорошей

осанки. Женщины на него заглядывались, а мужчины тем более, особенно если они были болельщиками. Все хотели ему помочь. Он был примерно моих лет, и его спортивная зрелость совпала с моим становлением.

Если вы не знаете, то скажу, что в те годы в водном поло царили Югославия, СССР и Венгрия. Порядок расположения на пьедестале менялся, но в призерах мы были всегда. Спорт – дело молодое, и Зорика все чаще называли ветераном. И вдруг он решает поменять спортивную ориентацию. Он заявляет, что будет футбольным тренером. Может, предвидел, что футбол станет спортом № 1, а может, предчувствовал закат ватерполо в нашей стране. Но факт есть факт, Сапрыкин поступил в школу тренеров, чтобы «разобраться в этой земляной игре», как называл футбол великий хоккейный тренер А. Тарасов, брошенный на спасение футбольного ЦСКА министром обороны – маршалом Гречко.

– Во-первых, я – спортсмен, и основное в работе тренера – это привить команде волю к победе, психологию победителей. Во-вторых, водное поло и футбол – это командные игровые виды спорта с мячом. Может, какие-то приемы из ватерполо я применю в футболе. А в-третьих, самый великий тренер в футболе – Эленио Эррера никогда не играл в футбол на профессиональном уровне, – объяснял мне Зорик, с которым мы уже были знакомы около десяти лет. Кстати, знакомство произошло в спортлагере МГУ «Джемете», где я играл рок-н-ролл, а Сапрыкин вместе с командой ватерполистов проходил предсезонный сбор.

И он получил корочку, позволившую ему работать профессиональным тренером. И Сапрыкин уехал на Урал возглавлять местную команду, игравшую в какой-то низшей лиге чемпионата СССР. Успехи пришли

сразу же, если это можно было считать успехами для нацеленного на всеобщее признание Сапрыкина. На первом этапе достаточно было правильно организовать тренировочный процесс и разумно расставить игроков на поле. Потом рассказать каждому про его индивидуальный маневр в сочетании с маневром всей команды. Команда начала играть и стремительно подниматься в турнирной таблице. Но с успехами пришли и проблемы.

Кто знает Зорика, могут подтвердить, что нет более категоричного, окрашенного только в два цвета человека, чем он. Либо хорошо, либо плохо – оттенков нет. А в большом футболе, особенно в низших лигах, кроме футбольной была еще политическая составляющая, которая позволяла надувать щеки хозяевам команды (я имею в виду директоров заводов, железных дорог и пр.). Ярмарка тщеславия работала вовсю, и действия Зорика, отказывавшегося быть ручным, многих явно не устраивали. И его заказали...

Нет-нет-нет... Это не было заказное убийство, просто в одной из центральных газет появилась статья о мздоимстве и моральном облике заслуженного мастера спорта, молодого тренера Зорика Сапрыкина. И пошло-поехало... Оправдываться всегда сложно, а приходилось, репутация была поставлена на кон... Команда, которой рулил наш молодой тренер, рухнула. И встал вопрос об увольнении Сапрыкина с «волчьим билетом». Это были 80-е, а если точнее 1987 год. Перестройка, объявленная Горбачевым, уже шагала по планете, а вместе с ней подняла голову гласность.

Мы встретились с ним в Челябинске. У меня был концерт во Дворце спорта, а команда тренера Сапры-

кина приехала на очередную игру. Он мне поведал о своих проблемах, дал почитать злополучную статью в московской газете. Вранье было чудовищное, но от этого не становилось легче... И я устроил митинг протеста. Сказать, что я чем-то рисковал... Думаю, рисковал несильно... Начальство «перестраивалось» и боялось душиить «свободомыслие».

И я на концерте во Дворце спорта рассказал зрителям об истории Зорика и попросил их, априори болевших за челябинский «Трактор», устроить Сапрыкину, мечтавшему когда-то возглавить «Спартак», московский футбольный «Спартак», знаменитый клич великой команды. И зрители откликнулись. Зорик потом говорил, что я его поддержал, а начальство Дворца спорта и Росконцерта пугало меня, что моей ноги не будет в Челябинске и что «не дело артиста устраивать революции, ваше дело петь».

С Росконцертом в итоге мы нашли общую платформу в понятии «дружба», а Челябинск и правда долгое время меня не жаловал своим вниманием, не знаю, кому от этого было хуже...

Одновременно в Москве я рассказал об истории Зорина в «МК», и появилась статья на целую полосу. Тогда еще не знали сочетания этих двух букв «М» и «К», но, как говорится, пиар – он и в Африке пиар. Сапрыкин вышел из этой истории с высоко поднятой головой и решил резко изменить свою жизнь...

Он подписал контракт и уехал в Венесуэлу кого-то там тренировать, разом решив все свои проблемы, как профессиональные, так и семейные. Зорик еще решил расстаться со своей Варварой, с которой прожито было немало лет и съедено немало пресловутой соли. Как он говорил, она его сначала не понимала, а потом это посте-

пенно переросло в дисгармонию в постели. Мы с ним в это время были достаточно близки, но я считал, что не в праве вмешиваться в такую тонкую структуру, как семья.

Отсутствовал наш герой пару лет. Как я понял, волшебную страну Эльдорадо он не нашел и вернулся домой в Москву, в общем-то, ни с чем, а лишь обогащенный бесценным жизненным опытом.

Нужно отдать ему, то есть Зорику, должное – его помнили и любили, причем любили достаточно успешные люди. Его впустили в какие-то «бизнеса», но Зорику все это было не в кайф. Мечта тренировать команду из большого футбола не пропала. Но все места были заняты. Варвара с двумя детьми осталась в квартире, и Зорик на первых порах скитался по друзьям, потом въехал в однушку, помогал ей и детям деньгами. Благодаря связям и деловой хватке он организовывал матчи ветеранов и матчи бизнесменов, поединки политиков и артистов и даже выходил на поле на позиции «либеро», то есть чистильщика.

Он был талантлив как организатор, а еще во время своего тренерского кризиса он понял силу средств массовой информации. И Зорик никому не отказывал в интервью, и скоро его все знали и узнавали как киноактера или телеведущего.

Женщины... Для здоровья он позволял себе иногда оторваться, но считал, что семья может его связать по рукам и ногам.

К нему относились полярно: кто-то его любил и готов был поддержать, а кого-то его категоричность пугала. Наконец, ему повезло. Он получил предложение возглавить команду по мини-футболу. Пусть не в Москве, а на Севере, но именно там сейчас Эльдорадо, там добывают деньги и там перспективы. И Зорик Сапрыкин,

великий ватерполист, а ныне тренер по мини-футболу, уехал в Норильск подписывать контракт.

– Это не страшно... Норильск... Три часа лету, а тренироваться мы будем в Москве. Мне дают карт-бланш на покупку игроков, и я уже присмотрел себе пару бразильцев, – говорил он мне, заскочив как-то вечером.

– Зорик, но оттуда же трудно будет вернуться в большой футбол?

– А что, если мы маленький раскрутим и он станет у нас национальным видом спорта? Я уже разговаривал с руководителями телеканалов и получил «добро» – нас будут показывать. Я договорился с известными людьми, они обещали ходить на наш «Норильск», когда будем играть в Москве. Ты придешь?

– Я-то приду...

– А потом люди поймут, что это интересно, и потянутся на стадионы, а рекламодатели понесут бабки на телевидение.

– Осталось, чтобы играли азартно. Чтобы этим самым людям было интересно, – прокомментировал я.

– Я чувствую, у меня должно получиться, – подвел итог нашей беседы Сапрыкин.

II

Приличная, а главное, регулярная зарплата резко изменила моего друга. Все терзания и сомнения куда-то исчезли. Он стал значительно реже звонить, и потребность в душевительных беседах уменьшилась. Я радовался за него и не считал за труд раз в две недели набрать знакомый номер. Зорик, что называется, горел на работе, летая по стране со своим «Никелем» или

как там они назывались. Попытки раскрутить мини-футбол, по-моему, не очень получались... Отсутствие яркой спортивной составляющей не могли компенсировать никакие популярные лица на трибунах. Но Зорик себя сжигал, доводя свой психоз на играх до предынфарктного состояния.

А еще к нему пришла большая любовь. Вы будете смеяться, но ее тоже звали Варя. Баланс входящих и исходящих звонков в нашей квартире резко отклонился в сторону входящих, так как Сапрыкину нужно было выговориться, и я был его постоянным слушателем. В разговорах со мной он уговаривал себя, что ему надо жениться, дескать, хватит одному по этой жизни шагать. Мне девушку не показывали, и поэтому я легко уходил от ответа на вопрос «так что думаешь?».

И он все же решился. Однажды, приехав ко мне домой, с порога спросил:

– У тебя есть батюшка знакомый?

– Ну есть... А зачем тебе?

– Варенька хочет венчаться...

– Так в чем проблема? – спросил я.

– Она хочет венчаться, а я даже некрещеный. Батюшка нас сможет по-быстрому обвенчать, но до этого меня окрестить?

– Откуда я знаю... Мне вообще слово «по-быстрому» как-то не нравится. Она что, у тебя беременная и надо потерю ее невинности скрыть?

– Нет, просто она хочет, а я стараюсь сделать ей приятное, – ответил Зорик.

– А черевички ей не надо? А то у меня в обувном знакомые есть...

– Не валяй дурака... Так есть у тебя батюшка?

– А когда тебе все это надо? – спросил я.

– Я хочу обернуться до открытия сезона. Мы сыграем свадьбу – и в свадебное путешествие в Норильск.

– Через Северный или Южный полюс?

– Не понял...

– Да нет... Это я так... Ладно, я позвоню.

И я позвонил своему хорошему знакомому батюшке. Как выяснилось, он был в миру болельщиком. Нарушив какие-то церковные каноны, обещал все возможное сделать для Зорика.

III

И я был шафером на венчании Зорика. Московская церковь Всех скорбящих на Ордынке, наверное, не видела до этого столько машин представительского класса. Спортсмены и артисты, политики и журналисты почтили своим присутствием торжество Зорика и Варвары Второй, как кто-то ее назвал. Тонкие губы и какой-то стержневой взгляд не внушали доверия и любви к молодой. Но сердцу не прикажешь. И я попытался понять Зорика, но как-то не получалось.

Музыкантское племя всегда отличалось острыми языками, и, чего греха таить, язвительные стрелы в адрес невесты летели из разных кулуарных групп моих коллег. Прошлись и по «богатому» белому платью с длинной фатой и язвили, что странно выглядит в столь целомудренных одеждах девушка, которой далеко за тридцать. Волнение Зорика сдерживало нас, и мы изо всех сил улыбались родственникам Варвары. А та ликовала, считая, что уже вошла в «высший свет».

И был обряд венчания, и я на протяжении этого таинства держал венец над головой молодых. И вдруг

фата, которой так гордилась молодая, загорелась. Ее погасили, но все решили, что это нехороший знак.

После венчания было застолье в зале ресторана гостиницы «Советская». Гостей было человек сто двадцать. Это были в основном родственники Варвары... Со стороны Сапрыкина были люди, «выскочившие» с экрана телевизора. Родственников Зорика не наблюдалось. Была расширенная фотосессия, когда артисты и депутаты, газетчики и бизнесмены вставали в очередь, чтобы сфотографироваться с мамой невесты, то есть тещей Зорика, или чтобы запечатлеться на групповом снимке в обнимку с Шохиным и семьей племянницы бабушки по отцовской линии. Сфотографировался – проходи, следующий...

Был богатый стол, и Зорик, никогда до этого не выпивший даже граммuleчки спиртного, «съел» аж граммов тридцать пять шампанского и после этого закричал «Горько!». Ошалев от своей выходки, он полез целовать молодую... Заев таким образом спиртное, он взял управление свадьбой в свои руки, и она потекла по своему обычному руслу.

Гости славили молодых и почему-то иногда проносили тост за молодую демократию в нашей стране. Все разбились на группы и подгруппы по интересам и в зависимости от наклонностей и потребностей. Кто-то напивался, кто-то себя сдерживал... Я зацепился языком с видным соратником Б. Ельцина – Геннадием Бурбулисом. Он входил в группу, которую газетчики величали «младодемократами», хотя ему, как и мне, было за сорок. Почему-то я обращался к своему собеседнику на «ты», впрочем, и он ко мне тоже. Думаю, тлетворное комсомольское прошлое не выветрилось из наших душ... Мы

решали судьбы планеты и конкретно перестройки, которая пробуксовывала-пробуксовывала, а потом совсем застряла, и требовался трактор, чтобы ее «дернуть». Из свадьбы получилось мероприятие. А что еще можно было от нее ждать, если фата в начале торжеств загорелась?..

Расходились кто-то по-английски, кто-то, придумав уважительную причину. Через полтора-два часа ряды гостей, во всяком случае с сапрыкинской стороны, значительно поредели. Когда нас с женой на выходе отловила новоиспеченная теща, она грустно спросила:

– И вы тоже? Не уходите, впереди так много интересного и вкусного...

Моя жена сослалась на маленького ребенка, и мы, откланявшись, вышли на Ленинградский. Почему-то мы одновременно глубоко вдохнули морозного октябрьского воздуха. Зима выслала первых своих гонцов.

IV

Жизнь во втором браке у Зорика не заладилась и, судя по всему, протекала так же бестолково, как и свадьба. Не закончился еще медовый месяц, а конференции мои с Сапрыкиным по телефону участились. Каждый день, а иногда по два раза в день, раздавался звонок, и я начинал свою работу психотерапевта. Мой телефон дымился от непрерывных звонков «молодого». Я отвечал односложно, соглашаясь с доводами Зорика, анализирующего свою жизнь в браке. Он, как и в холостяцкие времена, был логичен в своих умственных построениях, но теперь его логика была обращена на построение моральной

базы для развода. И примерно через три месяца после эпохального события в «Советской» раздался звонок Зорика.

– Привет, – начал Сапрыкин.

– Здорово... Каковы итоги медового месяца? Отчетный доклад уже готов?

– Подвели... Только я свои, а Варвара – свои.

– Что, совместной платформы не создали?

– Да мы с ней и не разговариваем. Не понимаем мы друг друга...

– А через переводчика не пробовали?

– Да у нее очень сложный язык. Специалистов мало, которые могли бы объяснить, что она хочет.

– Ну, раз хочет чего-то, значит, хочет и жить. Может, тебе попробовать понять, что она хочет? – спросил робко я.

– Да я этим только и занимаюсь.

– А может, у нее климакс? Говорят, бабы дуреют в этот период.

– Не-е, рановато еще... – Он взял небольшую паузу и затем, соскочив с нашей шутевой волны, спросил: – Скажи, а по церковным канонам можно расторгнуть брак, если мы повенчались?

– Я думаю, что это большой грех, – ответил я. – Но я спрошу, хотя ты помнишь, сколько проблем было, чтобы тебя обвенчать некрещеного.

– Ну, сделай, пожалуйста, это еще раз для меня.

– Конечно, сделаю...

И я позвонил... В итоге их развели, нет, отменили венчание, хотя есть слово «развенчали». И Зорик снова стал свободен. Наверное, то, что у него была работа, спасло его от душевных мук. Он как-то быстро зализал свои раны, и вот он снова успевает быть везде. Он ге-

нерит, и искры, разлетаясь в разные стороны, говорят, что он работает на полную катушку.

А как у них с Варварой было, судить не берусь. Я вдруг понял, что совсем не помню ее голоса. Да в общем-то, я и не разговаривал с ней ни разу. Ее образ растаял во времени. Нет, не так... Помните шпионские фильмы? Надпись специальными чернилами – враг берет эту писульку в руки, и на его глазах текст исчезает. По-моему, эти чернила называются симпатическими. Вот так исчезла и из моей памяти симпатическая Варвара.

V

Снова став свободным, Зорик с головой окунулся в свой мини-футбол. Максималист по природе, да еще отыскав пару лихих бразильцев, которым ничего не надо было объяснять, он добился заметных успехов в этом новом для страны виде спорта. На северах, где была приписана его команда, мини-футбол процветал, так как за Полярным кругом сделать свою «Барселону» в большом футболе проблематично, а начальству хотелось чувствовать себя меценатами, да и вообще они «болели», и возможность общаться с Романцевым и Ярцевым доставляла им удовольствие, да и Зорик в этом ряду был не последним человеком.

Там короткое лето, когда все улетают отдыхать на разнообразные моря, а потом сразу на девять месяцев долгая зима и полярная ночь. И как приятно иметь команду, которой можно помогать через всякий там соцкультбыт, чувствуя себя Саввой Морозовым, одевшись в яркий спортивный костюм известной фирмы и белые кроссовки, а еще лучше в костюм твоей команды,

сидеть на скамейке рядом с тренером и запасными и по-настоящему болеть, когда твои играют с другой «крепостной» командой одного из газовых центров Тюмени. И какой кайф потом, после игры, поднять рюмку с другим газовым генералом, проигравшим сегодня. И в «мини» были деньги – не такие большие, как в большом футболе, но достаточные, чтобы люди интриговали и подсиживали друг друга.

Но однажды финансирование команды Зорика прекратилось. То, что команда была на ходу и входила в тройку призеров, не спасло ее. Сначала, как в институте, ушли все в «академический отпуск», так как сапрыкинцев не допустили до соревнований (не был выполнен пункт по финансированию). За год нашелся новый генеральный спонсор, но денег снова хватило только на четыре тура... Команда снялась с турнира и прекратила свое существование.

Сапрыкин снова стал официально безработным и брался за любое дело, которое удавалось разыскать. И если раньше работа спасала его во время турбулентции Большой Любви, то теперь Любовь спасала его во время лихорадки, обусловленной его профессиональными проблемами. Зорик, если у него все в порядке, мог месяцами сам не звонить мне, но если... Может, так и надо? Но хоть иногда, позвони, спроси «как дела?». Тогда это меня не задевало... Может, и у меня дел было побольше? Сейчас обижает, хотя помню, что на «обиженных воду возят». Короче, к Зорику снова пришла Большая Любовь.

– Приезжай. Я хочу тебя познакомиться, – услышал я, сняв телефонную трубку.

– Ну, будет случай, и познакомимся. Что, я со всеми твоими бабами должен знакомиться, что ли?

- Не-е, на Музе я собрался жениться.
- Опять?
- Что значит – опять?
- А жениться обязательно?
- Ну как тебе сказать...
- Что-то мы одними вопросами разговариваем? – задал я еще один вопрос.
- Ну что, заскочишь? Посмотрим «Арсенал» у меня по телику...
- Хорошо, заскочу... Меня только имя ее пугает.
- Конечно, пугает... К тебе муза является по ночам, а у меня всегда будет под рукой.
- Понятно, ты еще хочешь и нашу музыкально-поэтическую территорию пометить.
- Не брюзжи, старый хрен!
- Переспать с музой, так об этом мечтает, поди, любая творческая личность... Слушай, а может, подыщем тебе девушку по имени Спарта? Со «Спартакoм» не получилось...
- Чего ты гонишь, – начал раздражаться Зорик.
- Ну ладно, приеду... Буду водить дружбу с Музой, может, ко мне вдохновение почаще будет заскакивать в гости. Но ты уж тогда не ревнуй.
- Я приехал к Зорику. Квартира его явно преобразилась, в ней чувствовалась женская рука. Муза была очень приятной молодой женщиной лет двадцати пяти. Миловидная, с некрупными (чтобы не сказать мелкими) чертами лица, с очень выразительными глазами, которые делали погоду в ее женской привлекательности. Невысокая, складненькая, ну, в общем, Муза... Явно не хватало лиры, но в этот период она обходилась половником и прочими кухонными приправами. Они решили жениться. Зорик уже был

представлен маме невесты, специально прилетевшей из Томска. Смысл речи Музы на нашем вечере-инаугурации был таков:

– Я не хочу работать. Работа по дому – это целая планета (так и сказала), и я хочу, чтобы у Зори (я не понял, это уменьшительно-ласкательное от Зорика или полное имя прозвища) был настоящий тыл.

– И в то время как Сапрыкин и его команда будут мужественно сражаться с немецко-фашистскими завоевателями, Музы в тылу врага...

– Друган, не гони, твой юмор иногда неуместен, – встрял Зорик.

– Ну почему же? Мне очень даже нравится такой стиль общения, – заступилась за меня Муза.

– Отольются кошке музины слезки, – сказал я, ударяя сам себя по рукам.

– Да уж, вы поосторожней, а то не видать вам вдохновения, – продолжила Муза.

– Зорик, это форменный шантаж. Наливай.

– Я-то налью... Но какова молодая?

– Слушай, а платье с фатой уже готово? – этак наивно спросил я.

– Нет, в этот раз мы без платьев и батюшек, скромно на трамвае в загс...

– И потом уже можно музицировать на законных основаниях? – спросил я.

– Желательно, если уж музицировать, – подхватила мою волну Муза, – то музицировать исключительно вдохновенно.

– Зорик, мне нравится чувство юмора у этой девушки.

– Эта девушка еще всем покажет, – гордо сказал Зорик.

– Какое место вы хотите, чтобы я показала? – кокетливо спросила Муза, в шутку схватившись за застёжки на платье.

– Перебьется артист, – грозно молвил Сапрыкин.

– Да, я хотел напомнить, что после одиннадцати нежелательно громко музицировать, особенно если инструмент такой качественный. Собственно, мне уже пора, – вставая со стула, сказал я.

– Ну ты пошляк, – полусердито сказал Зорик, – но твоя мысль вполне здравая. Сегодня у нас концерт...

– И что в репертуаре? – встрял я.

– Классические произведения с расширенной каденцией, – откликнулась Муза.

– Вот, видно, что ты общаешься с людьми, близкими к культурному наследию, – сказал я, натягивая на себя пальто.

– Может быть, вы напишете нам что-нибудь свеженькое? – кокетливо спросила Муза.

– Обойдешься моим репертуаром... Ишь, барыня нашлась... – пробурчал снова «жених».

– Прикажете, мадам, это моя профессия, – сказал я, переступая порог.

– А моя – в пятак давать, если что! – молвил Зорик, протягивая руку.

VI

А вскоре, ну, как вскоре – через год, у них появился Витька.

– Это мы в честь победы его назвали, – сказал при встрече Зорик.

– Если в честь автомобиля, то Мерседес покруче было бы, – среагировал я.

И он был счастлив. Умирал от Музы, не отпускал со своих колен Витьку. А у того мячик стал любимой игрушкой. А Муза? А Муза привыкла к тому, что она жена известного человека, привыкла, что в гости заглядывают знаменитости, а телевизионщики интервью норовят снять в квартире (а потом за ними ползай и убирай по полдню). Привыкла – и заскучала. Она технично освободилась от персональной опеки Зорика и, как опытный плеймейкер (а это, кто не знает, своеобразный режиссер футбольного действия), рулила семейным процессом.

У Зорика карьера футбольного тренера явно не давалась, и он встречал во всякие бизнес-проекты. Его с удовольствием звали в «свое» дело новоявленные бизнесмены, потому что он был узнаваем, мог открыть дверь любого кабинета и пролоббировать практически любой вопрос. Дружба с артистами дала очень важный опыт. Сапрыкин понимал, что появление в «ящике» и на радио – это часть профессии.

Как я уже говорил, по интенсивности телефонных звонков Зорика я мог точно определить, как ему живет в ту или иную минуту. Если звонил он мне часто, значит, времени свободного у него хватало. А Муза возложила на него обязанности няньки Витька. Зорик возил его на тренировку, в какие-то кружки, кормил и укладывал спать. Они сдружились, а их маменька вела светскую жизнь и загружала себя всякими шопингами, СПА и косметическими салонами.

– Я ее балую, – говорил Зорик. – Она же еще маленькая.

– Ну-ну...

VII

И решила Муза стать флористом... «Это так возвышенно, – говорила она. – Там я смогу проявить свое творческое начало. Ведь составлять букеты – это так поэтично». А Зорик был как кенгуру-мать, и сын все время сидел в его сумке.

– Ты знаешь, – как-то сказал я Зорику, – вы с Витьком на фотографиях в газетах похожи на Александра Григорьевича Лукашенко с сыном Колей. Тебе надо Витьке китель справиться с карманами.

– Ты шутишь, а я с ним за время ее учебы так сблизился, что поверишь, я испытываю дискомфорт, когда его рядом нет.

– А она?

– Она?.. У нее кто-то из Голландии приезжает, какие-то луковки везет. Будет семинар по тюльпанам.

– После семинара совместного музицирования в программе нет? Ты интересовался?

– Если честно, нет, не интересовался. Знаешь, я так решил – если поймаю, убью, а так...

– А когда ты деньги зарабатываешь?

– Да по ночам... Отсматриваю НТВ+, и я в профессии... Мне кажется, она не добесилась, ей нужны все эти дискотеки и тусовки, а я со своей молодой женой... Работаю день и ночь, а сделать ей праздник нет сил. Да и желания, если честно, тоже.

– Знаешь, мил-человек, взялся за гуж, не говори, что не дюж.

– Ладно... Вот сейчас Муза закончит свои курсы, надо будет где-то ей работать. Я себе всю голову сломал... Где? Ума не приложу...

– Вот бабы... Идут работать не чтобы вытащить семью из безденежья, а для того чтобы им было интересно и творчески жить. Правильно, ведь воспитывать детей, варить суп и стирать – это так однообразно...

– Не сыпь мне соль... – спел Зорик.

– Да я еще и не начинал, – ответил я.

– Ты удивишься, я часто вспоминаю Варю, ну, первую свою. При всех ее недостатках я себя с ней чувствовал очень комфортно. Было ощущение семьи, я видел в ней мать наших детей.

– Но лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал.

– Где-то я сделал ошибку... Сначала была Варвара, – сказал Сапрыкин, загибая палец.

– Симпатическая?..

– Ну да, вторая... Теперь Муза со своими цветами, – считал Зорик.

– Икебана, твою мать.

– Я решил, буду снимать ей цветочный киоск, пусть она там вяжет букеты. Может, еще и зарабатывать начнет... Да нет... Пусть по нулям пройдет, и хорошо.

– Правильно, а Витьку няньку, а пожрать в столовую депо № 15. Там очень хорош гуляш с макаронами, – ехидничал я.

– Ты плохого не посоветуешь, – дружелюбно ответил Сапрыкин. Он был все-таки удивительно теплый парень.

Однако карьера флориста у Музы не задалась. Цветы, связанные в различные букетные сочетания, не успевали продаваться. Они засыхали и осыпались, так и не попав в руки благодарного покупателя. И по нулям пройти не удавалось. По цветам был минус, аренда

киоска – опять минус, а еще надо было с утра отвезти Музу на место дислокации, а вечером забрать и доставить к месту ночевки.

– Выматываюсь, как сволочь, – сообщил мне Зорик, когда мы вместе решили отсмотреть «Интер» и «Милан». – Сил на мою девочку не хватает.

– А она просит? Может, ей и не нужно? – спросил я.

– Да как-то так...

– Да как-то как?

– Ну, не очень настойчиво.

– Это не здорово... Мог бы уж залудить, вернее, смузицировать «Лунную сонату» или какой-нибудь «Ноктюрн».

– Тебе хорошо... Ноктюрн... А мне с утра побудку соло играть.

– Зорик... – с непонятной самому себе интонацией подвел я итог нашей беседе.

– «Смены не будет», – произнес грустно Зорик фразу из «Как закалялась сталь» Николая Островского.

VIII

А потом о Зорике Сапрыкине вспомнил большой футбол, и его пригласили тренировать команду, базировавшуюся на Урале. Хозяин команды, вернее, генеральный директор металлургического комбината был известным самодуром, единственной любовью которого был футбол. И он спал и видел своих ребят в премьер-лиге. Сезон близился к окончанию, и «Металлист» еще мог зацепиться за второе место, дававшее право на следующий сезон сыграть «в верхах». Но для этого должно было произойти чудо. Шелыгин, а

именно такова была фамилия генерального, предложил осуществить это чудо Сапрыкину.

– Что мне делать? – спросил Зорик меня по телефону.

– Ты же помнишь фразу, по-моему, Черчилля, что если надо совершить подвиг, то значит, кто-то где-то недоработал.

– Ну да... кое-где, порой, подчас...

– Вот именно... – вторил я.

– И все-таки я соглашусь. Боюсь, что у меня не будет другого подобного шанса.

– Что ж, давай... Удачи тебе! – подытожил я наш разговор.

И Зорик подписался и – пропал. Как пропадал всегда, когда с головой уходил в дело.

А тем временем его благоверная Муза, устав от занудной флористики, решила попробовать себя еще в одной профессии с нерусским названием. Сомелье – так называли себя специалисты по винам в ресторанах. И она с головой бросилась осваивать высоты не слыханной очень многими россиянами профессии. Казалось бы, чего проще – наливай да пей, ан нет... Ну столько нюансов и оттенков, и все это надо знать... А Витька? А Витька был брошен в детский сад на пятидневку. И если папу, который с ним по-мужски поговорил, он понял, то маму, не удосужившуюся и самой для себя понять, зачем в семье высокопрофессиональный виночерпий (это при непьющем-то папе), Витек понять отказался. И снова раздался клич «Смены не будет», и Зорик прилетал, и звонил, и курировал все и вся.

И он сорвался... Сжег себя... На матчах «Металлиста» присутствовал доктор, который следил за давлением и сердцем Сапрыкина. Подвига не получилось, а об-

следование Зорика показало, что он на ногах перенес микроинфаркт. Надо немедленно делать операцию по коронарному шунтированию.

– Я буду, как Борис Николаевич, – шутил в телефон тренер «Металлиста». – Лечу в Баден-Баден. На Западе подобные операции делаются на раз, как аппендицит. Муза полетит со мной.

– А чего же она на Урал-то с тобой не летала?

– Не бухти, дружище.

Нужно отдать должное Шелыгину, все расходы на операцию команда взяла на себя. И вскоре Сапрыкин и «первая леди» отбыли в Германию. Мы с ним пару раз созванивались, Зорик был в норме.

А после операции, когда участие жены в восстановительном процессе было более чем необходимо, она вдруг засобиралась домой в Москву.

– Витька скучает, – пояснил мне Зорик во время одного из перезвонов.

Она улетела, а он по возможности звонил в Москву и был не в пример себе грустен.

– Что с тобой? – спросил я однажды.

– Да все в порядке. Анализы нормальные, гуляю, занимаюсь гимнастикой.

– Я о твоей душе? Что-то не так?

– Приеду – потолкуем.

IX

И он вернулся. Тот же Зорик. Зорик, который прикупил себе какой-то модный прикид.

– Показать тебе шрам на организме?

– А что, страшно?

– Да нет... Смотри, – с этими словами он задрал свой свитер и показал красноватый шрам через всю грудную клетку, – ты меня очень не смей, а то шов разоидется, и сердце куда-нибудь под стол закатится.

– Как дома? – спросил я, стараясь не вкладывать никакой интонации в вопрос.

– Витька меня встречал, как будто я вернулся с войны. А эта...

Я взглянул на него.

– Мне кажется, что мы музицируем, вернее, музицировали втроем, – продолжил Зорик свой монолог.

– Перед ее отъездом из Бадена я случайно влез в ее телефон, и представляешь, 80% входящих и исходящих заканчивались на 43–70. Причем код московский. Я хотел ей сделать втык и объяснить, что роуминг дорогой и нечего языком чесать с подружками. А потом взял и набрал этот номер. Ответил мужик... Перезвонил в Москву, чтобы пробили этот телефон. Выяснилось, что этот телефон был в Германии, потом я узнал, что в Баден-Бадене. И улетел в Москву этот телефон вместе с телефоном моей неповторимой. Вот так...

– И что ты?

– Ты же понимаешь, если бы не моя операция, я бы его убил...

– Нездорово все...

– Нездорово... Мы с ним встретились в Москве. Нормальный мужик, приударил за симпатичной девахой. Объяснились, обещал исчезнуть из нашей жизни. Обидно то, что я же мог сдохнуть, а она... Я-то считал, что она – жена декабриста. Ведь мне же операцию делали в декабре. Вот так, друган...

– Я боюсь тебе что-либо советовать. Сам-то что думаешь? – спросил я.

– Попробую сохранить семью. Я же не застучал ее, а разыгрывать мавританские страсти устал. Я пробовал искать свои недостатки, тяжело, все время сбиваюсь.

– А помнишь песню «Стань таким, как я хочу». Чего ей не хватает?

– Ну, в театр мы не ходим, все футбол, футбол... Гости...

– А главное, Зорик, музицирование, вдохновенное музицирование. Если решил склеить чашку, начни за ней ухаживать, как будто на новеньких.

И их все чаще стали видеть вместе, они даже к нам несколько раз заезжали в гости втроем. Витька светился счастьем.

А потом Зорик выздоровел, и синдром трудоголика дал о себе знать. Он стал пропадать на работе, не звонил вообще... На мои звонки отвечал с неохотой. Обычные наши проблемы обсуждал без энтузиазма, создавалось ощущение, что он не знает, как закончить разговор и только терпит меня. И я решил не звонить ему первым. И что вы думаете? Никто не позвонил и не спросил:

– Ты куда пропал, дружище?

Не знаю, может, я переступил черту доверительности, и мои знания режут ему душу. Не знаю... Но так случилось, что через десять дней мы должны оказаться на одном фестивале вместе. Не встретиться не удастся... Как себя вести при встрече? Делать вид, что ничего не произошло? Наверное, так и сделаю. А там – как покатит...

КАК Я СНЯЛ ПОРЧУ

Не брать чужого... Слова «воровство» сознательно избегаю... Думаю, что эта заповедь из Библии, которая звучит как «не укради», в значительной степени передается нам на генетическом уровне, хотя все же основную роль имеют среда обитания и воспитание. Наверное, те же цыгане, из поколения в поколение занимающиеся профессионально попрошайничеством и гаданием на картах, развивают свои навыки, и они-то и передаются от отца к сыну... А если судить по художественной литературе, то красиво увести лошадь – это считалось для них даже определенной доблестью.

Но как бы то ни было, листая страницы своей жизни, могу сказать, что чужое, ну то, что плохо лежит, не брал, хотя один раз лазил со своим дружкой в деревне в колхозный колодец, чтобы напиться от пуза сливок, и пару раз – в сад за яблоками. Сейчас обратил внимание, что яблоки были элементами моего греха. Кто был моим змеем-искусителем? Да, наверное, все тот же черт, который меня попутал. И если первый раз я полез за яблоками в хозяйский сад за компанию, чтобы узнать «как это», и этим был даже похож на библейского Адама, вкусившего греха познания, то второй раз...

А второй раз – сразу и не пойму, в какую категорию греха его отнести. Да что уж там? Обычная ребячья забава, которой баловались практически все мои сверстники. Все это происходило в Занино, и, если честно, я был не в равном положении со своими друзьями, потому что в нашем саду яблоки росли в изобилии, и мама и бабушка были озабочены проблемами их сохранения.

Матушка моя Нина Ивановна практически все лето проводила с нами, детьми, в деревне, занимаясь привычным делом по воспитанию и кормлению нашего выводка, а где-то с августа она еще и изображала из себя сторожа сада-огорода. Должен сказать, что около нашего дома «у липки» проходили традиционные гуляния парней и девчонок. Если в соседних деревнях – Давыдовском, Санино или Шульгино – не было танцев и кино, то в наше Занино со всей округи пешком и на грузовиках приезжала молодежь, которая еще не знала слово «дискотека», а танцевала и любила на пяточке как раз у нашего дома. Я успешно выполнял функцию баяниста и лихо шпарил «танцули».

И вот в самый разгар вечеринки, когда температура праздника поднималась почти до критической отметки, появлялась Нина Ивановна в традиционном тулупе, который ее грел и выполнял функции постели в саду. Шла неспешная, раскрашенная разными историями и прибаутками беседа с ребятами. Знание педагогики, а мама моя была учительницей, а также психологии позволяло ей быстро стать центром притяжения компании, и поэтому, когда она уходила со словами «Пойду сад караулить, чтобы какой черт не влез», кто-то обязательно кричал:

– Тетя Нина, оставайся с нами. Если кто влезет, мы ему все ноги обломаем.

– Нет-нет, ребята, у вас дело молодое, а я в сад пошла, небось, Шарик там заждался.

И она уходила в сад, а из него через коровник домой спать. Такое создание «потемкинских деревень» имело успех. Никто к нам за яблоками не лазил, да еще уважение ко мне как к баянисту не позволяло ребятам переступить черту.

– Мама Нин, – обращался мой двоюродный брат Алик к своей крестной, – а если полезут, то ты же никого в этом тулупе не догонишь?

– А я и догонять не буду. Главное, чтобы они меня не догнали. Тут лошадь в огород зашла, а я решила, что за яблоками. Так я в картошке, как партизан, окопалась. Пока не поняла, что это Буян, голову не поднимала. Зато, когда я увидела лошадь, то выгоняла ее из огорода с максимальным шумом, показывая, что я на посту.

И мы с улыбкой встречали нашего сторожа в тулупе и с длинной палкой, которую издали можно было принять за ружье.

– Ребята, – инструктировала нас мама, – вы домой не возвращайтесь, пока «у липки» все не разойдутся. При вас никто в наш сад не пойдет.

И мы торчали с ребятами до самого конца и знали, куда сегодня полезут после «липки» основные наши заводилы Арсик и Дубовый. А как известно, кто владеет информацией – тот владеет миром.

В ту ночь, закончив свой концерт «со стоячим» танцующим партером, я отнес домой баян, и мы четверо парней – Арсик, Тарасик, я и Дубовый – собрались около «липки» обсудить, что бы такое предпринять, чтобы дотянуть до утренней зорьки. Спать вообще-то не хотелось, а ловить рыбу с утра решили «чисто конкретно». И кто-то предложил влезть за яблоками в Папинский сад.

Папинский сад находился в шести километрах от Занино в деревне Зыбино. Это был большой сад, площадью гектара на три, в котором росли яблоки и сливы. Основу этого сада заложил еще до революции барин, бывший, судя по всему, рачительным хозяином, и в советское время это был, пожалуй, единственный сад в округе, приносивший доход совхозу «Зыбино». В Зыбино жил и работал на стыке двух веков (девятнадцатого и двадцатого) В. Вересаев – писатель и врач, а может, врач и писатель. И сейчас, читая его рассказы, то там, то сям я натываюсь, к своему великому удовольствию, на названия, знакомые мне с детства: Санино, Богородское, Тайдаково, река Вашана... И я невольно начинаю сравнивать ту, такую далекую, и нынешнюю жизнь окрестностей Занино – Зыбино, да и в целом уклад существования российской глубинки.

– Ну что, пойдешь с нами? – спросил Арсик, парень всего на полгода старше меня, но очень самостоятельный в выборе решений. Известный драчун и хулиган,

он был явным лидером, когда дело касалось драки или всего того, что не согласовывалось с нормами поведения, о которых нам говорили в школе и дома.

Забыл сказать, что было нам по пятнадцать лет, а Лева Николаеву, который откликнулся на прозвище Тарасик, – шестнадцать. Тарасом звали его дядьку, и почему-то это имя прилипло к нему. Лева был на удивление начитанным парнем и подумывал даже о поступлении в институт, но в итоге остался в деревне со своей одинокой матерью и срулил из Занино позже, когда был призван в армию. Кстати, Арсика в школе и дома звали Славка Тягунов, а прозвище получил от деда, который, как говорили, был лихим мужиком.

Четвертым участником нашей «банды» был Слава Панов. Тоже Слава, которого за этакую неуклюжесть и похожесть на медведя еще в детстве кто-то прозвал Дубовым. Он к этому прозвищу привык и откликался с готовностью. Он был примерно моего роста, но более широк в плечах и нетороплив, даже значителен в движениях. Лицо Дубового, особенно в детстве, украшали веснушки и светлые, как солома, волосы, и был он похож на сказочного Емелю или Ивана-дурака, которых мы видели в кино и на картинках. Его трудно было вывести из себя, но если это происходило, то в драке он был безжалостен. Иногда прихватывал с собой велосипедную цепь, которая могла бы выполнить функцию кастета в драке, но при мне он ни разу не применял ее.

Вообще-то, пара Тягунов – Панов в бою – это было что-то. Где они подсмотрели или кто им подсказал, я не знаю, но, встав спина к спине, они успешно отбивались порой от десяти наседавших ребят из соседнего Шульгино.

– Ну что, пойдешь с нами? – переспросил Тягунов.

– Да, пожалуй, а то, если я пойду домой спать, на рыбалку не поднимусь, – ответил я.

И мы отправились в путь. Ну что такое шесть километров для четырех парней? Час с небольшим, и мы на месте. Кстати, одеты мы были еще по-летнему: я в каких-то брюках, кедах и кофте. Никто не собирался выносить яблоки из сада в промышленных объемах, и все пошли в том, в чем пришли к «липке». Дубовый единственный из нас был в резиновых сапогах (у него вообще был свой особый шик в одежде).

На дворе был август, скоро в школу, и поход в Папинский сад подведет черту под приключениями лета. Мы в хорошем темпе шли по ночной дороге. Прошедший днем дождь прибил пыль, и идти было легко. В разрывах туч проглядывала луна, а где-то далеко за лесом, который носил имя Конопляник, время от времени вспыхивали зарницы. Шоу августовского звездопада в ту ночь не случилось, но луна была практически полная и если и накрывалась тучами, то лишь на короткое время. Говорили о чем угодно, но только не о предстоящей операции. Никакого плана не разрабатывалось, и вообще, отношение к предстоящему «криминалу» было весьма легкомысленное. В разговорах пытались меня подначить, но я виду не подал, что испугался рассказов о злой собаке и берданке у сторожа.

– А ты видел «Великолепную семерку»? – спросил меня Арсик. Он, как деревенский парень, летом отрывался на каникулы то в Тулу, то в Серпухов и, приезжая оттуда, хвастался зрелищами и вкусами, которые удалось отведать в городе.

– Нет, когда я уезжал из Москвы, этот фильм еще не вышел на экраны, – ответил я. – Думаю, что в сентябре я его еще где-нибудь посмотрю.

– Жалко будет, если ты его не увидишь. Это что-то, я тебе скажу...

– А про что фильм?

– Про ковбоев...

– А это кто такие? – спросил я, услышав незнакомое слово.

– Ну, это такие американцы, которые на конях и вооруженные винтовкой и пистолетом борются за справедливость, – ответил Арсик.

– И что, это так интересно?

– Интересно... Это так интересно, что никакие «Дело № 306» и «Дело пестрых» не сравнятся. Помнишь, как в «Чапаеве» наши на лошадях скакали?

– Помню... – ответил я.

– Так тут в тысячу раз лучше... Там есть такой момент – он, знаешь, лысый ковбой, такой небрежной походкой подходит к бандиту. У него большие пальцы рук так за поясом...

– У кого, у бандита? – спросил я.

– Да нет, у лысого... Знаешь, так, большие пальцы за поясом, и он, сплевывая, так небрежно говорит, – рассказывал и показывал Арсик походку и манеру героя Юла Бриннера (как уже потом, посмотрев фильм, я вычислил).

– И он ему так небрежно говорит: «Он сказал, что ты сказал, а я говорю, что ты врешь... А ты что скажешь?» Бандит выхватывает пистолет, но лысый успевает его пристрелить.

Мы, в восхищении от рассказа, шли молча по дороге, переваривая и представляя перипетии фильма, а

Славка Тягунов шел рядом, чувствуя свое превосходство над нами. Он посмотрел «Великолепную семерку», а мы еще нет.

Неожиданно из-под ног взлетела крупная птица, громко хлопая крыльями.

– Кто это? – спросил я.

– Это сова, – ответил Тарасик, который все знал. – Она, наверное, на мышей охотилась, а мы ее вспугнули.

– А кто-нибудь слышал, как сова ночью кричит? – задал вопрос Арсик.

– Ну, я слышал, – ответил Дубовый. – Совсем не похоже на детский плач. Мы из Шульгина возвращались ночью и слышали с мужиками, как она орет.

– Ты-то был с мужиками, а Зойка, моя сестра, в субботу ночью со станции шла, и вдруг сова начала кричать... Так она перепугалась, что хотела на станцию возвращаться, – сказал Тягунов.

– Ну, так она – баба, – сказал Дубовый.

– А ты мужик... Ага, посмотрел бы я на тебя на мосту у Катафина, да еще сова чтоб заорала, – продолжал защищать сестру Тягунов.

– Да, на Катафике и днем страшно, хуже, чем на кладбище.

– Лев, а у сторожа ружье есть? – переменял тему разговора я.

– Не, ружья я не видел... Я тут был в Зыбине днем и шел мимо сада, сторож – дед бородатый с палкой ходил, правда, с ним был пес здоровый. Ружья не видел, врать не буду.

Вообще-то, к лазанию в сад-огород за яблоками относились в Занино, да и вообще в моем окружении как к игре, как к необходимому атрибуту взросления. Ни родители, ни дети не размышляли – лазить или не

лазить... Лазили, но пацаны не обижались, если были покусаны собакой-сторожем, и досадовали только, что еще дома влетит за то, что попался. В коммерческих размерах сады не грабили, а так... А так и отцы и деды шалили, промышляли яблочками, а иногда и картошкой, которую ох как здорово испечь ночью в костре.

Стреляли ли по «лихим ребятам» из соли, заряженной в берданку? Наверное, где-то в других деревнях и стреляли... А в Занино только дядя Саша, отец Славки Тягунова, был обстрелян дедом Петряем, тогда еще молодым мужиком, солью. Он угодил дяде Саше в мягкое место натрий хлором, и отец Славки, как он рассказывал, пару дней сидел в пруду, растворяя соль. Да еще и сам Арсик, дед Арсика, ремнем налупцевал по соленому месту. С тех пор ружья солью вроде как не заряжали.

– А завтра Яблочный Спас, – сказал Славка Дубовый. – Вот я яблочком сестер Нинку и Шурку угощу. Тарас, там яблоки-то сладкие есть?

– Конечно есть. Они же их куда-то на фабрику сдают, и из них делают сок и варенье.

– Ну, варенье, – подхватил я, – из кислых еще вкуснее будет. Туда сахар добавляют.

– Короче, придем на место и там разберемся. Нам же еще вернуться в Занино нужно, переодеться, удочки взять и на рыбалку, – наставлял нас Тарас.

– А мне не надо переодеваться, я в резиновых сапогах, так что мне утренняя роса нипочем, – похвастался Дубовый.

Луна окончательно разорвала облака, и мы, верстая свой путь, приближались к Зыбину. Вот уже темным перелеском показался Папинский сад. Погода была безветренная, и мы, отбрасывая длинные тени от луны,

наверное, являли живописную картину. Но любоваться нами было некому, все спали, а сон в предутренний час, как известно, особенно крепок. Я решил, что мне хватит пяти-шести яблок, чтобы спрятать их в карманы и домой. Но человек предполагает, а Бог располагает...

Мы подошли к Папинскому саду и по команде Тарасика резко снизили громкость наших разговоров. Перелезли через забор... Хотя какой забор, одно название... И вот мы внутри, в саду.

– Вроде кислые, – громким шепотом проскрипел Арсик.

– А у меня ничего, – откликнулся Дубовый.

– А я ни черта не вижу, я еще ни одного яблока не попробовал, – пожаловался я Леве.

– А ты неправильно их ищешь.

– А как надо?

– Ты их пытаешься увидеть, а это не годится. Так можно искать яблоки в своем саду днем, – продолжал лекцию Тарасик.

– Лева, как надо?

– А надо искать яблоки на ощупь. Берешь ветку одной рукой, наклоняешь, а второй ведешь по ветке – и все яблоки у тебя в руке.

Я попробовал, и у меня получилось. Я уже давно перевыполнил план по сбору и наполнению яблоками своих карманов. Не очень понимая, зачем мне столько, я набил себе полную пазуху плодами. Попробовав один из трофеев, я понял, что в нашем, бабушкином, саду яблоки значительно вкуснее. Но, как говорится, за компанию и... Тишина в саду нарушалась только нами, и мы начали чувствовать себя безнаказанными. Где-то в Зыбино заорал первый петух, и пошла их привычная переключка...

– Пора возвращаться, – сказал Лева.

– Ща... Я напал на сладкие яблоки, – ответили Арсик и Дубовый.

Я тоже, попробовав плод с новой яблони, по достоинству оценил его вкус. Я оттянул свою фуфайку и высыпал всю кислятину, которую собрал до этого. Имея по сбору яблок правильную методику, я быстро заполнил пазуху новыми отборными плодами. Дубовый, который промышлял рядом со мной, будучи не столь избалованным бабушкиным садом-огородом, решил не освобождаться от кислой запазухи. Он захотел их сохранить, не знаю, для каких уж целей. Дальше он меня удивил до глубины души. Слава Панов, единственный, кто пришел на «дело» в резиновых сапогах и брюках, заправленных в эти сапоги, расстегнул ширинку и начал набивать брюки новыми плодами. Скоро яблоки заполнили все свободное пространство брюк, образовав два больших пузыря над сапогами. Он стал похож на запорожца в шароварах, и ему не хватало только чуба и люльки для завершения образа. Не успел я полюбоваться хохляцким Дубовым, как незнакомый звук, звук цепи, на которую посадили злую собаку, заставил нас остановиться в сборе нового урожая.

– Кто здесь? Е... твою мать, Султан, взять их, вшу! – репродуктором прохрипел грозный мужицкий голос, спуская с цепи верного охранника Султана.

Все произошло так неожиданно, что я на секунду застыл на месте, прижимая локтями добычу и еще непонятно как удерживая пять яблок в ладонях обеих рук.

«Бежать», – приказал мой мозг. И я рванул вперед. Рядом, словно танцуя гопак, бежал Дубовый. Мы мчались в одну сторону, надеясь вырваться из сада на

оперативный простор в поле. Почему я считал, что там удастся оторваться от погони, я не знаю. Хотя, наверное, в подсознании мы понимали, что находимся на чужой территории, а собаки ее охраняют, и поэтому надо побыстрее ее покинуть. Я и Дубовый бежали к полю. Видно, мы сбили ориентиры, собирая яблоки в саду. Дубовый и я только углубились в сад, который оказался значительно большим, чем я предполагал. Собака, грозно лая, приближалась к нашим задницам. Уже было слышно ее дыхание. У меня проскочила мысль – как хорошо Дубовому, у него из яблок в штанах получилась защитная подушка, а моя жопа – вот она. Я, постепенно теряя волю к победе, замедлил шаг, потом остановился и сел на пенек, намереваясь встретить врага лицом к лицу. Мимо протанцевал Слава Панов.

– Ты чего? – успел крикнуть он.

– Все, – ответил я. Что все, не знаю. В душе были пустота и безразличие. Собака, продолжая лаять, приблизилась ко мне практически вплотную и вдруг неожиданно начала вилять хвостом и ласкаться ко мне. Видно, бедного пса... Да почему бедного?! Ласкового, душевного... Видно, добрую собаку никто не учил, как надо уничтожать врага, к ней в вольер не входил дядька в телогрейке, чтобы она вгрызалась зубами в эту самую телогрейку, оттачивая таким образом технику нападения на злостных похитителей колхозного добра. Я сидел и не понимал еще, как мне повезло.

«А не воруй», – просвистела мысль.

Продолжая придерживать свою добычу за пазухой, я освободился от яблок, которые были у меня в ладонях. Погладив Султана, я встал и пошел через кусты. Собака, виляя хвостом и заглядывая мне в лицо, проводила меня до поля. Там уже ждали мои подельники.

– Ну как ты? – спросил Тарасик.

– Нормально, буду думать о профессии дрессировщика. Представляешь, я играю на баяне, а Султан ловит зубами яблоки, которые ему кидает Дубовый!

– Они тебя не искушали? – спросил Арсик, не догадываясь, что собака была одна.

– Пусть бы попробовали, – ответил я, пытаюсь окончательно стряхнуть с себя страх.

Наконец мы добрались до нашей деревни. Было раннее утро, хозяйки выгнали скотину, и пастух Никитич, хлопая изредка кнутом, направлял стадо, состоящее из семнадцати коров, одного быка и скольких-то там овец, в сторону Давыдовских кустов. Из труб, расположенных на крышах домов, шел дым, который вертикально поднимался в небо. Во всех домах топили печки, приближалось время завтрака. Обильная роса на траве и дым, по приметам, говорили, что будет хорошая погода. Я в своих кедах промок и решил заскочить домой переобуться. Что делать с яблоками, я еще не знал, но то, что я не принесу их в дом, не подлежало обсуждению. Все-таки, я думаю, я понимал, что воровать даже яблоки не есть хорошо. Вокруг нашего огорода росли тополя, и в заросли крапивы где-то у последнего дерева я и высыпал свои трофеи. Сейчас уж не помню, что я поймал на той утренней рыбалке, но то, что не съел ни одного яблока из моей хованки, это помню.

Яблоки всплыли вечером следующего дня. Мы уже упаковывали вещи для отъезда в Москву, когда мама зачем-то позвала меня на крыльцо. Я вышел.

– Слушай, ты не знаешь случайно, откуда в крапиве на огороде появились яблоки?

– Не знаю... – соврал я.

– Славка, если что знаешь, скажи, а то бабушка вся извелась – что, откуда...

– А чего изводиться-то? Яблоки и яблоки. А как она их нашла?

– А... Все-таки знаешь... Да не она нашла, а Дочка (так звали нашу корову).

– Понял... Ну лазили мы с ребятами в Папинский сад, вот я и принес.

И я рассказал матери о нашем походе в ночь под Яблочный Спас. Я опустил историю травли нас собаками, а так все живописал в лучшем виде.

– Вас не обстреляли? – спросила мама.

– Кто? Да, у сторожа и ружья-то нет, – ответил я.

– Слава богу, что все так кончилось, а то бабушка решила, что кто-то на нас порчу навел, насыпав в крапиву яблоки, – подытожила разговор (то ли воспитательный, то ли душеспасительный) моя мама.

А назавтра мы уехали в Москву, началась школа, и я стал все реже ездить в деревню Занино. А уж глупостями всякими заниматься не было ни времени, ни желания.

ПСЕВДОНАУЧНОСТИ

Как часто мы наблюдаем картину, когда маленький ребенок, упав и ударившись коленкой или локтем о землю, встает и молча бежит к своей матери, бабушке или прочим сопровождающим лицам и, лишь добрав до них, взрывается мощными рыданиями, получая в ответ слова успокоения, жалости, а также ругани на «противную дорожку», которая «обидела нашего мальчика (девочку)». Постепенно боль и обида проходят, и к ребенку возвращается хорошее состояние духа.

Мы, став взрослыми, тоже недалеко ушли от детей и также нуждаемся в дружеском плече, в жилетке или в возможности кому-то выговориться. И если тебя могут выслушать внимательно, принимая боль

на себя, то на уровне инстинкта мы ищем случай, чтобы поделиться своей бедой, а впрочем, и радостью. Мои изыскания нельзя назвать научными, и метод математической и прочей индукции я не применял. Наверное, когда ты переполнен радостью (положительными эмоциями), то ты по-дружески ими делишься, а когда у тебя этих эмоций не хватает, то ты их дефицит пытаешься восполнить, либо жалуясь, плачась своим близким, либо загружая своего собеседника, случайно оказавшегося под рукой. В русской традиции – распахивать душу, и тебя выслушивают.

В других странах душу застегивают на все пуговицы и еще открывают зонтик, чтобы «не дай бог...». Каково собеседнику, распахивающему себя? Думаю, что если душа большая, то ей поделиться не составит труда, ну а если с эмоциями проблема, то надо самому искать, кому бы выплакаться. Похоже на закон сохранения энергии, материи... Короче, где сколько убудет, столько в другом месте прибавится. Разговоры об энергетических вампирах стали модными, и поэтому повторяться не буду.

Однажды я имел на эту тему беседу со своим знакомым батюшкой.

– Отец Олег, – спросил я, – скажи, когда прихожане исповедуются тебе, ты же принимаешь их боль, их беду, их проблемы на себя?

– Естественно... Моя задача состоит в том, чтобы облегчить душу каждого человека, который кается мне в своих грехах. Если бы я от этой боли прятался, то тайна причастия и исповеди была бы пустым звуком...

– А сколько человек тебе исповедуются после службы?

– Обычно от двенадцати до пятнадцати, – ответил отец Олег.

– И как ты себя после этого чувствуешь? – не оставал я.

– Иногда плохо, физически плохо... Ломит суставы, болит голова.

– И где же ты берешь спасение? Скажем так... Куда ты выливаешь, говоря мирским языком, отрицательную энергию? Как ты врачуешь сам себя?

– Спасаясь молитвой...

– Помогает?

– Как видишь... А еще природа – солнце, лес, вода, просто погулять, просто подышать. Наверное, и у тебя после концерта бывает дефицит, как ты говоришь, положительной энергии?

– В моем деле все происходит с меньшими потерями. Надеюсь, что большинство людей приходят порадоваться со мной, получить положительный заряд. Хотя часто я вижу слезы у зрителей во время концерта.

– Я думаю, это слезы очищения, – сказал отец Олег.

Эта беседа застряла в моей голове, но я до сих пор не научился молиться Богу, чтобы попросить у Него сил. Слава Господу, пока колодец, где я черпаю свою радость, не пересох, и мне кажется, я еще участвую в «круговороте энергии в природе».

А недавно я обратил внимание, что мне не всегда нужен собеседник, держащий наготове полотенце, чтобы вытереть слезы и сопли моего плохого настроения. Я подметил, что во время хандры, а для ее появления иногда хватает «хмурого утра», меня тянет к ручке и бумаге. Я выговариваюсь, рифмую

слова в строчки и складывая из этих строчек стихотворение. И наверное, моя тоска улетает куда-то в информационный слой и ждет случая, чтобы кому-то испортить настроение. Я выговариваюсь, и мне становится легче. По моему закону о сохранении энергии (правда, его еще никто не доказал, да и не доказывал), этот сплин выпущен на волю. Стоит ли его, я имею в виду стихотворение (и заключенную в нем хандру), публиковать, чтобы кто-то прочитал?.. Не знаю. Написать, наверное, стоит, так как в этом информационном слое радости тоже в достатке, и она «замочит» мою грусть-печаль. А если не пишется, может, вспомнить о молитве?..

КОЛДУНЯ

Конец 80-х – начало 90-х... Вся страна прилипает к телевизору, внимая, как молчаливый Алан Чумак заряжает воду и как проводит операцию, находясь за тысячи километров от пациента, Анатолий Кашпировский. Стадионы ломятся, когда на «гастроли» в город приезжает кто-то из новоявленных «мессий» двадцатого века. Люди жаждут чуда. И они его получают: по телевизору зачитываются письма благодарных больных, у которых излечился тот или иной недуг; на стадионе под воздействием мага зри-

тели начинают размахивать руками, как ветряные мельницы, короче, чудо в полный рост.

И вот уже по стране ездят и показывают свои чудеса исцеления продолжатели дела первопроходцев Алана Владимировича и Анатолия Михайловича. Особенно это культивировалось на Украине, тогда еще советской. Украина всегда славилась большим количеством художественных талантов и всякой чертовщины. Заговорить, приворожить, навести порчу там было обычным делом. И когда правительство молчаливо дало согласие на весь этот шабаш, все засияло, засверкало в лучшем виде.

И однажды... Я прилетел в Запорожье, чтобы спеть концерт в одном из залов города. Концерт должен был начаться в 19:30, и с утра у меня было свободное время. В холле гостиницы я встретил своего очень хорошего товарища, репортера одной из центральных газет Киева Дмитрия Гордона. Дима – молодой статный парень, лет двадцати пяти от роду, удивительно похожий на будущую французскую футбольную звезду Зенедина Зидана. Я знал его уже несколько лет, он обладал недюжинной журналистской хваткой, всегда генерил новые идеи, а самое главное, обладал удивительной памятью, которая позволяла ему, с одной стороны, цитировать стихи русской и советской классики, а с другой – воспроизвести по минутам перипетии какого-либо центрального футбольного матча. Он подавал большие надежды. И, что очень приятно отметить, в дальнейшем оправдал их. Но что мне, наверное, особенно льстило – ко мне он относился с подчеркнутым пиететом.

– Привет, Дима, – сказал я, увидев его выходящим из лифта. – Ты чего в Запорожье?

– Я... я приехал сделать материал об одной целительнице для нашей газеты.

– Ты... ты работаешь в ее команде?

– Нет, – ответил Гордон, – просто это задание газеты.

– А кто это? – спросил я. – Их сейчас, особенно здесь, у вас, столько развелось...

– Ее имя – Герасимова Людмила Николаевна. Знаешь, я поражен ее способностями. Она такие вещи делает.

– И ты, Брут, с ними?

– Да нет, я серьезно; я пока своими глазами не увидел, думал, что это все подстава.

– Любопытно...

– А что ты здесь делаешь? – спросил Дима.

– Да вечером концерт.

– А сейчас у тебя есть время? У нее в 14:00 во Дворце спорта представление. Хочешь, поехали, посмотрим.

– Хорошо, что не сказал «концерт»... Слушай, а что, если я перед ее выходом спою несколько песен. Для меня это экстрим, для тебя – неожиданная информация.

– Это будет любопытно... Хорошо, я сейчас попробую ей позвонить и договориться.

Дима отошел к рецепции и через пару минут вернулся ко мне.

– Она не против, – проговорил Гордон, – а скажи, что тебе нужно для выступления? У тебя на каком носителе фонограмма?

– Да не нужна никакая фонограмма! Достаточно двух микрофонов – один мне в рот и один под гитару. Стойки желательно «журавль».

– Это там есть... Ну что, через полчаса выезд?

– По коням!

Мы выехали во Дворец спорта, в котором я многократно пел в предыдущие свои приезды в Запорожье. Подъезжая к Дворцу, я обратил внимание на странную картину: мало того, что зрители отличались от публики, приходившей на наши концерты, возрастом – это были люди за... Думаю за сорок... Но еще удивляло, что у всех в руках были трехлитровые баллоны с водой. Мы прошли за кулисы. Дима Гордон провел меня в раздевалку Дворца. Он постучался в комнату, на дверях которой была табличка «Герасимова Л.Н.».

– Войдите, – раздался молодой женский голос.

Мы вошли. Оторвавшись от зеркала, к нам повернулась женщина лет сорока, в длинном платье, перетянута широком поясом. Ткань, из которой был сшит ее костюм, явно театральная, то есть хорошо смотрящаяся издали, но вблизи не производящая такого же богатого впечатления. Людмила Николаевна встала навстречу нам и протянула руку для приветствия. Она оказалась высокой, статной женщиной. Длинные высветленные волосы, распущенные по плечам, делали ее похожей одновременно на метрдотеля дорогого ресторана и на Снежную королеву из старого советского мультфильма.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста. Вы Вячеслав?

– Здравствуйте, это я, – ответил я, не зная, то ли пожимать, то ли целовать руку.

– Ну рассказывайте, – сказала Герасимова, приглашая нас сесть.

– А что рассказывать? Хотим попробовать, вернее, я хочу попробовать, получится ли у меня обратиться

в свою веру «не своего» зрителя. Я так понял, что вы не против.

– Ну что ж... Дерзайте.

– А сколько времени вы даете на мой эксперимент.

– Думаю, минут десять–двенадцать... Достаточно? – спросила Герасимова.

– Вполне.

– А кто вас объявит?

– Я, – откликнулся Дима.

– Ну что ж, мальчики, вперед, – сказала Людмила Николаевна и взглянула на меня ярко подведенными глазами.

Мы вышли из комнаты, и я пошел к сцене, расчехляя на ходу гитару. Дима посмотрел в зал и сказал:

– Странное, конечно, зрелище... Посмотри, сколько бутылей с водой.

– Да, страна недополучит консервированных огурцов и помидоров, – ответил я.

– Все, пошел начинать? – спросил Дима.

– Обратной дороги нет.

В зале погас свет, и Дима вышел к микрофону и, поприветствовав публику, начал говорить что-то про сюрприз, про известного артиста из Москвы. А я стоял, и у меня вдруг возник глупый вопрос: «Как же они мне будут аплодировать, если у них банки с водой в руках?» Я не успел найти ответ, а уже в зал полетели слова: «Встречайте, Вячеслав Малезик!» Я вышел на сцену, и мой монолог сводился к тому, что я, как и Герасимова Людмила Николаевна, врачую душу нашего зрителя, правда, своим способом. Зрители, умудряясь не расплескивать воду в банках, радостно приветствовали возможность бесплатно послушать

артиста. И я им спел, и имел хороший успех. За кулисами Дима спросил:

– Хочешь ли ты посмотреть на сеанс Людмилы Николаевны? Если ты не был на подобных мероприятиях, то будешь поражен – люди будут кукарекать, выть, лаять.

– Ты хочешь узнать, оборотень я или нет? – спросил осторожно я.

– Да ладно, с тобой все будет в порядке.

И я пошел в зал. Вскоре Людмила Николаевна дала установку. И в разных концах зала послышались звуки лая, воя, кудахтанья... В общем, скотный двор. Я заглянул внутрь себя – желания перевоплотиться не было. Это меня успокоило, и я попытался проанализировать, что же я увидел и услышал. Мой анализ ни к чему не привел, я решил, что это выездная сессия больницы им. Кащенко, и все, кто во время моего пения еще сдерживал потребность хрюкать и квакать, вдруг получили от целителя разрешение выпустить на волю своих монстров. И началась ночь на Лысой Горе. В чем заключалось целительство Герасимовой, я не понял, как там надо было пить заряженную воду, я не запомнил, поэтому о степени шарлатанства или врачевания судить не буду. Сеанс продолжался, а я тихонько ускользнул в раздевалку.

– Ну как? – поинтересовался Гордон.

– Ну я вроде экзамен выдержал, но, честно говоря, не предполагал, что болезнь на Украине так запущена.

– Вообще-то, Н.В. Гоголь не зря про наши места писал всяких «Виев» и про кузнецов Вакул, – сказал Дима.

– Да уж... Кстати, должен тебе поведать историю, которая со мной случилась у вас в городе Ровно, – на-

чал я. – Даже не знаю, в какую категорию эту историю поместить – то ли колдовство, то ли, наоборот, общение со Святым Духом...

– А когда это было?

– Да думаю, лет пять назад. Я в составе ансамбля «Пламя» гастролировал в Ровно... И вот иду я по этажу гостиницы, чтобы отправиться на концерт, и вдруг ко мне обращается одна из женщин, которые сидели около столика дежурной по этажу:

– Ты не переживай...

– А я и не переживаю, – ответил я.

– У тебя голова болит. Иди спокойно на свое выступление, я тебе голову вылечу...

– Откуда вы знаете про мою головную боль?

– Иди-иди... Смотри, лифт подошел...

И я уехал на концерт и забыл про эту женщину, про этот разговор. Вечером, когда уже возвращался с концерта, она снова встретилась мне в холле гостиницы.

– Ну, как твоя голова?

– Ой, а я и забыл, что у меня болела голова.

– Это я взяла на себя твою хворь, я чувствовала, как твоя боль проходит через мои руки...

– А как вы это узнали?

– Ну как-как? Испариной покрылась, и руки горели...

– А почему вы решили мне помочь и откуда вы знали, что у меня болит голова?

– А я чувствую это, мне эту способность передала бабка, и я могу врачевать даже на расстоянии... А почему помогла тебе? Да ты – Божий человек...

– Да какой я Божий человек? Грешник я.

– Мы все грешники... А так у тебя в роду по женской линии очень верующие люди были... Вот мать твоя, бабушка... Я права?

– Ну как... Бабушка – да, верующая, а мама... Насколько это было возможно при советской власти... Она особенно об этом не распространялась. Кстати, меня зовут Вячеславом, а как мне к вам обращаться?

– Зови меня Мартой.

– О, у вас такое же имя, как у матери моего отца, он тоже с Украины.

– Кстати, я чувствую, у тебя тоже хорошие задатки, – сказала Марта, глядя мне в глаза.

– Вы о музыке?

– Музыка – само собой... Я говорю о душе, ты будешь разговаривать с Богом.

– Это как? – тупо спросил я.

– Ты сам увидишь как.

– Марта, а вы кто, колдунья?

– Нет, я скорее от Бога получаю силу и знание.

– И вы часто помогаете людям?

– Помогаю.

– А зачем же тогда в гостинице работаете?

– Жить-то на что-то мне надо, я же за свои исцеления не беру денег.

Марта достала две фарфоровые кружки и сахар и начала наливать себе и мне чай.

– Я, пожалуй, пойду, не буду вам мешать, – сказал я.

Марта посмотрела на меня, может, чуть более продолжительно, чем до этого, и я никуда не пошел. Мы продолжали нашу неспешную беседу ни о чем и обо всем сразу, и я все время чувствовал, что меня как бы сканируют, считывают информацию о моей душе и оценивают ее одновременно. Несколько раз я пытался тактично завершить нашу беседу, но у меня ничего не получалось. Наконец, где-то около часа ночи Марта взглянула мне в глаза и сказала:

– Ну хватит, иди, дорогой, к себе и ни о чем не думай.

Я встал со стула и пошел к лифту, на ходу говоря слова благодарности и пожелания спокойной ночи. В лифте я размышлял, что же со мною было. Гипноз? Нет – я же не уходил из этой реальности, и никакой монотонности в голосе (так обычно в кино показывают гипнотизеров) я не слышал. Но мною явно манипулировали...

Не найдя ответа, я разделся и пошел в душ, чтобы смыть с себя все впечатления этого странного дня. Думаю, что заснул я сразу. Сейчас моя память выхватывает следующий эпизод из того моего удивительного приключения. Я проснулся, было где-то полшестого утра, так как уже светало... Нынче описываю этот случай и думаю – не приснилось ли мне все это? Атмосфера в моем номере и за окном была очень похожа на атмосферу триллеров, когда хотят изобразить что-то волшебное и таинственное. Полумрак за окном, и к стеклу приближается облако; туман, что-то эфемерное... В ушах негромко звучат колокольчики в верхнем регистре. И я вдруг осознаю, что сейчас будет явление, видение ангела, может, Божией Матери, и мне будет передано послание... Я не знаю, испугался я или что-то во мне было еще, но внутри встал во весь рост ответ:

– Я еще не готов...

Дальше все, опять же как в кино, туман растаял, музыка прекратилась, и через некоторое время я снова заснул.

– А если бы ты не сказал себе, что еще не готов? – спросил Дима Гордон.

– Я не знаю, может, я занимался бы каким-нибудь Служением.

– Знаешь, я думаю, то, что ты делаешь в песне, и есть твоё Служение, – сказал Дима.

- Я все время думаю, почему этот случай не стерли у меня в памяти?
- Кто не стер?
- Ну те, которые должны были явиться?
- Вячеслав, ты что-то уж очень впечатлительный... Может, это все-таки был просто сон?
- Конечно, это все бы объясняло.
- Слава, а что Марта? Ты ее больше не видел?
- Почему? Когда мы уезжали из Ровно, мы поклонились друг другу, и она меня благословила.
- Ты же понимаешь, это Украина, здесь у нас всякие чудеса возможны, особенно на Западной...
- Дима, а что Герасимова? Ты как-то пытаешься объяснить ее феномен?
- Я думаю, люди сейчас потеряли опору в жизни и хотят обманываться.
- Наверное, от этого даже есть психотерапевтический эффект. Дим, и какую статью ты напишешь о сегодняшнем сеансе?
- Смысл статьи, если сжать в одну фразу, ты сформулировал в своем вступлении к песнопению – песня и действия Герасимовой, если они несут в себе положительный посыл, врачуют. У меня, кстати, появилась идея в Киеве организовать представление, в котором будут участвовать целители и артисты. Ты уже приглашен.
- Я согласен, – сказал я, мы попрощались, и я рванул на свой концерт.

II

Наверное, время требовало новых героев, и они начали расти как грибы после дождя. То здесь, то

там я знакомился с экстрасенсами, астрологами, ясновидящими и специалистами по фэн-шую. На эфире радио «Россия» я познакомился с астрологом Натальей Рудь, очень приятной молодой женщиной. Мои симпатии к ней усиливались тем, что Наталья была поклонницей моей музыки. После передачи мы обменялись телефонами, и я уехал на своих «Жигулях-семерке» домой.

Эта машина – особый случай в моей судьбе. Мне ее подарили благодарные поклонники в городе Дмитровграде. Чем уж я их обольстил, не знаю, но факт есть факт – в Москву я возвращался на «семерке». Прибавилось ли мне счастья? Не думаю. У меня не было перед поездкой в Дмитровград сновидений, где «моя желанная семерка» была на главных ролях. Подарили и подарили... И она, машина то есть, начала мне мстить за равнодушие: сначала подставилась под «Москвич», и он ей въехал в бок, а потом позволила себя угнать – без ключей завести и лихо умчаться...

Случилось это на другой день после передачи с Н. Рудь. С утра у меня была высокая температура, и моя жена, собравшаяся на авто поехать в магазин, не нашла «семерку» на привычном месте. Татьяна сообщила мне об этом, и я начал действовать. Сперва я написал заявление о краже в милицию, затем позвонил знакомым крутым парням. Парни помочь мне отказались, мотивируя это тем, что я уже подключил милицию и, по понятиям, они не могут пересекаться в одном деле.

Я их понял и начал ждать представителей органов внутренних дел, попутно ругая свою непутевую «семерку». Пришел человек в форме и, получив мое заявление, откланялся. Я, выпив чая с медом и лимоном,

снова забрался под одеяло. Вспомнив свое вчерашнее знакомство, набрал номер астролога Наташи.

– Не переживай ты так сильно, – сказала она.

– Да я и не переживаю сильно, но я же должен что-то делать.

– Знаешь, то, что у тебя температура, и то, что ты потерял машину, даже хорошо.

– Чего хорошего-то?

– Твой ангел-хранитель тебе поставил двойную защиту.

– От чего?

– Ты бы, может, попал в крупную аварию, а так ты не сядешь за руль.

– А по твоим астрологическим таблицам, пока я лежу в кровати, в нее не врежется астероид или самолет?

– О... Сейчас я взгляну, что же будет, потерпи чуток.

И телефонная трубка надолго замолчала. Наконец она заговорила голосом Натальи Рудь:

– Ну вот... Все не так плохо. Машина твоя вернется.

– Какова вероятность? – спросил я.

– Ну, думаю, процентов девяносто пять.

– Хорошая у вас метода – после того как машина не найдется, попробуй доказать, что работают не те пять оставшихся плохих процентов.

– Вернется-вернется, и ты еще на ней меня прокатишь. Ладно, больной, лечитесь и не грустите; машина – это всего лишь железка. Пока.

– Пока.

И я начал себя развлекать всякими стишками, которые мог придумывать, не заморачиваясь на простуду. Вскоре вернулась моя жена вместе с нашей приятельницей Ниной Солнцевой, с некоторых пор

приобретшей у нас авторитет экстрасенса. Мы с ней были знакомы со времен, когда она работала врачом в Кремлевской больнице и никакими колдовскими глупостями не занималась. Эффектная блондинка (правда, крашеная) Нина, легкая, открытая девчонка, иногда удивляла несколько тяжеловатым взглядом, который она забывала на собеседнике. Вдруг однажды она сказала мне под большим секретом, что у нее открылись способности экстрасенса.

– Колдунья, что ли?

– Ну, считай, что колдунья.

– А что ты можешь? – спросил я.

– Ну, самое легкое – это вылечить голову, могу снять боль с суставов, – серьезно, глядя мне в глаза, сказала Нина.

Я чего-то ерничал, иронизировал, пытаюсь все это превратить в этакую смехатуру. Нина терпеливо к этому отнеслась, глядя на меня как на больного ребенка.

– Короче, Малезик, когда прихватит, звони, попробую помочь тебе.

И вскоре случай представился. Не помню, по какой причине, на левой руке опух средний палец, и надежды, что он к завтрашнему концерту в Ташкенте пройдет, не было. А палец-то основной, как коренной в упряжке. И я вспомнил Нину и позвонил ей:

– Ну что? Ваш выход, товарищ доктор.

– Что случилось? – спросила Нина.

– Да вот, проблема с пальцем... Спасай. – Дальше я рассказал ей о симптомах болезни.

– Значит, так... Ты мне что-нибудь рассказывай, а я тебя буду лечить.

– А для чего говорить-то?

– Ну я буду работать с фантомом, мне надо представлять тебя.

– С Фантомасом? – попытался я все перевести в шутку.

– С Фантомасом, с Фантомасом.

И я ей что-то рассказывал и иногда в трубке слышал ее дыхание. Через какое-то время она сказала:

– Все... иди спать.

Я поблагодарил Нину, а утром... А утром опухоль на пальце прошла, и потом Нина закрепила свой успех, вылечив у меня и жены головную боль и даже один раз сумела «подкачать» меня, когда у меня силы и настроение обитали где-то в отрицательной плоскости.

Так вот, вернусь к украденной машине. Нина пришла вместе с Татьяной и сразу начала меня лечить. Лечить в прямом и переносном смысле. Имея опыт работы врачом, Нина дала кучу рекомендаций по процессу врачевания меня таблетками и всяким медом с лимоном, желательно в сочетании с большим количеством жидкости. Параллельно рассказывалось, как надо было беречь машину и что предпринять для ее возвращения.

– У меня есть знакомая ясновидящая, которая уже сумела вернуть имущество обворованным гражданам. Завтра я вас с ней соединю, – подвела итог Нина.

На следующий день обещанная ясновидящая позволила, и моя жена была выбрана в качестве проводника, связующего звена между ясновидящей и теми силами, которые из астрала выведут правду-матку и помогут найти машину, а также укажут на злоумышленников. Я при всей иронии пользовал Нину Солнцеву как целителя и, несмотря на все проклятия и анафемы, летящие

из официальной церкви, считал, что в этом что-то есть. Поэтому предстоящий сеанс разоблачения преступников, с одной стороны, окрылял меня, а с другой – в изрядной степени пугал. Я хотел и не хотел обнаружения «семерки». Больше все же не хотел, потому что оказаться «под колпаком Мюллера» явно не грело меня. Не хотелось понимать, что если что, то и меня смогут на чистую воду вывести... И вот по телефону была дана команда, чтобы мы нашли нужные атрибуты для колдовства. К удивлению моему, ни лягушачьих лапок, ни сердца вороны, ни пера из хвоста павлина не потребовалось... Всего-то понадобились золотое кольцо, нитка, на которую это кольцо повесили, и карта автомобильных дорог России.

И вот действие началось. Я держал кольцо на нитке над картой Москвы, и оно качалось, как маятник у ходиков. Обследовав Москву и область, мы убедились, что в этих районах моей машины нет. Тогда, посоветовавшись с «главной» в нашем процессе, мы решили, что, раз машина ушла уже из Москвы, ее, «семерочку» мою, погнали в сторону Кавказа. И мы начали прочесывать трассу Москва – Ростов. Кольцо взволнованно колебалось, и я уже «прошел» около пятисот километров, добравшись до Воронежа. Мы проехали Воронеж, и вдруг кольцо перестало двигаться и застыло где-то около города Георгиу-Деж. Телефон был включен на громкую связь, и я услышал голос нашей ведуньи.

– Таня, ты видишь?

– Нет, пока нет.

– Таня, закрой глаза, и ты увидишь.

– Вижу, – шепотом сказала Татьяна.

«Все, приехали, – подумал я, – свободе конец, бабы на хвосте».

– Что ты видишь? – с гипнотическим напором спросила Неля (так звали нашу ясновидящую).

– Вижу нашу «семерку», вот битое крыло, номер наш... Ага, за рулем сидит интеллигентного вида мужик лет тридцати пяти в сером пальто, с короткой стрижкой! А сзади полулежит второй, типичный кавказец...

– Он под наркотиком, – перебила Неля. – У вас есть кто-то в Ростове, чтобы ГАИ их перехватило?

– Не знаю, – ответила Татьяна, – сейчас спрошу у Славы.

– Ну, у меня есть, – ответил я, – если они сейчас у Воронежа, то у нас меньше двух часов.

– Хорошо, я отключаюсь, звоните в Ростов, – была команда с другого конца телефона.

И она положила трубку. Мы сидели ошарашенные, переваривая произошедший на наших глазах сеанс ясновидения.

– Ну, что сидишь? – возвращаясь к действительности, сказала Татьяна. – Звони в Ростов.

– Подожди, дай собраться с мыслями.

Но сконцентрироваться мне не удалось, потому что раздался звонок. Я снял трубку.

– Вячеслав Ефимович? – спросил телефон, работавший еще на громкой связи.

– Да.

– Это майор милиции такой-то. Машина ГАЗ-2107, государственный номер такой-то ваша?

– Да, у нас ее угнали пять дней назад.

– Приезжайте на идентификацию автомобиля к Черемушкинскому рынку.

– Когда?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Еду, – сказал я и начал одеваться.

– В Ростов звонить будешь? – спросила Татьяна.

– И чего я им скажу? Что ясновидящая нагадала... Съезжу на рынок, а потом уж...

И я поймал такси и рванул на рынок. Меня уже ждали два милиционера. Увидев меня, они пригласили следовать за собой. Во дворе ближайших домов стояла моя «семерка», правда, в салоне не было сидений.

– Машина ваша? – спросили меня.

– Моя.

– Она на ходу, выкрали кресла и почему-то омыватели, даже аккумулятор, карбюратор и то не сняли.

– А кто угнал? – глупо спросил я.

– Кто-кто? Дед Пихто... Надо ее перегнать к месту дислокации.

– Надо...

– Только придется что-то найти, на чем ты будешь сидеть. А угнали, думаю, пацаны. Покататься... Ездили на ней, пока был бензин. Так что бери у нас канистру и с моим напарником дуйте за бензином, а я какой-нибудь ящик подыщу, чтобы тебе рулить можно было.

Когда мы вернулись с бензином, ящик из-под яблок стоял в пустом салоне моего автомобиля.

– Ребята, – сказал я, – вам спасибо, что мне «жигуля» вернули, а главное, не сделали меня поклонником ясновидения.

«Семерка» под рукой хозяина завелась с полоборота, и мы поехали в милицию оформлять документы. Граждане в троллейбусах и в автомобилях узнавали меня, столбенели, когда понимали, что я рулю своим авто, сидя на каком-то ящике. Невольные зрители этой сцены оглядывались, ища съёмочную группу,

которая делает какой-то сюжет для телевидения. Но это была жизнь, и шофер Малезик старался не улыбаться, так как на ящике надо было еще держать равновесие.

Но, несмотря на то что я разоблачил мощь женской секретной службы, жизнь подкидывала информацию, которую однозначно по-марксистски трактовать не получалось. Это я о том, как меня Солнцева поставила на ноги, когда я рассыпался на части. Не буду диагностировать, что произошло со мной, но было плохо, не было сил. Нина сказала, что это порча, и стала врачевать меня. Она сжигала свечами черное поле вокруг меня. Восковые свечи трещали, чадили и покрывались черной копотью. При этом она читала молитву. И я встал на ноги. Болезнь как рукой сняло.

– А мы и снимаем болезнь руками, – улыбаясь, сказала мне Солнцева. – Я твое энергетическое поле, что вокруг тебя, привожу в номинальное состояние, а организм уже сам себя лечит. Вот так, милый.

– Скажи, а ты читала молитву, и в этой комнате стоят иконы, это как?

– Что «как»?

– Церковь же вас называет чуть ли не бесовской силой и всячески клеймит вас.

– Ну так... Я тебе скажу одну вещь, только ты не обижайся...

– Не томи...

– Знаешь, церковь хочет монополизировать лечение молитвой, иконой. Я же не исполняла никаких сатанинских ритуалов?

– А я откуда знаю...

– Но меня-то ты знаешь, и не один год.

– Поэтому к тебе и обращаюсь.

– Не бойся меня, Малезичек. Я люблю и тебя, и Таньку, так что не бойся...

– Да, ладно тебе, Нин.

А вскоре произошла еще одна история, которая... Дело было так. Одна из целительниц, называвшая себя Дианой, судя по всему, уже заработала денег и могла размещать рекламу о своих сеансах в центральных газетах и даже, выкупив время на РТ, имела регулярную получасовую передачу, в которую приглашались популярные артисты, своими выступлениями собиравшие зрительскую аудиторию. А вела это шоу Диана, параллельно рекламируя свои умения и ненавязчиво сообщая телезрителям телефоны и прочие реквизиты для связи.

Вот в такой передаче меня и пригласили сняться. Я приехал на Шаболовку, снял свою песню, а потом меня представили Диане. И Диана предложила сфотографироваться на память. Сколько раз я снимался с кем-то в обнимку и просто улыбаясь, а тут... Тут меня переключило – ну не хочу я сниматься с этой... Чем отличалась рекламная передача от совместного фото, я бы не объяснил, но я стоял насмерть.

– Ну почему, Вячеслав? – спросила Диана.

– Не знаю...

– Вы ведете себя, как девушка, – включила женское обаяние ведущая программы.

– Нет, не хочу.

– А не боитесь, что я на вас порчу нашлю?

– Диана, вы такая красивая, и порчу... Это вам не идет.

Мы долго бились и я, как дурак, сдался. Почему как дурак? Ну, если бы был умным, не стал бы кокетничать.

Мы встали рядом с Дианой, фотооператор щелкнул несколько раз, и мы разошлись. Я уже был на улице, когда меня догнал директор Дианы и спросил:

– Не могли бы вы вернуться, чтобы сделать еще одно фото, потому что пленка оказалась засвеченной.

– Скажи ей, что ты не догнал меня, – ответил я администратору.

Почему-то пришла в голову мысль о моем ангеле-хранителе, который не дал жизнь той съемке. Ну не хотел я сниматься с этой Дианой...

Кстати, а вы обратили внимание, что предсказание астролога Натальи Рудь сбылось? Это я еще раз про угнанную машину...

III

А Дима Гордон все же организовал представление (специально не использую слово концерт), в котором объединил артистов и целителей. Из Москвы мы рванули в Киев на поезде, и меня поселили в одно купе с Аланом Владимировичем Чумаком. В поезде ехали какие-то маги и чародеи, и еще не известный тогда так хорошо, как нынче, Никита Джигурда, который все время заглядывал к нам на огонек и приносил какое-то представительское спиртное. Не знаю как, но мы с Аланом Владимировичем оказались центром притяжения, и наша беседа, а мне очень хотелось «допросить» всенародного волшебника, все время прерывалась необходимостью выпить с новым гостем. Пилось часто и бессистемно. Кривая градуса от времени лихорадочно металась вверх-вниз, но ниже 7°, заключенных в пиве, не опускалась.

Время от времени Никита Джигурда пытался расчехлить гитару, но мой авторитет эту попытку пресекал. Я пытал Чумака, задавал ему умные и каверзные вопросы, но мой оппонент был на высоте и ловко уходил от моих лобовых атак и очень искусно избегал ловушек, удачно маневрируя в беседе. Самое интересное, что знания, которые я в тот раз почерпнул у Чумака, были достаточно объективными, и много лет спустя я нашел этому подтверждение в умном высоколобом журнале, где прочитал статью о строении молекулы воды, о живой и мертвой воде и о том, что вода – носитель информации. Короче, не все так просто.

А в тот раз, когда стол в купе напоминал поле боя, где в беспорядке валялись «трупы» вина, коньяка, пива, самогона и еще чего-то совсем уж зеленого цвета, мы с Аланом Владимировичем решили отойти ко сну, позволив Джигурде спеть нам колыбельную. Мы заснули, но сон наш, вернее мой, был тревожен. Проснулся я, когда поезд был в предместьях Киева. Голова моя была скорее не моя, и как ее спасти, я не знал.

– Доброе утро, Алан Владимирович, – приветствовал я Чумака, увидев, что он лежит с открытыми глазами.

– Здорово, Слава.

– Ох, ваше сиятельство, что-то совсем не здорово, в общем, не здóрово, короче, полный Чумака на мою большую голову.

– О, как ты загнул...

– Да это я с похмелья гоню... А кстати, Алан Владимирович, у вас есть прекрасная возможность проверить свои способности. Есть пациент, артист, у которого ярко выраженное отравление алкоголем. Врачайте, доктор, врачуйте.

– Давай, садись здесь, чтобы я мог тебя обслужить...

– Обслужите меня, Алан Владимирович, обслужите.

И он начал ходить вокруг меня, как петух вокруг курицы. Алан Владимирович бил крылом, махал руками, как мельница, «формируя мое поле». Он только что не танцевал вокруг костра, поскольку развести его в купе не было никакой возможности. Я хотел послать за Джигурдой, чтобы он у шамана с Чукотки добыл ритуальный бубен, но время поджимало... Вот уже показался Днепр и «гражданка с ножом», олицетворяющая Родину-мать в украинском разливе.

– Мы, наверное, не успеем, – молвил Чумак.

– Не успеем чего?

– Закончить сеанс...

– Должен огорчить вас, Алан Владимирович... Моя жена, взяв мою голову в руки, давно бы уже вылечила меня.

– Значит, Вячеслав, вы – не мой адепт, а потом Киев нахлынул так внезапно, что я был поставлен в экстремальные условия.

– Я люблю тебя, Алан Владимирович. Давай собираться, Дима Гордон и киевлянки ждут нас.

И было представление, и был успех, а потом грянул банкет, где мы окончательно сдружились с Чумаком.

– Вячеслав, а что, если нам сделать совместный проект?

– Я буду петь, а вы что делать?

– Слава, а я буду молчать и своим молчанием заряжать вашу музыку.

– Я готов... Завтра обсудим материал.

Мы вернулись в Москву, изредка встречаясь, как правило, ко взаимному удовольствию. Он, как прежде, улыбочив и, как мираж, неуловим.

IV

Свобода прессы, свобода всего на свете стимулировала развитие в том числе и нетрадиционных методов лечения. В значительной степени этому способствовали и недостатки в официальной медицине, которая зачастую не финансировалась должным образом и из бесплатной превратилась в ничего не стоящую.

Наша подружка Нина Солнцева потихоньку раскручивалась, и круг ее клиентов расширялся. Хороший нрав и добросовестность Нины, а также определенные умения позволяли ей, с одной стороны, чувствовать себя востребованной как специалист, а с другой – неплохо зарабатывать. Серега, ее тогдашний муж, играл в ресторане, и его денег явно не хватало, чтобы прокормить семью.

– Он чего-то там зарабатывает, ему этого хватает на его железки, ну и слава богу, – комментировала Нина деятельность своего супруга.

Нина, такая яркая и по-своему самобытная женщина, умеющая и спеть, и станцевать, и, как она мне под страшным секретом сообщила, еще и сочинять стихи, рядом с Сергеем явно доминировала. Она часто появлялась на наших посиделках без Сереги или с их совместным сыном Андреем.

– А где твой? – сначала интересовались мы.

– Да на диване, где ж ему еще быть.

И Нина прочно входила в наш круг. Сначала как подружка, а потом как целитель. Ее начали передавать, как эстафетную палочку, друг другу. И вскоре в среде артистов стало чуть ли не модно лечиться у Солнцевой, да и свои «девичьи» тайны рассказать Нине было незасторно.

– Нинка чего-то недобрала в молодости, – говорила мне Татьяна, когда разговор заходил о Солнцевой.

– Зато сейчас она отрывается по полной.

– Я порой завидую ей, ее энергии, – продолжала размышлять жена. – Это притом что она кучу сил тратит во время своих сеансов.

– Я думаю, – изрекал я, – что Нинка на всех этих «туссах» как раз набирается энергии. Кому-то подавай природу, а ей – хорошую компанию.

Нинка тысячу раз была у нас с сыном на даче. Серега? Я не припоминаю его у нас за столом с гитарой. А Солнцева отрывалась... Пару раз мы затевали что-то в области создания песни. Но дальше набросков дело не пошло. На мои просьбы что-то доделать и переделать Нинка охотно соглашалась, но руки так и не доходили у нее до серьезного сочинительства. Ну не до песен ей было...

V

Традиционный отдых на море, причем, чем жарче, тем лучше, был для Нинки уже привычен. Хургады, Шарм-Эль-Шейхи с Кипрами были исхожены вдоль и поперек. Однажды она с Сережей добралась и до Таиланда. Привезла оттуда кучу впечатлений и специй. Мы рванули на дачу, правда, опять без Сереги, закупили каких-то рыб, креветок, имбиря и по тайским рецептам готовили суп, который обжигал и выжигал все внутренности. Песнопения смягчили впечатления от тайской кухни. А вскоре я имел приватную беседу с Серегой, и он тоже надумал поделиться своими впечатлениями о поездке в Таиланд. Нинки не было, и он решил по-мужски открыться. Я ожидал, зная о

секс-индустрии этой страны, каких-то этаких откровений от Сереги. А все его впечатления были уложены практически в несколько фраз.

– Нина однажды рванула на шопинг, а я познакомился с одним тайцем, такой метр с кепкой. И я оторвался в тот день по полной. Мы с моим гидом рванули в пивняк, и я съел пятнадцать или шестнадцать кружечек пивка с ихними креветками... Это, скажу я тебе, незабываемо...

– А девки? – спросил я, пытаюсь направить беседу в нужное русло.

– Какие девки?

– Ну, не хочешь девки, тогда трансвеститы? Ими так славен дружественный нам Таиланд.

– Какие девки могут сравниться с ихним пивом?

– А ты не попробовал искупать девчонку в пиве, декорировать ее креветками и уестествить под то же пиво?

– Не, зачем пиво портить?

– А по-моему, женщина с ароматом пива, смешанным с запахом креветок, – это божественно.

Но вернулась Нинка с моей женой. Мы быстро свернули нашу с Серегой искусствоведческую беседу и перешли к разговору, не понятному для наших жен, – о секвенсорах, эмуляторах и прочих музыкальных прищочках.

Ну так вот, из всех видов отдыха Нинка не освоила еще морские круизы. Я имею в виду атлантические и трансатлантические переходы на кораблях. Она просила нас при случае замолвить о ней словечко. Одна или тем более с мужем, который к тому времени уже «изрядно объелся груш», она ехать в круиз не хотела. Ей нужна была компания... И мы позвали ее с нами в

поездку по Северной Европе – Дания, Финляндия и, наконец, Норвегия с заходами в знаменитые скандинавские фьорды.

Увлекательная с точки зрения познания мира и возможности оторваться от нашей постылой цивилизации была поездка. Удивительная прозрачность воздуха, редкие ухоженные деревеньки, звенящая тишина и, конечно, фьорды, по которым пробирался наш громадный океанский лайнер. Это что-то... Ты как будто едешь по глубоководной реке, окруженной горами. С гор низвергаются водопады, крупные и так себе; водопады, образующие из своих брызг радугу. Восторг, полный восторг. Понимаешь, что высота гор, окружающих тебя, метров 700–800, и глубина воды, причем морской, зашедшей в это ущелье из океана, составляет те же 700–800 метров. И состояние покоя.

VI

Но беспокойно было на душе у Нинки. Влюбилась она. Причем влюбилась крепко. Мы иногда Нинку Солнцеву называли Колдуньей. Была ли какая-то связь этого прозвища с героиней одноименного фильма Мариной Влади в главной роли? Пожалуй, нет... И не потому что Марина была ослепительно хороша. Просто Нинка была другой: во-первых, старше, а во-вторых, она была скорее такой русской бабой, которая на себе везет воз проблем своей семьи. И никакое платье, и никакой макияж не могли изменить этой оценки.

По-своему она была бизнесвумен, которая сама себя и смастерила. Насчет ее женской привлекательности? Не мне судить, она уже слишком давно была подружкой,

и наши приемники-радиостанции были настроены на разную частоту. Правда, когда-то, в первые дни нашего знакомства, когда мы, как две разнополюые особи, «обнюхивали» друг друга, меня несколько испугал ее тяжелый изучающий взгляд. И все... Я даже никогда не позволял по отношению к ней своих традиционных пошлостей, на которые так горазд, по мнению моей жены.

Думаю, цитата про то, что «любовь нечаянно нагрянет», не совсем про этот случай. То, как Нинка «гастролировала» без своего Сереги, дает основание предполагать, что она была открыта для нового любовного приключения. И любовь пришла, ломая все запреты, табу и прочие «нельзя».

Любовь пришла в образе певца Игоря Додзя. Он был на контракте и весь сезон ходил в круизы, выступая на концертах для отдыхающей публики. Вокальная специализация его была – артист музыкальной комедии, и Игорь успешно пел арии из оперетт Кальмана и Оффенбаха. Мы с ним были коллеги и вместе выходили на сцену, поэтому очень быстро нашли общий язык. Додзь был симпатичный парень среднего роста, с заметной проседью в волосах, такие обычно нравятся женщинам. А если учесть, что он был скромн и мягок в общении, то я особенно не удивился, когда Солнцева меня спросила после очередного концерта:

- Как тебе этот?
- Мистер X, что ли?
- Ну да. Как он тебе?
- Хороший мужик. А тебе зачем?
- За энтим за самым.
- Нинка... Ты влюбилась! – издеваясь, начал я.
- Не твое дело. Придумай что-нибудь, чтобы я с ним познакомилась.

– А сама-то что, не можешь? Где же твои колдовские чары?

– Где-где... Слава, век не забуду.

Я повернулся в сторону нашего опереточного героя, который еще в смокинге направлялся к выходу.

– Игорь, – окликнул я его, – можно тебя на минуточку?

Игорь подошел к нам и, поклонившись Нине, сказал:

– Добрый вечер.

– Игорь, это Нина, ей очень понравилось, как ты поешь, и она хочет тебе об этом сама сказать.

– Малезик, ну ты – дурак.

– Дурак... Я выйду на палубу, что-то душно здесь, – сказал я и вышел из салона.

А на следующее утро Нинка, светящаяся, как начищенный самовар, шепотом сообщила мне:

– Я ему тоже нравлюсь.

– А по-другому и не может быть, – был мой комментарий.

– Правда-правда, он сказал, что стеснялся подойти ко мне, так что спасибо тебе, мой дружочек.

– Ну что? Берешь меня в свои подружки? Буду я наперсницей твоих тайн, вернее, наперсником?

– Да иди ты на фиг со своими шутками. У меня, может, любовь.

– А я и не спорю, – сказал я и продолжил: – А что, Нинка, как мне быть с Серегой, после того как я его жену продал в сексуальное рабство?

– Ну, во-первых, пока никакого рабства нет, а потом, я и сама уже чищу перышки и готовлюсь стать его наложницей.

– Ну вот почему?! Этим опереточным все – и аплодисменты, и красивые женщины, а нам, гитаристам,

мало того, что гитару таскать все время, так еще и вольницы в круизе никакой?

– Ой, не грехи, мой друг... Чего тебе не хватает? Пойди возьми, исполню любой ваш каприз, я же колдунья.

И Нинка со своим Додзем пропали. Пропали в прямом и переносном смысле. Мы их потеряли, а они, кажется, влюбились друг в друга. Игорь и наша подружка не выходили из каюты Нинки сутками, появляясь иногда, как привидения, сверкая полубезумными-полусчастливыми глазами. Как уж там наша экстрасенс заряжала Мистера X, не знаю, но, судя по всему, ни он, ни она за двухнедельный переход пощады друг у друга не попросили. Может быть, чистая экология Норвегии, может, морской воздух, но то, как отчаянно в редкие наши свидания Нинка нашептывала что-то на ухо моей Татьяне о чем-то своем, женском, давало мне основание думать, что настоящая любовь догнала нашу Солнцеву, нашу милую Колдунью.

– Нин, честно, чары свои колдовские использовала, завоевывая Игоря? – дерзко спрашивал я Нинку.

– Ты – дурак? Это ж грех... Ты что?!

– Я ничего, а он-то попал под твои чары. Ты помнишь, завтра Питер? А послезавтра – Москва и Серега? Конец сказке...

– Почему конец? Только начало. Завтра Питер, послезавтра Москва, а послепослезавтра я развожусь с Серегой!

– С ума сошла? Ну, круиз, оторвалась, понятно... В Москве-то дом, семья.

– Знаешь, – сказала Нинка, зачем-то начав причисываться, – я знаю, что Игорь – мой человек, я его ждала всю жизнь.

- А Серега? Его ты тоже ждала всю жизнь?
- Там все проще... Залетела, мы и женились.
- И я чего теперь, получаюсь, твоя «сваха»?
- Получаешься.

И мы пришли в Питер. Было утро, и у нас в распоряжении весь день до вечера, до «Красной стрелы». Решили поехать погулять в Петергоф. Игорь по делам остался на корабле и обещал приехать к трем. Была солнечная погода, мы безмятежно гуляли по парку, пили кофе, болтали, изредка поглядывая на Нинку. Чего греха таить, мы чуть-чуть завидовали Нинке, завидовали этому яркому чувству и тому, что это происходит не с нами. Мы с Татьяной словно смотрели какой-то спектакль о любви, в котором мы играли роль второго плана.

– Слава, пойдем к магистрали, посмотрим, не подъехал ли Игорь? – ныла Нинка.

– Зачем, еще два часа до трех?

– Пойдем, – канючила она. – Вдруг он освободился раньше.

– Ну, а ты включи свои способности, ты же Колдунья, и посмотри, где он.

– Не могу, веришь, не могу. Думаю о нем, и у меня ноги, руки, воля становятся ватными. Я чувствую себя просто дурой-бабой...

– Да-а, сюжетик. Ну, пошли, сходим, посмотрим, а вдруг...

Но Игоря все не было, и он появился, как и обещал, в три. Они бежали навстречу друг другу, будто не виделись минимум полгода. Нехуденькая Солнцева повисла у него на плечах, и он, целуя и глядя по волосам, закружил ее. Мне даже чуточку стало неудобно, что я это все наблюдаю.

– Игорь, не увлекайтесь биг-битом... – сказал я влюбленным.

Мы ходили в ресторан, погуляли в парке. Оторвать их друг от друга не получалось – они держались за руки, обнимались, а иногда что-то шептали на ушко, не участвуя в жизни остального мира.

И были вокзал и долгое прощанье Игоря и Нины. И мы уехали в Москву домой, а назавтра Солнцева привела в ЗАГС Сергея и подала на развод. Подняв на уши всех своих знакомых, Нинка развелась с Сергеем и расписалась с Додзем в течение одного месяца.

Тут бы мне и закончить эту историю, тем более есть подходящая фраза для концовки. Дескать «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». Я же приведу наш короткий диалог с Колдуньей. Возле ЗАГСа, где они расписались, я тихонечко спросил Нинку:

– А теперь мне, как свахе, скажи – мальчишку-то колдовскими чарами приворожила?

– Ну, как тебе сказать? – ответила Колдунья, усмехаясь...

ПЛОТИНА

В 1917-м революционеры решили перегородить русло многоводной реки под названием Россия Плотиной. У них были красивые планы, которые придумал Вождь, решивший осчастливить миллионы людей созданием рукотворного моря с огромным запасом пресной питьевой воды, которой так будет не хватать в грядущие века. Можно будет заниматься разведением рыбы и развивать туристический бизнес, построив на берегах фешенебельные отели. Серфинг и дайвинг, водные и солнечные про-

цедуры... И неважно, что в то время этих слов еще не знали, перспективы «строительства» владели думами революционеров. И не пугало их, что будущее водохранилище затопит тысячи хозяйств и заставит людей срываться с обжитых мест. Лес рубят – щепки летят...

И строительство началось. Не имея четкого плана, на голом энтузиазме, побеждая не умением, а числом... Отчаянно не хватало стройматериалов, и люди, увлеченные возведением всемирного моря, своими телами закрывали бреши в Плотине, стараясь сдержать напор воды. Россия отчаянно сопротивлялась, и в этой битве гибли строители, и кто-то умный из высоколобых революционеров предложил тела погибших укладывать в здание Плотины, цементируя все это революционной идеологией и страхом.

Первый Вождь сгорел на работе, и ему на смену пришел новый, такой же жестокий и целеустремленный. Но река не хотела сдаваться, и тогда новый Вождь предложил в качестве стройматериала использовать тела живых людей, предварительно их физически уничтожая. И производство стройматериалов заработало на полную мощность. И люди шли на заклание, распевая гимны, славящие вождя, придумавшего, как сделать человечество счастливым.

И Плотина была построена, и Россия была усмирена. И возвели на Плотине гидроэлектростанцию, и получили так нужную для производства энергию. И начала развиваться промышленность, и начало развиваться рыбное хозяйство... Пусть погибла речная рыба, в изобилии водившаяся в старой России. Пусть... Идеи Вождя побеждали, Россия была покорна его руке. И это ничего, что иногда надо было приносить новые человеческие жертвы, чтобы укрепить тело Плотины. Рукотворное

море было лучшим доказательством, что все сделано правильно. И затянулись раны в старом русле реки. А селения, что накрыло собой море... А кто их помнит? Они скрыты водой, а значит, их никогда и не было.

И все начали ждать счастья, обещанного во времена строительства, во времена всенародного подъема и страха. Но по разным причинам день прихода счастья все откладывался. То паразитов надо победить, а то ряска как-то неприветливо выглядит на поверхности водоема. Да еще надо очистные сооружения построить, а то как-то не так получается – воду загрязняют и загрязняют. Короче, появилась куча проблем, которых старая Россия не знала. Плотина требовала все новых и новых вложений.

Попытка очередных Вождей быть цивилизованными и не использовать людей как строительный ресурс привела к тому, что у плотины то там, то сям появлялась течь. Но все это еще ничего... Электростанция еще работала, а рыбы хватало только для поставки на стол окружения Вождя, пляжи тоже обслуживали людей только со спецпропусками. И это все еще тоже ничего. Хуже всего то, что вода начала цвести... Та вода, которой Вождь хотел обеспечить все человечество, становилась непригодной для питья и для разведения рыбы. Море превращалось в громадную вонючую лужу.

Плотина еще выполняла свои функции по сдерживанию гнева усмиренной России, но времени и идеи, чтобы исправить положение, катастрофически не хватало. И тогда пришел Вождь новой формации. И он понял, что в рукотворном море сдохнет вся рыба, и вода, что крутит турбины электростанции, на выходе мертвая. И загрустил он, да и многие его сограждане, по чистой России, многоводной и плодородной.

И решил он «старый мир» разрушить и одним указом взорвал Плотину...

И вырвалась вода на волю и много беды принесла людям, жившим ниже по течению. Смела перестроенная Россия дома и приусадебные участки, и люди, жившие у реки, в один день стали бедными. А те, что обосновались по берегу моря рукотворного, оказались на краю бескрайнего болота. А Вождь и его опричники болтали и болтали о нашей интеграции в мировое сообщество. Им-то что? Они знали день подрыва Плотины и отошли на заранее заготовленные позиции, заодно прихватив заводы и банки, нефтяные вышки и газопроводы.

А Россия, о которой все забыли, потихоньку начала выздоравливать. И вот уже рыба, которой она была так богата в прежние века, начала нереститься, а самые смелые отваживались уже пить воду из реки.

Но болезнь Вождей не была побеждена окончательно, и все жили и боялись, не вздумают ли они пустить течение России вспять, ведь дайвинг и виндсерфинг никто не отменил, а некоторым так не хватало акватории реки, чтобы рассекать по ней на эксклюзивной яхте.

«О'ШАЛЕЙ»

I

В этот день у меня выдались два выступления, которые я мог запросто выдержать и осуществить. Обе площадки, на которых ждали артиста Малежика, находились в пятнадцати–двадцати километрах друг от друга на Рублевском шоссе. Первое выступление, собственно, было празднованием дня рождения одного моего знакомого политика и бизнесмена, очень приятного и талантливого человека, который «смастерил» себя сам и, судя по размаху празднования, сумел неплохо заработать.

Все это действо происходило в известном местечке Zuxary village, что в Барвихе. Мы приехали с женой на

нашей Subaru, и парковка прошла в штатном режиме. Выезд со стоянки происходил уже в темноте и при большой скученности автомобилей. И, отправляясь к своей японской «подруге», я обратил внимание, что «калашный ряд» в Zixaru village состоит из всяких «майбахов», «бентли» и прочих «мацератти». Двадцать пять лет за рулем почему-то не стали для меня гарантией уверенной езды среди «проклятых» буржуинов. С помощью специального человека я вырвался со стоянки, не повредив своей репутации и внешнего вида лакированных суперкаров.

Мой путь лежал в ресторан «О'Шалей», где был день рождения одной женщины, которая ну очень любит артиста Малевича, и где в поселке Николино раскинулся тот самый ресторан. Мы ехали с женой и рассуждали о странном пристрастии русских богатеев, которым хочется жить в Маленькой Италии или на виллах поселка Бенилюкс. Я понимаю итальянцев из Нью-Йорка, называющих район, где они живут, Little Italy (Маленькая Италия). Да, они ностальгируют по своей исторической родине, и потом Little Italy звучит музыкально и ритмично. Русские тоже называли в Штатах города Москвой, Петербургом и Одессой... И я их понимаю...

Но про какой Бенилюкс вспоминают наши, обыывая новые поселки подобными именами и завлекая в них новых жителей? Кстати, почему-то чайнатауном они поселок не назвали? А недавно я в городе Пушкино Московской области обнаружил название «О'Пушино». То ли это была усадьба, то ли опять же питейное заведение. Но это вот ирландское О (вспомните ирландские фамилии О'Брайен, О'Ши)...Что бы это могло быть? Знак восхищения, как у Фазиля

Искандера (помните «Маленький герой большого секса» – «О, Марат!»). Не знаю...

Но вот уже на Рублевке встречаю эпигона «О'Шалей». До конца я не выяснил, имеет ли это название отношение к французскому типовому строительству домов с почти плоской крышей, потому что, въехав в поселок с вполне русским названием Николино, мы с женой действительно О'шалели от богатства домов, их архитектуры, заборов, окружающих эти дворцы, домиков для прислуги и всего прочего, без чего жизнь не выглядит О'хренительной.

О'твал башни происходил еще и оттого, что нам общили компетентные люди, будто 79% домов пустуют. Их выкупили, чтобы вложить деньги. Я почувствовал О'блом, не оттого что я, неплохо зарабатывающий артист, никогда не смогу жить за такой «решеткой». Это мысль была изгнана из сознания с ненавистью, едва появившись. Просто вспомнились участвовавшие в последнее время передачи на нашем телевидении, когда нас, граждан, побуждают всем миром спасти еще одного больного ребенка, на лечение которого нет денег. О'шалеть...

Ожидая своей очереди в черед артистов, развлекавших гостей именинницы, я написал стишок, где были впечатления от О'балденного поселка, где живут О'тменные люди и бизнесмены, О'кружившие себя комфортом.

*Я О'шалел, чего скрывать,
Не лучше бы совсем не знать
Страны, где О'шалевшие живут,
Твердя про мир, про май, про труд.*

*И там, видать, свои законы,
Другие яства – вина пьют,*

*И женщин там других салют,
И доллары считают в тоннах.*

*А после пати, одурев
От наркоты и от процесса,
Приятно в телике узнать,
Что ты еще – гарант прогресса.*

II

Думаю, мои невеселые размышления были обусловлены присутствием жены, у которой заметно испортилось настроение. Дело в том, что когда-то для себя я придумал образ «нарисованного мира» и благополучно в нем существовал. Попадал ли я в подобные декорации? Да, но я смотрел на это как на оформление сцены, на которой мне предстоит выступить. Но в этот раз как-то сошлись воедино многие факторы, и с настроением произошел полный О'шaley.

И мне вспомнилась наша с Татьяной поездка на Гавайи. Мы туда отправились с друзьями Смитами из Сиэтла. Когда мы прилетели в Гонолулу, был уже седьмой день нашего пребывания на американской земле, и мой английский, который, правда, прогрессировал день ото дня, и русский Джефа уже несколько раздражали. Хотелось от пуза с кем-то поболтать по-нашему и накормить душу звучанием правильного «великого могучего» с мыслями, которые глубже, чем «Маша мыла раму» или «Peter and Ann are friends».

Однажды мы поехали на пляж, что был в окрестностях Гонолулу, предварительно съездив в печально известную для американцев бухту Перл-Харбор. Наш пляж был расположен в заливе, почти идеально круг-

лом. В нем был заповедник, и рыбы, словно в аквариуме, плавали рядом с отдыхающими, создавая хорошее настроение. Мы изучали не только рыб и кораллы, но и публику. Обратили внимание на девушку-инвалида с удивительно красивым лицом, но которая имела проблемы с ногами. Сопровождавшие ее на руках относили в море (а она была в гидрокостюме), и потом уже она самостоятельно долго плавала в море в маске и ластах. Сейчас задумался, как же она использовала ласты, если не могла передвигаться? Но это и не важно... Мы также обратили внимание даже не на интернациональные пары, а на межрасовые... Особенно много белых и азиатов. Может быть, близость Японии обуславливала такие сочетания. В общем, загорали, глазели и вяло обменивались информацией об увиденном.

Ко мне подошел сорокалетний мужчина и на чистом русском языке спросил:

– Извините, вы – Малежик?

– Да, – ответил я. – Вот занесла судьба на край света.

– Меня зовут Семен, я из Одессы.

– Я из Одессы, здарсьте? Как говорил Буба Касторский.

– Нет, теперь я живу в Лос-Анджелесе. Но в Америку мы перебрались из Одессы.

– Ну раз вы меня узнаете, – сказал я, вставая с лежака, – значит, вы не так давно в Штатах.

– Ну, во-первых, у нас тут есть русское телевидение, где мы видим все новости, а во-вторых, вы правы – мы всего третий год, как обосновались в Эл-Эй-е*.

– Семен, ну, и как вы тут в Америке живете? – спросил я.

* Эл-Эй – Лос-Анджелес.

– Да по-разному живем...

– Поконкретней, поконкретней, а то мы там в Москве отравлены пропагандой, а хочется что-нибудь услышать из первых уст.

– Да все обычно, это же не ваша яркая жизнь на сцене.

– И все-таки, факты, судьбы, что-то вас удивило в Америке? Пожалуйста, несколько слов для наших радиослушателей, – изобразил я из себя репортера.

– Все хорошо не бывает, но работа есть, а это уже полдела. Конечно, скучаем. Но вот прилетели отдохнуть на Гавайи. Разве об этом можно было мечтать в Одессе?

– Ну, мечтать-то вам, положим, никто не мешал...

– Да... Но вот так, чтобы на Гавайи, как в Сочи.

– А вы теперь об Одессе мечтаете?..

– Вы правы, а представляете, что я еще незапланированно с вами встретился. Это удача.

– Да уж... «Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой...» – продекламировал я Пушкина.

– Пожалуй, – задумчиво произнес Семен. – Я расскажу вам историю одной семьи, с которой мы выехали из Одессы.

Мы прогуливались по пляжу, и Семен как гостеприимный хозяин предложил мне зайти и что-нибудь выпить за знакомство. Я отказался, и мы сошлись на кофе. Заказали кофе с водой, и Семен приступил к своему рассказу.

– Наша семья приехала в Калифорнию в восемьдесят девятом, имея кое-что на кармане. Я и моя жена были дантистами, и в Одессе имели хороших клиентов и хорошие деньги. Илюша, наш сын, был шестилетним мальчиком, и мы, трезво оценивая наши возможности,

сняли себе жилье и через еврейскую общину начали искать работу. Сейчас мы неплохо живем, ну, по нашим запросам: у нас апартаменты с двумя спальнями, наш мальчик учится в школе недалеко от дома, мы можем себе позволить раз в год поехать отдохнуть.

Так вот, теперь о наших земляках. Назвать их друзьями не могу, но поскольку выезжали вместе, то все перипетии смены места жительства прошли сообща. Одесса – Москва – Вена – Штаты. Всю дорогу Гутерманы твердили о счастье, что удалось вырваться из Союза. Степень ненависти ко всему советскому у них была столь высока, что говорить что-то положительное о прошлой жизни ни я, ни моя жена даже не пытались.

Семья Гутерманов скорее русская, чем еврейская. Его звали Анатолий, но как только мы пересекли границу, он попросил обходиться без всех Толиков, только Натан. Его жена – русская девочка Катя, в меру симпатичная, смешливая, этакая пампушка. Но жизнерадостность Катерины тонула в тягучем занудстве Натана, который все время рассказывал, как надо и что наконец-то... Сонька, их двенадцатилетняя дочь, была любимым божеством семейства и, наверное, «главой клана», как это ни смешно выглядит. В Союзе Натан был ведущим специалистом в электронике и не сомневался, что сможет найти применение своим знаниям.

Еще в Вене они сообщили нам, что для лучшей адаптации, приземлившись на «обетованной» земле Соединенных Штатов, перестанут общаться по-русски и будут говорить только по-английски.

– А еще, – говорил Натан, – мы снимем жилье в самом фешенебельном районе Лос-Анджелеса и устро-

им Соню в самую что ни на есть лучшую школу. Я буду день и ночь пахать, но Сонька будет учиться среди лучших и мужа тоже найдет не на помойке.

– А на себя и на Катю ты махнул рукой? – спросил я Натана.

– Мы так решили и будем неукоснительно следовать намеченному плану.

– Ты, как большевик, строишь планы, а потом их перевыполняешь.

– Не напоминай мне о большевиках. Ненавижу.

Гутерманы сняли себе жилье в Беверли-Хиллз. Сонька учится в школе с записными миллионерами, а маменька с папенькой горбчатся на работе, считай, круглые сутки. Работают и подрабатывают... Короче, стали заложниками своей идеи сделать дочь счастливой и богатой, а может, наоборот – богатой и счастливой. Прошло лишь два года, как Сонька пошла учиться в школу в Беверли-Хиллз, а из нее уже вырос настоящий монстр.

– Как – монстр? – удивился я, явно не ожидая подобного поворота событий.

– Да так, монстр... Она училась с миллионерскими детьми, и как ни старались ее родители, они не могли дать девочке тот уровень достатка, что был у ее одноклассников. Джинсы не той модели, машина, на которой ездит папа, тоже не та и так далее. Сонька замкнулась и возненавидела весь мир, а особенно своих родителей, которые не соответствовали...

– Да, наверное, в Индии правильно поступали, когда делили общество на касты по происхождению и по уровню достатка, – сказал я, допивая свой кофе.

– И в СССР идея равенства была не столь плоха, – сказал Семен.

– Плохо только то, что мы были равны, но были бедными. Лучше все-таки быть равными, но богатыми. Хотя, богатство – вещь относительная.

Что ж, О'шалей дочери друзей Семена был очень похож на состояние моей жены и меня в Николино, хотя...

III

Мои песнопения перед компанией именинницы в ресторане явно удались, и уезжали мы домой уже не столь прибитыми. У меня в башке почему-то крутилась детская считалочка:

О'днажды О'тец О'нуфрий, О'бозревая О'крестности О'нежского О'зера, О'бнаружил О'бнаженную О'льгу:

– О'тдайся, О'льга, О'золочу!

– О'шалей,– О'твечала О'льга, О'тдаваясь...

ЛЮБОВЬ ONLINE

I

– Заходи ко мне завтра домой, я решил всех собрать по случаю своего пятидесятилетия, – сказал мне мой приятель Алексей, когда мы с ним закончили свои водно-спортивные процедуры в нашем бассейне.

– А как ты их всех соберешь, если они у тебя по всему миру разбросаны? – спросил я.

– Заходи, там разберемся.

Алексей, довольно успешный бизнесмен, работал в институте, занимавшемся электронным обеспе-

чением авиатехники. Мы с ним сошлись, обсуждая простые житейские проблемы: страны и наших детей, которые, будучи уже взрослыми, все равно требуют внимания. Мы сходились во мнении, что это как раз хорошо, потому что мы чувствуем градус нынешней жизни.

Леша время от времени пропускал наши тренировки и уезжал то в Англию, то в Штаты, а то в Прибалтику. Там обитали семьи детей его сестры и брата. Короче, мой товарищ вел активный образ жизни, который в прежние годы вызвал бы множество вопросов в соответствующих инстанциях.

– Да, еще, – сказал Алексей, когда мы уже прощались на улице, – захвати с собой ноутбук.

– Зачем?

– Захвати-захвати, пригодится.

– А я в пьяном виде компьютером не управляю.

– Не переживай, я тебя «пьяным хакером» обеспечу.

– Ладно, договорились. А во сколько у тебя?

– Подруливай к семи.

II

Не очень понимая зачем, я притащился к Алексею в сопровождении своего iPoda. Еще у меня в руках были гитара, коробка с подарком и в целом неплохое настроение. Процедуру вручения подарка, выпивания аперитива и трепа ни о чем я пропускаю. Начинаю сразу с застолья...

Мы уселись за стол и включили свои электронные устройства. Настроив их на одну волну, Алексей взял

инициативу в свои руки и помимо традиционных тостов за здоровье именинника, его родителей и далее по списку, он вывел на наши мониторы коротенький фильм о себе, не слишком загружая подробностями своей и своих родственников жизни. И наконец, Леша, как на селекторном совещании в правительстве, сообщил, что его хочет поздравить родной брат из Нью-Йорка.

Быстро пробежав по клавиатуре, он отыскал в Сети Бориса, уехавшего на ПМЖ в Америку аж тридцать лет назад. Все выслушали тост по скайпу, и Алексей своим бокалом прислонился к камере в компьютере, изображая чоканье бокалов в застолье. Потом были Лондон и Вильнюс, снова Нью-Йорк и Сиэтл. Меня поразила своей внешностью и словами, что были адресованы дяде Леше, племянница, жившая со своими родителями в Сиэтле. Молодая, лет 25–30 женщина с иссиня черными (во всяком случае, это так выглядело в скайпе) волосами и каким-то колдовским взглядом. Ее звали Ива... Странное имя, но запомнилось сразу. А еще оно ей очень шло. Леша наклонился к своему компьютеру и чмокнул его. Компьютер стыдливо зарделся, и мы увидели на экране губы Ивы, которая ответила на поцелуй дядюшки.

– Ивка, ты не уходи из Сети... Ты же хотела, чтобы тебе спел Малежик? Слава, такой девушке нельзя отказать.

– Сочту за честь, – сказал я, хватаясь за гитару.

Что я пел, это неважно, но аплодисменты я сорвал, и, что особенно приятно, в Сиэтле мне тоже хлопали.

– Господа! – снова взял слово Леша. – Я думаю, что для успеха нашей виртуальной вечеринки, чтобы не

было заседания правительства, я своим родственникам, которые сейчас в Сети, выслал адреса ваших компьютеров, и вы сможете при желании разбиться на группы по интересам. А я предлагаю перейти к танцам.

– Ива, разрешите вас пригласить, – неожиданно для себя произнес я.

– С превеликим удовольствием, – откликнулась Ива. – Только давайте перейдем на автономный режим и уединимся в танце от гостей Алексея Борисовича.

– Разумно, – сказал я и, ведя свой iPod, как даму, в ритме звучащего медляка вышел на оперативный простор. Ива тоже двигалась по помещению в ритме музыки.

– Ну и как вам живется в Америках? – спросил я.

– Неплохо в целом. Иногда, правда, тоска по России накатывает.

– Это неправильная тоска. Тоска, это когда в России тоска по России. А так у вас есть лекарство – сел в самолет – и через десять часов в Москве. А у нас куда бежать? От себя не убежишь.

– И что, часто в России тоска по России бывает? – спросила Ива.

– Редко, но бывает.

– Знаете, Вячеслав, вы мне очень нравитесь. Алексей меня когда-то подсадил на вашу музыку, и я теперь «наркоша». Пока с утра вас не послушаю, плохо себя чувствую.

– Вы, что ли, мне в любви признаетесь?

– Ну, может, не в любви, я даже не знаю, как это назвать... Вот вы такой далекий, седовласый мужчина, а я волнуюсь...

– Ива, вам с вашей внешностью – и быть неуверенной в себе?

– Да нет... В Америке чувство уверенности в себе прививают с малых лет. Я, наверное, вас придумала, и вы сейчас для меня нереальный человек.

– «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу»? – спел я кусочек популярной песни.

– Нет, не надо быть таким... Будьте таким, какой вы есть. Мне кажется, что в реальности...

– Это в реальности, – перебил я, – а сейчас мы в виртуальности.

– А можно я вас виртуально поцелую?

– И какое место мне приложить к камере?

– Неважно, чего-нибудь приложите, а остальное я додумую.

– Ива, а что, если нам сбежать с вечеринки Леши?

– О'кей, я готова. А куда мы рванем?

– У вас же в Сиэтле сейчас полдевятого утра, опять же весна. Вы где живете?

– Я с родителями живу на острове Вэшон, это...

– Знаю-знаю... Я был там. Мои американские друзья живут там. Ива, а что, если вы погуляете по острову...

– Вячеслав, вы знаете, я могу сесть за руль, я не пила, и прокатиться с вами до парома, а потом мы можем погулять по даун-тауну.

– А можно заглянуть на рынок. Когда-то на меня неизгладимое впечатление произвел рыбный базар.

– А я догадываюсь, о чем вы. Это группа парней, которые из торговли рыбой делают цирковые представления.

– Да-да... Они все еще торгуют?

– А вы когда были в последний раз в Сиэтле?

– Лет шесть назад.

– Ну, может, это другие «артисты», но на них ходят «зрители».

– Класс... А я вас прокачу по моей Москве. У нас скоро стемнеет, я люблю ночной город – меньше машин, и он так красиво подсвечен.

– Вячеслав, я видела, вы выпивали, не надо садиться за руль.

– А я и не собираюсь. Леша мне обещал «пьяного водителя», а потом, за рулем как бы я вам показывал мой город и любовался вами?

III

Мы тронулись одновременно. Ива взяла путь в сторону парома, предварительно укрепив свой iPod на торпеде автомобиля. Я со своим «пьяным водителем» тронулся в сторону Кутузовского проспекта, в сторону Парка Победы. Ни я, ни Ива не могли при движении автомобиля участвовать в нашей видеоконференции. Договорились выйти на связь у парома. Проехали по своим маршрутам, переговариваясь, как по телефону.

– Ива, – спросил я, – а что за странное имя ты носишь?

– А-а-а... Помнишь шутку, что нет такого слова, которое не могло бы стать для армянина именем?

– Шутку помню, но ты же не армянка.

– Я не армянка, но родители дали, вернее, бабушка по маминой линии дала мне такое имя в честь французского певца Ива Монтана. Бабушка была его поклонницей, а мама не могла ей отказать. Сначала я стеснялась своего имени, а сейчас привыкла и ношу его с удовольствием.

– Хочешь посмеяться? – спросил я.

– Давай! Что, анекдот?

– Нет, жизнь... В Кисловодске я столкнулся с одним доктором-армянином. Так вот его полное имя звучало: Симонян Коваленко Ашотович...

– Что, Коваленко – это имя? – смеясь, спросила Ива.

– Представь себе.

– С трудом... Это в тысячу раз круче, чем Ива... А как тогда будет отчество у господина Симоняна?

– Думаю Коваленковичи и Коваленковны...

– Да...

Мы некоторое время ехали молча, и я следил за изображением дороги на экране iPoda. Штат Вашингтон, где расположен Сиэтл, называют вечнозеленым, так как сосны, ели и секвойи являются основой его растительности.

– Э, ты там жива? Чего молчишь? – спросил я.

– Рулю. Ты обратил внимание, что мы перешли на «ты»?

– Обратил... Мне это даже нравится. А еще, я не очень представляю, как бы мы с тобой выпили на брудершафт.

– Конечно, как целоваться, нас уже научили...

– Да уж... Леша оказался выдающимся технологом.

– Знаешь, я думаю, что я найду романтическое место над заливом, и мы там и в твоём Парке Победы побеседуем, а если хочешь – поцелуемся...

– Какая ты, право...

– Какая?

– Насквозь эмансипированная... Взяла инициативу в свои руки...

– Ну, взяла... Ну хочется мне с тобой поцеловаться...
И что в этом плохого?

– Как же это называется? Любовь с первого online-взгляда?

– Да нет... С первого звука. Когда-то я влюбилась в тебя, услышав, как ты поешь...

– Интересно... Если бы ты была рядом, я бы, наверное, тебя остановил и начал бы морализм...

– Хватит моразмировать, Вячеслав. Или я девка нехороша?

– Что ты, что ты! Люба ты мне, люба.

– То-то у меня... А то про любовь на первом свидании. Меня мама учила, всегда держать с мужиком дистанцию. Но я думаю, ей и в голову не приходило, что боевые действия будут происходить на таком удалении друг от друга. Милый, ну распусти, пожалуйста, руки... Приласкай свою суженую.

– У нас с тобой какой-то секс по Интернету получается, – брякнул я.

– А мне даже нравится. Не надо никаких предварительных ласк. Дорогой, потерпи, я сейчас припаркуюсь.

Камера Ивы заметалась, и наконец я увидел хитрое лицо моей беглянки, которая зачем-то вышла из машины и открыла заднюю дверцу.

– Ты что делаешь?

– А ты хочешь заниматься сексом на водительском сиденье?

– Э-э-э... Ты вспомнила, что во всех американских фильмах этим занимаются на задних сиденьях?

– А ты, наверное, вспомнил, что в СССР секса нет?

– Ну почему же – нет?! Мы еще как выполняем наказ Путина и всюю размножаемся.

– Именно что размножаетесь, – сказала Ива и предприняла попытку стянуть с себя кофту. Попытка ей удалась.

– Ты хороша собой, – прокомментировал я действия моей инет-знакомой.

– И это все, что ты можешь сказать о моих достоинствах?

– Ива, знаешь, мне все это напоминает фильм «9¹/₂ недель», причем ты являешься атакующей стороной. Помнишь Джона в исполнении Микки Рурка, а я беззащитная жертва Элизабет?

– Меня это устраивает. Это у нас такие ролевые игры?

– Милая, мало того, что все это в режиме online, так еще и ролевые игры... Абсурд какой-то.

– Абсурд, абсурд... Чего ты, как дурак, сидишь одетый. Раздевайся.

– Не могу.

– Почему?

– Я не один, со мной «пьяный шофер».

– Пусть он будет третьим. Это так увлекательно...

– А в глаз?

– Дурашка, я тебя просто завожу.

– Знаешь, – решил я поменять тему разговора, – у вас в Америке придумали такую «единицу старения рок-музыканта» – «один Кит Ричардс». Помнишь, каким он был в начале эпохи «Rolling Stones» и каким стал в конце восьмидесятых? Так вот, если вспомнить меня тех времен, когда я записывал песни, которые тебе понравились, и посмотреть на меня сегодняшнего... Я думаю, что мне можно поставить полтора Ричардса, а то и один и семь.

– Забудь, ты все равно лучший, – сказала Ива, что-то с себя пытаясь еще снять.

– Ребята, Вячеслав, – услышал я вдруг голос моего шофера, – извините, у меня заказ горит, через десять минут я должен вас доставить домой.

– Поехали, – сказал я.

– Дорогой, ты меня не проводишь?

– Online, конечно, провожу.

Машина Ивы тронулась вглубь острова Вэшон, а мы повернули в сторону улицы Удальцова.

– Милый, – услышал я голос Ивы. – Мы же хотели съездить на рынок и посмотреть «Шоу продавцов рыбы».

– Я обязательно прилечу в Сиэтл, и ты мне его тогда покажешь.

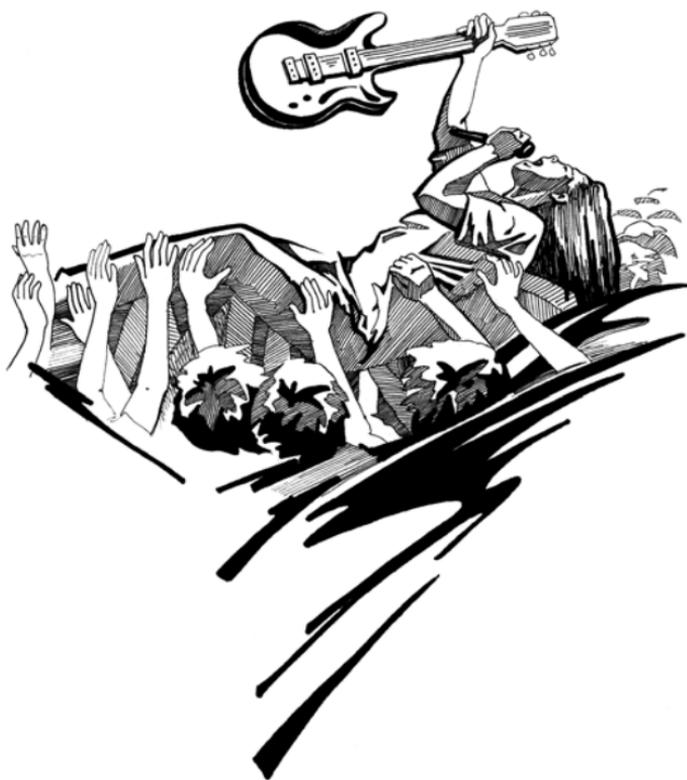
– А ты мне споешь, когда я прилечу в Москву? Лично мне!

– Конечно, о чем речь.

Ива подъехала к дому. Она каким-то образом в пути привела свою одежду в порядок и была при полном параде, когда глазок камеры выхватил ее изображение.

– Мне грустно с тобой прощаться. Может, все-таки зайдешь ко мне на чашечку кофе?..

ДЕЖАВЮ

Ночь моего дня рождения. Все спят, а я сижу у стола и мечтаю: какое бы я себе в качестве подарка дежавю пожелал? А вот и не знаю... Наверное, я неправильно делаю, что не сплю и не аккумулирую силы для сегодняшнего праздника с гостями и зрителями. Но это мои проблемы, и они никого не касаются. Мой день рождения, и будьте любезны быть моей свитой и сыграть короля, а я тем временем, как Манилов, помечтаю...

Хочу ли я яхту о семи палубах на комбинированном ходу? Раз – и ты под парусами, и «снова ветер запел

нам попутную песню». Или нет ветра, но ты включил движок и не зависишь от причуд погоды. Но, бог ты мой, сколько проблем: парковка судна, содержание команды, а главное – потеря друзей, которые могут не простить твой успех. А папарацци? Эти проникнут везде и всегда и сделают твою жизнь адом.

Женщины... А женщины превратятся в товар, который тебе попытаются впарить, и у тебя не будет сил отличить истину от фальшивки. И, конечно, жена, которая возненавидит все яхты на свете, меня, моих друзей и армию моих соискательниц. Стоп, стоп, стоп... Но яхта же не вписывается в схему дежавю! Ну не было яхты ни во сне, ни наяву! И не приходили на борт моей «белоснежной красавицы» Дидье Дрогба и Джон Терри из «Челси», а Александр Грин не спысывал «Алые паруса» с моей поездки в Феодосию в составе ансамбля «Пламя». Так что...

Дежавю с женщинами? Это можно, это бывало... Можно с одной, можно с несколькими... Ну почему вы сразу о групповом сексе? Просто в мое дежавю явились девушки из разного времени и из разных городов. Сколько? Больше двух, наверное, не стоит, ведь я уже не молоденький дяденька. А две? Ну, две так две... Плохо, конечно, что не соображу, как они меня, вернее, мою любовь делить будут. И непонятно, от кого из них у меня родится ребенок. Да и потом, в соседней комнате спит жена. Что ей-то мы скажем – что это ее сестры? Пошлятина какая-то...

Неужто не было в моей жизни ничего, что пожелал бы я себе в качестве праздничного дежавю? Было!

Начитался я в детстве Жюль-Вернов и Стивенсонов и скитался с их героями по Патагонии и Андам, заглянул на острова Полинезии и Новой Зеландии, спасаясь

там от кровожадных каннибалов и прочих хищников. Нет, я не мечтал быть моряком, но отправиться в путешествие на далекие материки и острова хотелось, хотя не очень верилось, что это может случиться. Но мечтам все-таки свойственно сбываться.

В семьдесят девятом году (я тогда служил в ансамбле «Пламя») наш художник Сергей Березин однажды принес благую весть: нас в составе официальной делегации Советского Союза отправляют на остров Мадагаскар с визитом дружбы в Мальгашскую республику для укрепления. На острове за пять лет до этого свергли деспотичных французских империалистов, и страна находилась на революционном подъеме.

– Я только что из их посольства, и у меня есть запись двух самых популярных на острове песен, – сказал Березин.

– Петро, Ирэн, – обратился он к Петерсону и Шачневой, – вы споете этот дуэт.

С этими словами Сергей включил магнитофон, и мы услышали очень приличную лирическую песню.

– Я заказал русский текст, к завтрашнему дню мне обещали его сделать, – продолжал наш шеф. – А ты, Малежик, споешь второй номер. То, как орет их певец, так проорать сможешь только ты. Мне сказали, что песня жутко популярная на острове. Вот тебе транскрипция слов – учи.

– Послушать можно? – спросил я.

– Нужно! – И Сергей Владимирович нажал на кнопку «play».

Из динамика раздался надсадный голос с очень мелкой вибрацией.

– О, за-ла-и-и-и-и-и! – орал мальгаш а капелла. После этого призыва вступили бонги, конго с разными

бас-гитарами и революционным хором, и песня шла своим чередом.

– Серега, а может, не нужно «Залаи»?

– Ты хочешь на Мадагаскар? И мы хотим. Учи!

И я начал учить. Выучить бессмысленные сочетания гласных и согласных (будь то мальгашский или финский язык) – дело трудное. Но дорогу осилит идущий. И я выучил революционный сонг, и мы его срепетировали с ансамблем. Мне не нравилось, но ради общего дела я наступил на горло своей песне.

– Сегодня мы прогоним мальгашские песни, – сделал предматчевую установку наш худрук перед очередным концертом в брянском цирке. Сначала Шачнева с Петром, а потом Малежик с «Залаей».

– Может, не надо прогона, все-таки полный цирк публики? – робко спросил я.

– Так у тебя блестящий цирковой номер, – поставил точку Березин.

Лирическая мальгашская имела несомненный успех. Березин погасил овацию зрителей и представил революционную песню борцов за свободу Мадагаскара против французского владычества. Зрители брянского цирка замерли в ожидании. Я вышел в центр арены и дурным голосом заорал:

– О-о-о, за-ла-и-и-и-и!

Секундная пауза с леденящей тишиной, затем вступили все, Ирэн даже чего-то там делала бедром, но это не спасло ситуацию. Провал был оглушительным. Зрители, по-моему, растерялись и даже не знали, что им делать. Я сбежал за кулисы с чувством неопишуемого стыда.

– Малежик, мы разок еще ее споем там, у них, и больше не будем, – утешил меня худрук. Я промолчал.

Через два дня мы в «Шереметьеве» готовы были к полету в Антананариву. Разговоры наши крутились около четырнадцатичасового перелета с посадкой в Одессе, Каире, Адене и Дар-эс-Саламе, что в Танзании. И только потом на Мадагаскар. С чьей-то «легкой» руки обсуждались возможности нашего захвата и подрыва делегации террористами из Анголы. И никого не смущало, что эта страна в другой части Африки. Мы были готовы к теракту психологически, и нас осталось только уложить лицом вниз на пол аэропорта.

В те годы интуристы затаривали себя спиртным под завязку, и поэтому продолжительность перелета не пугала. Что-то случилось с нашим яснокрылым лайнером, и мы еще дополнительные три часа проторчали в салоне Ил-62. В итоге аэропорт Антананариву нарисовался только через семнадцать часов полета. Дружеское застолье в самолете не утихало ни на минуту, и все спиртное практически съели. Взрослые мужчины-музыканты были пьяны от перелета и от предстоящей встречи с островом-сказкой. Щетина, проросшая на щеках и подбородке, завершала наш облик.

Торжественная встреча нашей делегации в порту столицы Мальгашской республики. Революционная молодежь и дети с бусами из орхидей в руках. Детки бросаются к нам навстречу и надевают орхидеи на шею пьяным миклухо-макляям.

Переводчик нам объяснил, что нас повезут в ЦК молодежной партии. Мы нестройными рядами пошли к автобусу. Тронулись и вскоре добрались до их ЦК. Большого многоэтажного здания мы не увидели. ЦК являл собой навес из тростника на четырех столбах по углам. Одинокая лампочка тускло освещала «помещения». Микрофон и непонятно как забравшийся

в такую даль «Redent-60» – аппарат производства Германской Демократической Республики – завершали убранство зала.

Вышел лидер революционной партии молодежи Мадагаскара и что-то по бумажке начал читать. Нам еще не успели перевести начало речи на русский, как в ЦК погас свет. В полной тишине и темноте вдруг стало слышно, как где-то неподалеку завывают собаки. Всем стало не по себе. Почему-то опять вспомнились ангольские террористы. Помню, я подумал: «Щас как рванет, и кишки по люстрам...»

По каким люстрам? Не важно... А еще почему-то вспомнился глобус: Мадагаскар, а где-то там на севере, еще дальше, чем Черное море, – Москва. И так не захотелось умирать на чужбине, что засосало под ложечкой. Но вскоре свет включили, и докладчик продолжил свою речь.

Наверное, не стоит вспоминать все впечатления о поездке: их кровати и мясо на вертеле и вообще «царский» прием, оказанный первой советской делегации. Были у нас поездки на прием к президенту Рацираке и в революционный детский сад. Об этом, может быть, в другой раз. А вот о концерте...

Мы собирались выехать на площадку, где должно было произойти представление, заранее, чтобы подготовиться. Так получилось, что я спустился в холл отеля первым, стоял, дожидаясь ребят, глаза по сторонам. Ко мне подошел швейцар – молодой статный парень, и мы разговорились по-английски.

- Ты музыкант? – спросил он.
- Да, гитарист, сегодня у нас концерт.
- Скажи, девочку хочешь?
- Как? Сколько стоит? – спросил я.

Мальгаш называет цену, я быстро перевожу ее в доллары и получаю семьдесят пять центов за ночь. Моему удивлению нет предела, и швейцар, наверное, неправильно истолковывает мое выражение лица.

– Знаешь, – говорит, – если ты споешь, то можно и бесплатно.

Я, ошеломленный, не сказав моему сутенеру ни «да», ни «нет», присоединяюсь к нашему коллективу и отправляюсь на концерт.

По дороге к залу, где мы должны были выступить, я разговорился с нашим гидом. Он разъяснил мне мотивации швейцара:

– Мы живем на острове. Мальгаши вообще считают, что они выходцы из Полинезии, и даже обижаются, если их называют африканцами. Но приток свежей крови ограничен, и поэтому поощряется связь с иностранцами, особенно выходцами из Европы.

Эта информация меня почему-то не вдохновила, и в итоге я не поучаствовал в процессе улучшения генофонда мальгашей – мою ДНК искать на острове не стоит. Концерт же в столице вызвал ажиотаж, и, дабы избежать инцидентов, принимающая сторона привлекла для охраны нашей делегации группу каратистов. Им с ходу пришлось продемонстрировать свое умение. Драка с «хулиганствующей молодежью» состоялась прямо в начале концерта рядом со сценой. Нам все это напоминало кадры из американских вестернов – наши победили.

Однако мне было не до драк. Я... я с ужасом ждал своего выхода с «Залаей». И вот этот миг наступил...

– Вперед, Малежик! – послал меня в атаку Березин.

Я вышел с микрофоном на край сцены, сделал паузу и в полной тишине заорал революционный клич. Весь зал, как будто всем в одно место одновременно воткнули шило, взлетел вверх, слившись в едином вопле восторга. Я от неожиданности забыл все слова, но петь мне уже было не нужно. Ядерная реакция была запущена, и порыв революционного народа остановить было уже невозможно. Зрители спели песню под наш аккомпанемент и устроили мне и «Пламени» овацию. Мы не единожды повторили «Залаю» на бис, и каждый раз мой вопль был спусковым крючком, запускавшим энтузиазм мальгашей.

Усталые, но счастливые, мы вскоре вернулись в СССР.

И вот сейчас я сижу и мечтаю о мадагаскарском дежавю: я кричу «За-ла-и» или чего-то там еще, а вся страна в едином порыве... Только непонятно, нужно ли свергать для этого колониальное владычество?

ОТЦЫ И ДЕТИ

*Подложили наседке змеиные яйца,
Удивляйся, наседка, горюй, возмущайся.
Ну и дети пошли, настоящие змеи,
Может быть, мы воспитывать их не умеем?*

*А змею посадили на яйца наседки,
У нее получились отличные детки,
Потому что змея относилась к ним строго.
До чего же ответственна роль педагога.*

(Ф. Кривин)

Когда-то еще во времена систематического изучения марксизма-ленинизма я изобрел для себя метод, как отвечать этот предмет строгим преподам. Ничего нового в этом не было, но мне во время ответа удавалось ввести принимающую сторону в заблуждение и даже какое-то время выглядеть серьезным, вдумчивым студентом.

Еще раз повторюсь и скажу, что ничего сверхъестественного я не придумал. Просто я заучил несколько цитат из работ основоположников и во время ответа, причем ответа на любой вопрос, я вставлял эти цитаты в свое повествование, раскрывая тему, указанную в экзаменационном билете. И часто мое ноу-хау срабатывало, и фразы, что «марксизм – это не догма, а средство к действию», а также что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно», добавляли вистов студенту, который осваивает не только автоматику и вычислительную технику, но и вообще гармонично развивается.

Так и теперь, во время интервью или концерта, когда заходит речь о воспитании детей или когда я пою для учителей, я вспоминаю Феликса Кривина и песенку, которую написал на его стихи. Еще есть цитата, опять же Кривина, что «ребенок – это стрела, выпущенная из лука, и ты уже не можешь что-либо изменить».

Мысль, почерпнутая, думаю, из «Домостроя», что наказывать ребенка ремнем надо, пока его можно положить поперек лавки, также демонстрировала мою начитанность. А недавно еще Виктория Токарева расширила мои познания в этом вопросе, сообщив, что «проблема отцов и детей возникает оттого, что дети думают, что мы уже не участвуем в биологиче-

ском процессе». И я высоколобо рассуждал о воспитании, цитируя «классиков» и размышляя о предмете, исходя из собственного опыта.

И сейчас, подводя предварительные итоги, могу сделать определенные выводы, хотя бы для того чтобы использовать свой опыт при воспитании внуков. Главное, надо с детьми больше разговаривать, вникая в их проблемы и понимая, что каждый из них личность, не похожая на других.

Когда рос наш старший – Никита, я появлялся домой лишь сменить чемодан и убедил себя, что моя работа на благо семьи будет хорошим воспитательным аргументом. А еще помнил, как моя мама мне говорила, что я должен быть лучшим и смогу это доказать. В итоге я подначивал Никиту и, как сейчас понимаю, рождал в нем не желание доказать, а неверие в себя.

– Ты меня так редко хвалил, мне этого так не хватало, – сказал, будучи взрослым мужчиной, Никита, когда мы говорили о воспитании уже его детей.

Но как найти правильное сочетание «кнута и пряника», не знаю. Может быть, почаще прислушиваться к Богу, что живет внутри каждого? Или... Не знаю. Поймал себя на мысли, что растить детей – это тоже творчество, которое обогащает тебя и может приносить великие радости.

Когда садился за написание моих размышлизмов, вспомнил разные детские книжки и первую из них – чудесную «От двух до пяти», написанную Корнеем Ивановичем Чуковским. Замечательные заметки о детях, о том, как они говорят и как живут-играют. Придумал даже название для своего опуса: «От двух до пяти строгого режима». По-моему, не-

плохо – тюрьма ведь воспитательное учреждение... Поразмыслив, решил, что мои воспоминания о детях, о моих детях, охватывают большой временной отрезок. И тогда вспомнились тургеневские «Отцы и дети». Удобно тем, что можно на классика свалить часть ответственности за то, о чем собираюсь рассказать.

Никитка и катер

Никита появился на свет, когда мне уже было тридцать. И все равно я до конца не отдавал себе отчет, что стал отцом. Моя инфантильность выплескивалась из меня со страшной силой и готова была затопить окружающих. Первого мая мы с Татьяной праздновали праздник международной солидарности трудящихся, а утром второго на такси я отвез жену в роддом на Шаболовку. У нее начались схватки, и стало быть появление первенца было не за горами. Не помню, кто мне сообщил, что совсем не обязательно ребенку маяться, если он родился в мае. Примета такая: если в день рождения малыша будет жарко, то судьба маленького будет счастливая. Причем чем жарче, тем счастливее. Второго мая 1977 года в Москве стояла солнечная жаркая погода. Термометр остановился на 27 градусах. На душе было радостно, и мы с моим другом Вовой Буре отправились в бассейн «Чайка» поплавать и позагорать. Праздничный день, отменная для начала мая погода – ликование переполняло организм.

- Вова, поехали Татьяну проведем, – предложил я.
- Поехали.

И мы рванули на Шаболовку. Мы приехали к больнице, был неприятный час, и нам отказали в свидании с любимой женой. В то время порядки были строже, лицо мое да и Володи еще «не работало», мужское обаяние тоже не пробило броню персонала роддома. И тогда, выйдя во двор больницы, я что было мочи, а мочь моя, закаленная рок-н-роллом, была еще какая приличная, заорал:

– Та-ня-я-я!

Я даже не орал, а пел, хотя серенадой это назвать было нельзя. Вроде и любимая есть, и окно любимой есть, но отсутствие гитары сбивало меня явно в другой жанр. Ни милиция, ни нянечки на мои вопли не среагировали, и поэтому мой призыв эхом летал по двору раз за разом. После шестого или седьмого крика к окну на третьем этаже согнувшись чуть ли не в три погибели, подошла наша роженица. Судя по ее рассказам впоследствии, она на время приостановила процесс появления на свет нашего первенца, чтобы жестами и активной артикуляцией прогнать нас с Володи из двора.

А вскоре я дозвонился до роддома, и мне сообщили, что у нас родился парень и параметры его выше среднего. По-другому и быть не могло, наш ведь сын, и его рост, вес и прочие IQ должны быть самыми высокими.

И мы начали его растить, постоянно сверяясь с умными книжками и радуясь, если он голову держать начал на целый день и два часа раньше, чем средне-статистический ребенок. Я все свободное время проводил с Никитой и отчаянно его дрессировал, пытаюсь подметить в нем черты вундеркинда. Количество песен и стихов о нашем маленьком, которые я сочинял, за-

шкаливало все разумные пределы. А Татьяна между кормлениями, отдав мне соответствующие указания, бегала в свой институт. И я как-то там пеленал Ника. Тогда еще не знали слова «памперс»... Я стирал его тушку, если случалось... В общем, был нянькой...

В тот день мне надо было между кормлениями дать Никитке чайную ложечку морковного сока. Я добросовестно получил целый стакан этого напитка и, наверное, вспомнив пословицу «кашу маслом не испортишь», скормил его сыну весь без остатка. Через полчаса Никитка стал оранжевого цвета. Я в ужасе начал звонить знакомым врачам, меня успокоили, сказав, что все пройдет и что больше так делать не надо.

– Дурак ты все-таки, Слава, – был приговор жены. – С мозгами у тебя...

Она не договорила, что у меня с мозгами, и я до сих пор мучаюсь в неизвестности.

А Никитка рос, ну, может, не так, как царь Гвидон, но все равно успехи были налицо. Вот он начал ходить, вот начал говорить, вот набил шишку. А как он славно путает словечки... И вправду, я хотел вести словарь Никиткиных высказываний и выражений, но что-то отвлекло, и сейчас в памяти всплывают самые яркие: «Мама, смотри как море бухует...», «Что-то хочется кехирчика».

Никитка был пироманом, и мог часами смотреть на костер или просто на пламя. А однажды в Гагре он был застукан, а ему было лет пять, за разведением костра на бочке с соляркой. Слава богу, все обошлось.

В Гагре же мой свояк Эльдар, в доме которого мы постоянной вплоть до войны жили все лето, зарабатывал деньги плотницким делом. И однажды Эльдар получил заказ сделать дорогой гроб «с буфетом».

Кто не знает, скажу, что это на Кавказе было особым шиком. Похоронить в гробу, где было отделение, куда закладывались бутылка вина, рюмки, какая-то закуска, было ну очень круто. Кто сказал, что мы не язычники? И вот Эльдар мастерит корпус будущего последнего пристанища богатого и уважаемого горожанина и рядом крутится Никита.

– Эльдар, ты что делаешь? – спросил наш старший.

– Катер...

Никитка тут же прибежал к нам и радостно общил:

– Мама, папа, Эльдар делает катер. Знаешь, такой красивый. Как ты думаешь, он нас на нем покатает?

– Если будешь послушным мальчиком, конечно, покатает.

И Никита с нетерпением ждал торжественный запуск гроба в плавание.

А Эльдар приступил к лакокрасочным работам – пора было сдавать заказ. Никитка, постоянно крутившийся рядом, однажды подошел к нам и грустно сказал:

– Знаешь, мама, знаешь, па, мне кажется, что Эльдар делает не катер.

– Почему, Никитка?

– Я не нашел, где у него будет мотор. Эльдар мне показал буфет, а про мотор ничего не ответил.

– А может, судно будет под парусами? – спросил я.

– Нет, все-таки это не катер. Жаль... очень красивый катер получился бы.

Никитка и чебуреки

Когда вышла песня «200 лет», она звучала из всех окон и всевозможных киосков Гагры. Отношение

местных ребят ко мне заметно улучшилось, и во мне все чаще видели артиста. Никитка эти перемены тоже отметил, но все равно я был для него папой, социальный статус которого его совершенно не волновал. Но он жил среди людей и понятия «достать» (имеется в виду что-то из материальных благ) и «решить вопросы» долетали до его сознания.

И вот однажды мы рванули погулять в Гагринский парк, знаменитый Гагринский парк с пеликанами и лебедями, с рестораном «Гагрипш» и многочисленными кафешками. В обед решили отправиться в чебуречную. Лето, сезон – очередь приличная, и мы послушно встали в ее конец. Время от времени к черному входу в чебуречную направлялись мужчины с характерной внешностью и с определенными жестами и мимикой лица. Через пару минут они отходили от заведения с блюдом, наполненным чебуреками.

– Мама, – вдруг услышали мы голос нашего сына, – пусть папа тоже пойдет и скажет, что он написал песню «200 лет», и «решит вопросы». Так хочется чебуреков.

Мы с Татьяной уставились друг на друга, решая, как нам быть, вернее, как мне быть.

– Славик, почему ты стоишь в этой очереди? Ты – наш гость, – услышал я голос незнакомого мне жителя Гагры. – Подожди, я сейчас решу все вопросы.

Мы вышли из очереди, и через какое-то время нас пригласили к столу, где кроме чебуреков стояла бутылочка «Эрети», лежали зелень, лаваш, а потом принесли еще и шашлыки. Короче, была иллюстрация известного анекдота «А будешь плохо учиться, будешь стоять в бесконечной очереди за шашлыками».

Но это была наша жизнь, и Никита должен был учиться летать и приобретать иммунитет.

Никитка и «мармеладный король»

При всей своей хулиганистости Никита рос мальчиком домашним. Мама для него была наседкой, которая прятала его от всяких житейских бурь, а зачастую выполняла еще и функции «папки», поскольку я колесил по стране, распевая песни вместе с ВИА «Пламя». На гастроли домой я приезжал не так часто, как того требует воспитание ребенка, и поэтому, возможно, воспринимался Никитой как артист в большей степени, чем впоследствии для младшего Ивана.

Стихи и песни, которые я придумывал для него, Никита воспринимал как данность. Действительно, если откуда-то берутся еда и одежда, почему оттуда же не появиться еще и песенке? Как мужчина, я все-таки сумел сына научить плавать и нырять, кататься с горки на санках и лыжах. А вот драться... Драться, если Никита и умел, то это его личная заслуга.

Что касается походов на концерты и в театр, этот компонент воспитания использовался сполна. Мама работала в Детском театре, и «Кошкин дом» с ее участием в роли Козы Никита отсмотрел не однажды. Когда были у меня дневные концерты в Москве, Никитка с Татьяной их тоже посещали. Причем эти концерты часто бывали во Дворце спорта с обилием зрителей, и наш сын держался за юбку мамы и не отходил от нее ни на шаг.

После успеха песни В. Мигули и М. Танича «Атыбаты», которую я аранжировал и спел, мне удалось познакомиться с Михаилом Исаевичем и рассказать ему, что я тоже придумываю песни. Он пригласил меня к себе в гости, где я спел ему «авторский концерт». Михаил Исаевич из всего услышанного отметил песню про

«Мармеладного короля» и предложил, оставив главную идею в силе, написать более доходчивый вариант для зрителей. Он это мастерски сделал и договорился с Володей Винокуром, что тот споет наше творение. Песня была записана и звучала в исполнении Винокура в разных детских передачах.

Пел ли ее Володя в концерте, не знаю, никогда не спрашивал. Главнее для меня как для автора было то, что Танич предложил Березину, нашему хударуку, включить песню в репертуар ансамбля. Березин не смог ему отказать, и песня надолго закрепилась в нашем репертуаре. Аранжировку опять же я делал сам, а спел эту сказочку Юрий Петерсон, обладавший несомненным артистизмом.

В тот день был праздник Пасхи, и ВИА «Пламя» по просьбе городских властей, дабы отвлечь народ от влияния церкви, пел концерт в одном из клубов столицы. Мы с Татьяной и Никитой, а также с супружеской парой наших друзей Григорьевых отправились на концерт.

Моя жена, которая была в курсе всех наших кулисных и закулисных дел, с интересом выслушала мой рассказ о том, что Ира Шачнева сделала себе новый сценический костюм из ткани, привезенной с Кубы. Ирен, которая обладала, несомненно, выдающимся бюстом, выходила на сцену в короткой яркой и торчащей в разные стороны, как листья пальмы, юбке, сверху было что-то облегающее и подчеркивающее с голыми плечами. Туфли на высоком каблуке завершали облик нашей сексу-певицы. Предвкушая концерт, женщины ожидали презентации нового костюма Шачневой, а я попросил Петерсона объявить о мальчишке, который находится в зале и которому посвящена песня про Мармеладию.

Мне было интересно, как Никитка поведет себя, когда его имя будет объявлено со сцены.

И был концерт, и народ отвлекли от празднования Пасхи, хотя почему нельзя было считать, что наши песнопения это тоже часть праздника? Иркин костюм, особенно у мужской части зрителей, имел несомненный успех. Татьяна с Никитой и с Григорьевыми сидели в пятом ряду, и со сцены их было хорошо видно. И наконец, наступила очередь «Мармеладной сказки». Петерсон объявляет песню и рассказывает о Никитке. Никита от смущения лезет под юбку матери и во время исполнения песни изредка оттуда выныривает, сверкая глазами.

Возвращаясь домой, дамы бурно обсуждали не концерт, конечно, а наряд нашей солистки. Вопрос решался – этично ли при таком бюсте выходить на сцену в таком откровенном наряде. Ирку сравнивали с нашими и зарубежными звездами эстрады и кино. Имена Пугачевой и Элизабет Тейлор, Ротару и Софи Лорен звучали в полный рост. Юра, муж Ларисы Григорьевой, молча курил и вел автомобиль. Мы с Никитой, вроде не слушая разговор, смотрели в окно на вечернюю Москву.

Когда приехали домой, Наташка, моя племянница, девочка на пять лет старше Никиты, спросила его:

– Никит, ну как, понравился концерт?

– Понравился...

– А что особенно понравилось?

И Никита, как-то по-своему прикартавливая, сказал:

– Ну там, про мармеладик, потом песня про скорпиончика и больше всего понравилась Пугачева в платье без бюстгальтера.

*Спи, Никитка, спи,
А перед сном проси,
Пусть мама пропоет,
Вот эту песню.*

Припев: *Баюшки-баю,
Никитку я люблю,
А с тобой всегда-всегда я буду вместе.*

*Спи, Никитка, спи,
Силы накопи,
Маму защити,
Коль папа где-то с песней.*

Припев: *Баюшки-баю,
Никитку я люблю,
А с тобой всегда-всегда я буду вместе.*

*Спи, Никитка, спи,
В жизнь скорей вступи,
Зашагаем мы с тобой
По жизни вместе.*

Зайчик Тук-Тук

Я уже говорил, что на младшего, а разница в возрасте между Никитой и Ваней тринадцать лет, у меня находилось значительно больше времени. Мы с ним играли в футбол и плавали, катались на лыжах, много разговаривали – в общем, дружили. Хотя песен и стихов про Ваньку у меня немного, но зато в устном творчестве я преуспел. Целый сериал можно было бы снять о взаимоотношениях героев моих сказочек, которые чуть ли не каждый вечер

я ему рассказывал. Сейчас я очень жалею, что не записывал перипетии главных героев моих повествований. Могла бы получиться увлекательная история с продолжением.

Три главных героя были на переднем плане моих рассказиков: мальчик Ванечка, зайчик Тук-Тук и Волк. Второстепенные герои – родители Ванечки, родители зайчика и всякие случайные прохожие. Сюжетная линия крутилась вокруг проказ Волка. Он то грядки на огороде папы и мамы зайчика разорит и сворует морковку и капусту (зачем они Волку, эти вопросы не обсуждались). То опять же наш хулиган разорит домик декоративных курочек и петушков на даче у родителей Ванечки... Но все это без живодерства... Ни одной курочки не было съедено... Все морковки были возвращены, а все почему? Ванечка и зайчик Тук-Тук доблестно противостояли шкодам Волка и всегда изобретательно наказывали его. И бедный хищник попадал либо под обстрел шашками, который устраивали спрятавшиеся в засаде Ваня и Зайчик, либо Волк влетал в волчью яму, устеленную крапивой. Но опять же все обходилось без летальных исходов: ну синяк под глазом, ну попка вся в волдырях от соприкосновения с крапивой. И все... А завтра Волк снова готов хулиганничать, а Ваня и Тук-Тук самоотверженно отражать...

Ванька рос, и все труднее было придумывать истории, в которые он мог бы поверить. Он достиг такого возраста, в котором я уже не верил в деда Мороза и Кощея Бессмертного. И однажды я, выбившись из сил, решил закончить сериал... Наверное, в тот день я хворал мозгами, потому что, когда Ванька спросил, как там дела у зайчика, я ответил:

– Ты знаешь, его подстрелили охотники, и из него сварили суп...

Заболевание мое было, видно, серьезным, потому что я не просчитал последствия фразы, которая вылетела из моих уст.

– Ты знаешь, – сказал мне недавно Иван, – я целую неделю плакал, когда ты мне поведал, что из зайчика Тук-Тука сварили суп.

Что сказать в свое оправдание? А что тут скажешь? Дурак ты, Малезик...

Иван намба ван

Не сумев победить упрямство старшего сына и посадить его на музыку, хотя определенные дарования у Никиты наблюдались, я решил Ваньку не мучить занятиями игрой на инструментах. Своими методами обнаружить у Ивана слух мне не удалось. Роза Петровна, которая была очень приличным педагогом, тоже музыкальных данных у сына не обнаружила. И мы с женой решили, пусть они два раза в неделю с Розой Петровной играют и слушают музыкальную классику и развивают его духовно.

А еще у Ваньки было страстное желание актерствовать, и это у него получалось и доставляло ему немалое удовольствие. В школе, где он тогда учился, был драматический кружок, и в маленькой роли принца наш сын преуспел. А потом в школе решили сделать музыкальный спектакль о животных. Иван не прошел, как сказали бы сейчас, кастинг, и его не пригласили репетировать. Мне позвонила директор школы и спросила – не мог бы я поучаствовать в спек-

такле, если, конечно, у меня есть песни о животных. Я ответил, что песни есть, но мое условие – занятость Ивана в представлении.

– Но он же совсем не умеет петь, – растерялась Елена Болеславна.

– Я с ним все выучу и даже сделаю фонограмму.

Мы ударили по рукам, и я дома сообщил Ваньке радостную весть.

– А что я спою? – спросил он.

– У меня есть старая песня «Дятел». Ты ее споешь, как птичка из мультфильма про Простоквашино, помнишь, «Кто там? Кто там?».

– А почему?

– Мне кажется, нам так легче будет спрятать твои недостатки и неопытность в пении.

– А когда мы начнем репетировать?

– Сейчас я созвонюсь с Виктором Шаповаловым, и мы приступим.

– А какая будет вторая песня?

– Давай запишем хотя бы одну.

Через день мы были в студии Виктора и приступили к записи. На удивление все прошло гладко. Шаповалов сказал, что у Ваньки оригинальный тембр и стоит попробовать записать что-либо еще. Я предложил записать что-то простенькое из того, что я когда-то придумал. Иван обрадовался, и мы выбрали «Все мне кажется» и «Наташку».

Получилось так, что у меня не было времени, и мы приехали в студию неподготовленными. И Ванька спел... Когда я показал Татьяне результат нашего труда – песню «Все мне кажется», у нее на лице застыла улыбка, и мы прослушали трек несколько раз.

– Вот, сучок, откуда у него это? – сказала мама.

– Что – это? – спросил я.

– Да вроде ребенок поет, но какой-то уж больно искушенный ребенок.

– Тлетворное влияние Запада... Откуда же еще?

А «Наташка» у нас не получилась. Мы на нее махнули рукой и стали думать и мечтать... Иван, который рядом со мной наслушался рок-н-ролла, был поклонником Элвиса, Чака Берри, Литла Ричарда. Он мечтал о том, как было бы здорово... Я что-то талдычил о творческом лице и что надо свои песни делать.

И вскоре сын принес текст песни и сказал, что это он придумал.

– Ты хочешь это спеть? – спросил я.

– Мелодии же нет... – ответил Ванька.

– Может, у меня получится?

– Я был бы рад.

И мы окунулись в реку творчества. Виктор Шаповалов и его однофамилец Валера Шаповалов поучаствовали в записи новых песен. Иван забыл о школьной самодеятельности и всю старался на записях и дома в сочинительстве. У нас получалось.

– Папа, я придумал новую песню. Не только слова, но и мелодию.

– Давай я возьму гитару, и мы попробуем все это оформить.

Это был новый этап становления сына как сонграйтера. И понеслось... Через некоторое время он пришел и сказал:

– Знаешь, я на этой записи понял, какая это все же тяжелая вещь – быть певцом. Я тебя еще больше зауважал.

– А я с тобой подружился, коллега.

– Если бы мы выпустили пластинку, – продолжил коллега, – то я даже придумал название...

– И какое?

– Иван намба ван.

– Номер один... Несколько самонадеянно, хотя звучит очень звонко.

– Я даже графику, логотип придумал.

– Ну говори.

– Я нарисую...

Он нарисовал, и я увидел – $\uparrow\sqrt{@'n}№1$.

– Знаешь, для того чтобы выпустить диск, надо дописать еще три песни. И еще... Пластинку выпустить мы сможем, но чтобы ее раскрутить, нужно много денег. Поэтому вселенской славы ждать проблематично. Ты готов?

– Я? Да, готов.

И пластинка вышла, и были злобные отклики в Интернете про избалованных детей известных людей, которым родители делают жизнь шоколадной. Жесткость пользователей Интернета не знала предела, и мне нужно было собрать всю свою волю в кулак и преодолеть это критиканство. Мы беседовали, и Ванька выстоял и пошел к новым музыкальным далям, освободившись от поводыря в моем лице. Изредка он сверяет свой курс, прозваниваясь из своего далека. Мои сомнения его расстраивают, но он продолжает смело торить свой путь.

Иван и анекдоты

Следуя традиции, принятой на Кавказе, давать детям немного хорошего вина в раннем возрасте, а

также заветам моей матушки, что первое спиртное дети должны попробовать под присмотром родителей, а не где-то там в подворотне, Иван первый раз вино – домашнее вино из погребов моего свояка Эльдара – вкусил еще в дошкольном возрасте. Спиртное не было для него запретным плодом, и поэтому к совершеннолетию он, в смысле потребления винно-водочных изделий, пришел скорее целомудренным, нежели «опытным» мужчиной.

А секс-информация? Что-то я объяснял, что-то он постигал сам в общении со сверстниками и с телевизором. О степени познаний Ваньки в этом вопросе я судил, например, по тому, как он реагировал на разные анекдоты, когда его не получалось отогнать от нашей компании. Вообще, младший в свои ранние годы, которые А. Горький назвал «Детством», был активным потребителем анекдотов. И после того как закончился сериал про зайчика Тук-Тука, Иван постоянно приставал ко мне с просьбой рассказать новый анекдот. Однажды Иван сам выступил в роли рассказчика:

– Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось жить?

– Ку...

– Почему так ма...

Выслушав этот опус, я понял, что Ванька парень сообразительный и сможет понять достаточно тонкий юмор хороших, подчеркиваю – хороших, анекдотов. Я знаю большое их число, но вскоре все те, которые я имел право рассказать ребенку, закончились. Сборники анекдотов не помогали. Незашлакованная память Ивана быстро вычисляла бородатую особь.

И тут подоспела помощь. Меня пригласили на съемку передачи «Анекдот, анекдот», что снимали

в концертном зале «Россия». Мы посоветовались с женой и решили взять Ивана на концерт. Главный концертный зал страны, телевизионная съемка... Никто со сцены не позволит себе ничего пошлого, решили мы. И семья в неполном составе отправилась в «Россию». Мы разделились – я пошел за кулисы готовиться к съемке, а Татьяна с Иваном – в зал.

Рассказчики сменяли один другого, анекдоты выдерживали формулу +12, и вдруг одна наша известная певица рассказывает:

– Встречаются два сперматозоида, один маленький, другой – взрослый и опытный.

– Научи жить, – обращается маленький к пожилому.

– Значит так, – отвечает наставник, – когда дадут старт, ты должен рвануть вперед и, невзирая на трудности, прибежать к финишу первым. Тогда у тебя будет шанс оплодотворить яйцеклетку и сохранить себя в потомстве на века. Понял?

– Понял.

Дали старт. Маленький рванул вперед и, преодолевая все препятствия и темноту, прибежал к финишу первым.

– Здравствуй, яйцеклетка, – прокричал сперматозоид-юниор.

– Я – не яйцеклетка. Я – кариес, – был ответ победителю.

Вот такая пошлятина. Смешно? Пожалуй, смешно, но опять же повторюсь, пошло. Но не об этом рассказ.

В это время в зале между Татьяной и нашим сыном происходит следующий разговор:

– Мама, а кто такой сперматозоид?

– Отстань, кончится концерт, спросишь у отца, – ответила педагог и по совместительству мама, надеясь,

что Ванькина любознательность потухнет к концу представления. Но не тут-то было.

– Папа, кто такой сперматозоид? – спросил он, когда увидел меня по окончании съемки.

– Сынок, – приторным голосом начал я объяснять урок, – в жизни есть два начала – мужское и женское. Сперматозоид олицетворяет мужское, а яйцеклетка – женское.

– А-а, знаю... А когда они встречаются, получается детеныш.

– Правильно, – удовлетворенно вздохнул я.

– А кто такой кариес?

– А это, Ваня, такая болезнь зубов, – объяснила мама.

– А как же он туда попал? – в ужасе спросил Ванька и надолго задумался...

Но это не конец истории... Прошло года два после этого концерта, и однажды, придя домой после школы, раздеваясь, Ванька хитро взглянул на меня и сказал:

– Папа, а мне объяснили анекдот про кариес...

– Ну, теперь ты взрослый, сынок, – ответил я, – может, ты мне объяснишь тут одну вещь, а то я не совсем понимаю...

Дети росли, и мы с женой вместе с ними учились жизни. Они читали книги, которые мы им рекомендовали, а потом уже я, подсмотрев, что читает Иван, брал в руки ту же книгу, чтобы была возможность ее потом обсудить. Сначала это были «Диалоги» Монтеня – прочитал с удовольствием. А потом, к своему ужасу, обнаружил в руках у него Кафку... Облегченно вздохнул, когда Ванька сказал:

– Что-то меня Кафка не увлекает...

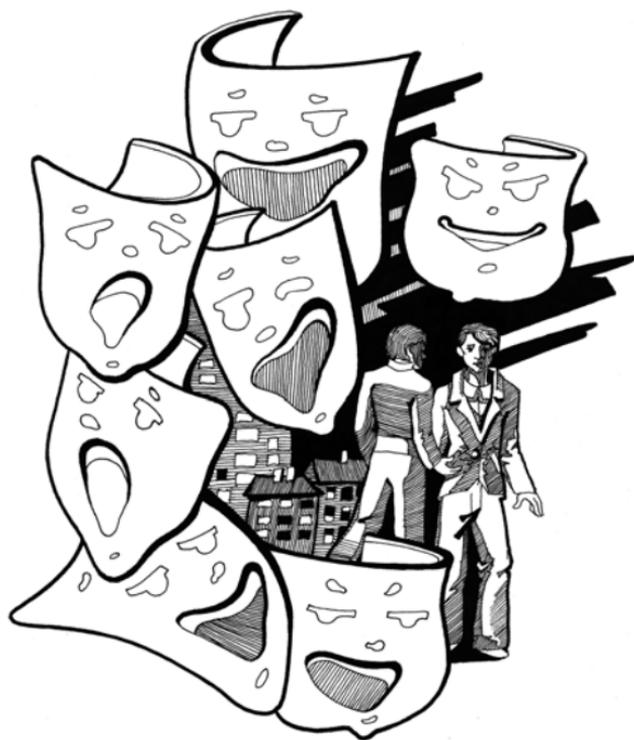
– Не переживай, я тоже его не сумел прочитать.

Расстраивало, когда Ваня начал выходить на сцену не под своей фамилией, а под псевдонимом... Но принял это, потому как понял: он хочет, чтобы его не обвиняли, что он продвигается за счет папеньки.

А сейчас начался новый цикл, и уже внушки радуют и огорчают, наполняя жизнь извечным смыслом. Вроде как моя известность – привычная среда обитания, и их не должны удивлять успех деда и бабки. Но у них свой мир... И вот младшая устраивает скандалешник, увидев меня в клипе с посторонней красивой тетей, а старшая Лиза была застукана, когда хвасталась перед подружками:

– А про меня дедушка написал три песни...

СТИХИ

*Писать стихи, да на рекламе водки...
А как мне быть, коли бумаги нет?
Причем стихи-то о любви, а сотка
Способствует любви, вот мой ответ.*

*Ну, может, не любви, а лишь процессу,
Что называют «taking love».
А «Камасутрой» закусить, пусть пресса
Тогда решает, кто был прав.*

*И нет страшилок кривоногих,
Нет слишком толстых и худых.
И секс твой яркий, острый, долгий,
Ваш ход, мужчина, что же, ходи.*

*И рад я, что реклама водки
Попалась в руки мне сейчас.
Что за удачная находка,
Секс – как закуска! В добрый час!*

Ночь на 7 января 2013 г.,
рейс Москва–Кемерово

*Я вылил на бумагу
Дурное настроенье,
И, право, полегчало.
Такой вот опохмел.*

*Читать меня не надо
Хандра коварной тенью
Гуляет по квартире,
А я за завтрак сел.*

*Я хотел на себя смотреть
Твоими глазами.
Удивляться фигуре и цвету волос.
Но две тыщи тринадцатый год,
И твоими устами
Пить бы мед, а я в песне пророс.*

*И я пел о любви, вспоминая Хрущева,
Первый вздох, первый взгляд, поцелуй и ваще...
Ты и я на Лесной, в переулках, в трущобах,
Вот такой черно-белый ретро-сюжет.*

*Очень жаль, что полвека, как миг, пролетели...
Эх, вернуться б разок в ощущениях назад.
Но в глазах Новый год, виртуальное лето,
И боюсь не вписаться в реалии... Да.*

Ты приходишь ко мне во сне

Ты приходишь ко мне во сне,
Я назначил тебе свиданье.
Я заснул, ты приснилась мне –
Этот сон заказал я заранее.

И я знал, что потом проснусь...
Глупый день, ожидание ночи.
Я боюсь, хоть по жизни не трус.
О любви сегодня ни строчки.

Я гоню этот сон и тебя,
Но пуста моя жизнь без сказки.
Ты – дурман с головы до пят,
Без тебя тускнеют все краски.

Как в застенках гестапо, пытал меня самолет.
Он выкручивал ноги могучими лапами
И мне спать не давал, а первый пилот
На посадку не шел, чтобы я добавлял текилой и граппою.

Чтоб свой путь коротать, как алкаш...
Вот ведь дурь, артист, ты не прав.
И никак тот процесс не рождает кураж –
Дно бутылки нашел, себя не познав.

*Правда ноги не крутит, под текилу стихи –
Нет лекарства реальней на свете.
Только руки не держат перо, и стройной строки
Не ищите, хотя я в ответе.*

*Я в ответе за тех, кого приручил,
Но причем же здесь «Маленький принц»?
А тем временем «Боинг» к стоянке рулил
Под немые вопросы встречающих лиц.*

*– Что за пьяный артист? Вячеслав, это вы?
– Это я, нет причин для тревоги.
Слава Богу, что утро, а значит, молвы
Избегу... Не будьте так строги.*

Ночь на 7 января 2013 г.,
рейс Москва–Кемерово

С. Дроздову

*Ты ушел от нас по-английски,
Не успел я проститься с тобой.
Дрозд – красивая синяя птица,
Зеркала на сегодня закрой.*

*Кто теперь споем нам о клене,
О любви и о жизни? Мой друг,
Кто теперь нашу душу тронет,
Замыкая жизненный круг?*

*И куда СМС отправить,
Чтобы точный найти ответ?
А для нас ты всегда будешь правым,
Наш Серега, Дрозд, Ясный свет...*

Будет солнце

*Глупая хандра хмурится дождем,
Тянет к небу свои руки...
И молчит прогноз; перемены ждем,
И куда же деться нам от скуки.*

*Льются слезы по стеклу ручьем,
Вот напасти – эти непогоды,
И неспешно мы беседу пьем
И читаем книги часто больше года.*

*Но смиренней стал я, что уж там таить,
Учит жизнь – не надо суетиться,
Ну, а дождик продолжает лить,
Глупо голову в стену биться.*

*Будет солнце, как ему не быть...
А пока подумаем о вечном
И умерим неразумну прыть,
Сделав новый ход, как всегда, от печки.*

Спасибо тебе за Лондон

Тренеру Алехно

*Как хотел бы иметь такого друга, как ты,
Как хотел бы с тобой пойти я в разведку.
Как хотелось однажды построить мосты –
От добра до добра и из Рима в Мекку.*

*И пусть старая истина будет права,
Что победа – дело команды,
И что тренер ответит всегда за провал,
А команде в Кремле заслуженно гранды.*

*Не грусти, тренер мой, что вельможи забыли.
Ты, как Наполеон, вел команду вперед.
А сердца у людей до сих пор не остыли,
Ты победой своей растопил вечный лед.*

*И мы видели, кто стратег той победы,
Жаль, что царь недопонял Who is who.
И спасибо тебе за Лондон, за лето
И за то, что уважил ты нашу страну.*

Прилетай ко мне в Сочи

*Сочилась ночная прохлада,
В Сочи в разгаре сентябрь,
И глупо звучала бравада,
Что я разлюбил тебя.*

*Побег от тебя на море
Успехов пока не принес.
Люблю я тебя, кто же спорит,
И верен, как старый пес.*

Припев: *Прилетай ко мне в Сочи,
А впрочем,
Напиши, позвони, прокричи.
Я люблю тебя очень,
Две строчки.
Умоляю тебя, не молчи.*

*Себя победить не сумел я,
Тебя победить, а зачем?..
И вновь о любви сладко пела гитара,
Как будто бы не было тем.*

*Взрывалось шампанским море,
Я пьян от тебя без тебя.
А в памяти «Старый дворик»
Я пел, как всегда, для ребят.*

Припев: *Прилетай ко мне в Сочи,
А впрочем,
Напиши, позвони, прокричи.
Я люблю тебя очень,
Две строчки.
Умоляю тебя, не молчи.*

За несколько часов до конца света, предсказанного мыслителями племени майя

*Мы не успели собрать все камни
И встать в очередь в церковь на исповедь,
Не успели сломать все рамки,
Что мешали так долго нам петь.*

*Апокалипсис отменили,
А планов на завтра не было.
Все беспорядочно ели и пили
И отдавались во власть либидо.*

*Но вместо конца света
Будет Новый год.
А это – примета,
Что счастье придет.*

*Что будет спичек в достатке,
А соли – хоть завались...
А будут мозги в порядке –
Все будет о'кей, зашибись.*

*Но холод такой – конец света.
Куда же глядит Гидромет?
Так все же дотянем до лета?
Двадцать на тридцать, что нет.*

*А может, жалеть все же спички?
И суп не очень солить?
И в Интернете все стычки
По-быстрому прекратить?*

*И привести в порядок
Бумаги в столе и мыслях,
А с желанием жить нету сладу,
Но сомнения все-таки грызли.*

Как сладко вспомнить

*Как сладко вспомнить,
Когда с тобою вспоминать
Готов твой собеседник до утра,
Не нужно объяснять,
И на щеке пусть вздрогнет
Случайная слеза, сейчас ее пора.*

*Как славно полететь в далекие те дали,
Когда понятен жест и верная душа
Поймет тебя без слов, а если вы устали,
Присядет по соседству, в волненье чуть дыша.*

*И здорово листать истлевшие страницы,
Наполнив содержанием занудливую жизнь,
Бродить по городам, встречать родные лица,
Но понимать, что это – всего лишь миражи.*

*Вернуться, приземлиться,
Друг другу улыбнуться,
Пожав в волненье руки
За сказочный полет,
И разойтись по норам,
Мечтая окунуться
В вино воспоминаний,
Подписывая счет.*

Можно дальше идти

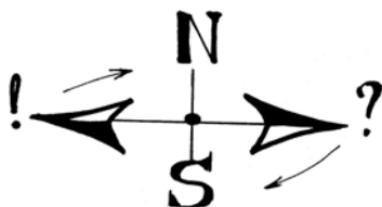
*Порой среди ночи проснешься
С чувством, что сбился с пути,
И разбегаются строчки
И мысли свои не найти.*

*И компас дикую пляску
Устроит по просьбе на бис,
И размываются краски,
И крылья усталые вниз...*

*А стая, как прежде, видит
В тебе вожака, и твой день
Расписан по нотам, ты – лидер,
И к черту всю дребедень!*

*Что снилось тебе этой ночью,
Что вера в сомненьи была
Кинжал твоей жизни заточен,
А прочее бла-бла-бла-бла.*

*Нащупал тихонько опору
И встал на нее «с той ноги»,
Примерил лицо, вздернул штору,
Ну, что ж, можно дальше идти.*

Поболтай со мною, Ангел

*Поболтай со мною, Ангел.
Что-то, право, одиноко
Мне с самим собою стало
Где-то далеко далёко.*

*Мое Я сейчас гуляет,
Вырвавшись из оболочки.
Где? Да толком и не знаю,
Раздвоился я, и точка.*

*Поболтай со мною, Ангел.
Говорят, ты – мой хранитель,
Или я не вышел рангом,
Чтобы был ты в моей свите?*

*Не хотел тебя обидеть,
Ты прости, я раздвоился –
Песня в небо улетела,
Ну, а я от рук отбился.*

*И сижу без рук, без песен,
О тебе стихи слагаю.
Поболтай со мною, Ангел.
Что мне делать, я не знаю...*

Я сбежал в свои стихи

*Я сбежал в свои стихи,
Чтобы захмелеть, забыться,
Чтоб от страха в них забыться,
До утра бы дотерпеть.*

*Пусть слова ложатся в мысли,
В мысли те, что не прокисли,
И неважно, что моралью
Не грешу я в тех стихах.*

*Слава Богу, есть бумага,
Ручка есть, мерцает лампа.
Не смотри, что суррогатом
Мысли те в моих устах.*

*Стихотрудотерапия
Посреди бессонной ночи.
Полегчало? Многоточье
Ставлю, я трах-тарарах...*

Разговор с фотографией

С. Дроздову

*Заскочил тебя поздравить с Днем рождения,
Мне сказали: «Его нет, гастрологи в небесах».
Улыбнулось твое фото: «День варенья,
А у нас аншлаг, увы и ах.*

*Ангелы поют со мною хором,
«Клен» звучит, его здесь знают все,
И Акулов* подпевает, он тут дома,
Левкин* заходил со мною спеть.*

*Главный менеджер звонил из преисподней,
Для чертей концерт отпеть просил,
Правда, говорят, там аппарат негодный,
Старый, битый «Динаккорд» и так фонит.*

*Что ж, поеду, это как у вас в тюрьме, чтоб воля
Душу не разрушила вконец.
В общем, при делах я, всем доволен,
Чуть скучаю, ну, а так я в целом – молодец».*

О Деде Морозе

*В Великом Устюге великие дела,
В Великом Устюге великие герои,
И не напрасно здесь родился Дед Мороз
И ледяной дворец на зависть всем построил.*

*В Великом Устюге семь месяцев зима,
В Великом Устюге берет свое начало
Тот длинный путь, что Дед Мороз, не зная сна,
Закончит в Новый год в Москве устало.*

* Ю. Акулов – автор песни «Клен», С. Левкин – участник ВИА «Синяя Птица».
Оба ушли из жизни.

Припев: Подарки для Кати, для Лизы,
Для Пети, для Саши сюрпризы.
Никто не забыт,
Никто не обижен,
А время спешит,
Новый год ближе, ближе.

В Великом Устюге великие дела,
В Великом Устюге встречаем Дед Мороза.
Он так устал в пути до крайнего села.
Что ж, отдохни чуток, ведь жизнь стихи и проза.

Проиграла любовь

Еще не затянулись раны,
Что запорошил снег зимой.
И кажется сегодня странным
Наш давний спор, наш давний бой.

Среди растаявших сугробов
Пробилась новая любовь,
И шепчет мне Весна: «Попробуй,
Забудь ее, начни все вновь».

Не ищи победителя –
Кто был прав, кто неправ.
Ну, а что удивительно,
В оправданье свое ничего не сказав,
Проиграла любовь.

Не ищи виноватого –
Кто был прав, кто неправ.
Не ищи победителя,
В оправданье свое ничего не сказав
Проиграла любовь.

Но хватит сил себе признаться,
Что в чем-то был и сам неправ,
И над собой смогу подняться,
Любовь и сердце не предав.

Не шевелится мысль

Не шевелится мысль в голове,
Не шевелится мысль между ног.
Если верить молве, то у буй, наверное, свой резон,
И он думал, как мог и как смог.

И каких только мыслей он мне не шептал,
И я мчался, порой сам не зная куда.
Пусть я жил и грешил и чего-то устал,
Но я знал, что усталость пройдет – ерунда.

Грешным делом писал, песни пел, соблазнял
Я страну чередою аккордов.
Только буй мой упал, верю, просто устал,
И лежу на диване с расквашенной мордой.

Буй не отдал приказ, и гитара грустит
В ре-мажоре фальшивое ля.
Я подстрою струну, и меня Бог простит.
За окошком рассвет... Ву-а-ля.

Жизнь на колесах

Я гастрологи свои ожидал
С нетерпеньем, в волнении, в тревоге.
Без любви мой движок обычно хворал,
Но любви мне сполна, слава Богу.

Я с гитарой гонял по стране,
Календарь в сотый раз на помойку.
Был я в кайфе, а то сатанел,
Но звучал я достаточно громко.

Припев: Жизнь на колесах, жизнь на колесах.
Без колес мне, право, не жить.
Все очень просто, все очень просто,
Чем бы только горло смочить.

*А теперь вот давление, сосуды,
Какая-то там еще ерундень.
И глотаю колеса, спиртное не буду,
Объяснять остальное мне лень.*

Припев.

Ученые врут (еще раз о Севере)

*Знаешь, ученые врут, раз Север, то тяжело.
Тяжело без тебя, остальное – порядок.
Телефон, Интернет, ночь, как день, и светло,
Ты сказала люблю, и со мною ты рядом.*

Гармонь с природой

*Как здорово, когда красоту
Мечтаешь ты открыть привычно.
И у причала твоя лодка
Готова в путь, ну и отлично.*

*Как здорово, что вновь зудит
Плечо, когда на весла лодки
Ты налегаешь, и твой вид
Волнует девицу, и кротко*

*Она взирает на тебя,
Влюбленно... Быть тому,
Ты бросишь весла... На кону
Честь ходока и ловеласа,
И ты желаешь ее страстно.*

*А утренний туман
Укроет вас от глаз сторонних,
И плеск воды у маяка
Нескромные заглушит стоны.*

*И тихо, тихо, как река,
Плывут смиренно наши годы.
Пусть манит берег моряка,
А я ищу гармонию с природой.*

*На даче, в домике напротив
Жила-была веселая семья –
Тарас, Светлана, дети, ну, а впрочем,
Детей всех ваших тоже помню я.*

*Как славно утром в дождь и холод,
Когда команда и Тарас
Идут все вместе в церковь или школу,
Улыбками приветствуя всех нас.*

*Дуня и Гриша,
Ульяна и Катя,
Света, Тарас,
Приветствуем вас!*

*Солнце, ненастье,
Жизнь – это счастье,
И дай же вам Бог,
В добрый час!*

*Пусть жизнь течет
По воле Божьей,
А дети, как оплот семьи.
И верим мы,
Что все ребята тоже
Своих детей
Научат жизни и...*

***В мамином домике
(про Катю)***

*В мамином домике
Жила-была сестричка.
Лыжи и ролики –
Веселые странички.*

*Ждали, когда она
Составит нам компанию –
Маме и папе,
Лизе и мне,
И, конечно, бабушкам
В сказочной стране.*

*В мамином домике
Как ты там живешь,
Где на чудо-пони ты
Скачешь и поешь?*

*Сказочки-песенки
Для большой семьи.
Мама, папа, Лизонька –
Это значит «мы».*

*И сыграем в пряталки,
Девочка, с тобой,
Ну, а может, в салочки.
Глазоньки открой.*

*Поскорее маму ты
Среди нас узнай,
Папу, Лизу, бабушку,
Дедушку и край,*

*Где родилась – вырастешь,
Деток родишь.
А пока что, девочка,
В маме своей спишь.*

*И не знаешь, что тебя
Терпеливо ждут
Лиза и родители.
Это тоже – труд.*

Ты играла, девочка

*Ты играла, девочка, в пряталки со мной
Девочка-припевочка, лучше песню спой,
Девочка-припевочка, лучше песню спой,
И прогоним грусть-тоску вместе мы с тобой.*

Припев: *Как ты любишь меня,
Как люблю я тебя,
Наша девочка, внученька, дочка.
Как мы любим тебя,
Не смехи подрастать,
Остальное читай между строчек.*

*В казаки-разбойники я с тобой играл,
И тебя, девчоночка, у тебя украл.
Не хозяйка, девочка, больше ты себе,
Девочка-припевочка, что в моей судьбе.*

Припев. *Но однажды молодец выкрадет тебя,
И споешь ты песенку, но не для меня.
И всплакнут от радости бабушка и дед.
Счастья, Катенька, тебе на много-много лет.*

*Свой последний листок потерял календарь,
Племя майя нас травит вьюгой и ветром.
Одиноко моргает старый фонарь,
И как жаль, что ты еще не долета.*

*Мы забились с тобой в нашу норку
И спасали друг друга от страха.
Мы обнялись, прижались, и сколько
Всех проблем разрешилось махом.*

*И пускай огрызались метели,
И в трубе бился узником ветер.
Мы друг другу на ушко пели,
Что тебя нет прекрасней на свете.*

*И тоска, не спеша, отплывала
К берегам далеким заморским.
Ну, а мы целовались, и мало
Было нам... Эх, еще б пару горсток.*

*И затих в удивлении ветер,
И метель попросила time out.
Мы смотрели киношку про лето,
Обнимаясь счастливо-устало.*

О караоке, фанере и натурпродукте...

*Зачем-то в дом купили караоке,
Как будто мало им меня.
Зачем со мною так жестоко?
Меня на фонограмму променять.*

*И все орут чужие песни,
Вот так со старожилом, нет, не в кайф
Весь вечер слушать мне нелестно,
Но что поделать – It is life.*

*И все певцы, и все всё могут,
А ты с гитарою – отстой.
А все девчонки – недотроги,
И тему, милый мой, закрой.*

*И на чердак свою гитару
Я утащил и был таков,
И дом наш караоке-баром
Мгновенно стал без лишних слов.*

*И все очки там набирали,
И шло веселье – зашибись.
А к трем часам там все устали,
А я чего-то сочинил.*

*И вот, когда уже все спали,
Я тихо спел, внимала тишина.
А мимо кто-то шел усталый
И отдохнул в преддверье сна.*

Верка

*Ты возила свои проблемы
За собой из страны в страну.
И не надо решать дилемму,
Что мешает всю ночь уснуть.*

*А потом привыкаешь,
Как будто так надо,
И проблемы, словно одежда,
Защищают от бед, оставляя надежду,
Что когда-то решатся, и ладно.*

*И сгибаются плечи от этой вот ноши,
И на следующей встрече не докричаться
До тебя, до души, а след запорошен,
И нет сил, и нет сил, чтоб собою остаться.*

*Ты опять уезжаешь, свою душу в котомку,
В косметичку уложишь беды-победы.
Я люблю тебя, знаешь, а новые ломки,
Как расплата за счастье, что рядышком с бредом.*

Песня

*Дальше, чем Уренгой,
Дальше, чем Салехард,
Среди Тундры – степи
Заполярный поселок.
А маршрут был простой –
Карачаевский тракт,
Все знакомо,
Как будто с пеленок.*

Припев: *Мы летели-ехали
И наконец приехали.
Заполярный край,
Заполярный рай.
Только я вернусь, так и знай.*

*И наш труд так важен стране,
И он пропечатан в судьбе,
Коль не я, кто тогда
Встанет на вахту.
А ты чуток подожди
Осень, слякоть, дожди.
А вернусь я к тебе
Карачаевским трактом.*

Припев.

*Край, где добывают тепло.
Край, где от любви так светло
(Запомни).
Новозаполярный – так элементарно,
Где все так понятно без слов.*

Задушить в объятиях

*Ты хотела меня задушить в объятиях,
Ты хотела, чтоб я был твоим навеки,
Ты хотела сжечь меня страстью,
Твои чувства, пойми, многоводны, как реки.*

*От любви к тебе я задыхался,
От любви к тебе потерял я дар речи,
От любви твоей я все чаще спасался
И боялся еще одной нашей встречи.*

*И любовью своей ты съела свободу,
И любовью своей ты съела пространство,
И я захлебнулся в поисках брода,
И от прежней любви лишь привкус остался.*

СТИХИ

*Ну, а ты все сильнее распялялась
И сжигала меня любовью-напалмом,
Я пытался чего-то, но тебе было мало,
И искал я себя одиноко-устало.*

*Не будет морали, не будет выводов,
Не буду искать я какой-либо выгоды.
Жизнь сама разрулит и развяжет мой узел,
За сим до свиданья, остывает мой ужин.*

М. Кожевникову

*Улетел ты на небо,
Нам подготовить плацдарм.
Миш, потерпи немного,
Мы заскочим к тебе, как встарь,*

*Выпить, спеть, потравить анекдоты.
Не хватает, Мишань, нам тебя.
Ты потерпи, всего и заботы.
Вот такая твоя судьба:*

*Ты открыл для нас Монтенегру,
Ты построил здесь дом,
Просчитал ты все верно –
Разрази меня гром!*

*И сидишь на седьмом ты небе.
Свесив ножки, смотришь на нас.
Твое облако, словно лебедь.
Ты на шутки всегда был горазд.*

*И как грустно, коль чистое небо.
Значит, где-то ты весь в делах
И за нас ты решаешь ребус
И опять просто так, не за страх.
Не бойсь, Макс прикроет всех женщин –
Тех, что ты любил на Земле,
А внимания больше всех меньшей –
Ей достался счастливый билет.*

*Опять грущу,
Когда услышу Нору Джонс.
Любовь была, что ярче тысяч солнц.
Был пьяным Джемете
И от любви, и от вина.
И ты была везде.
Сейчас лишь в долгих снах.*

*Наверно, в глубине души
Себе я строю памятник.
Но сил хватает, чтоб душить
Звездизм мой весь израненный.*

*Ирония еще жива,
Подковырнуть себя я в силах.
И рожа вроде не крива,
И слышу комплименты милой.*

*И пусть газеты не взახлеб,
И кое-кто забыл фамилию,
Словечко есть лихое «стеб»,
И над собой стебуть, коль в силах я.*

*Порой обидно, но фасон
Держу, пока я званьем мастер.
И коль иду я на поклон,
То отдается зритель страсти.*

*С какой я пел, с какой я жил,
А что молчат газеты, телек,
Не рвут в душе своейной жил –
А может, нет души в том теле?*

*Конечно, надеюсь,
Конечно, мечтаю,
И эго свое
Регулярно питаю.*

Себя убеждаю
Словом «потом»
И бьюсь головою
С расквашенным лбом.

Кате Дедюхиной

Тебя, будто «зеленый берет»,
Под Женеву учиться забросили.
Забыли родители, сколько девочке лет,
А ведь папа уже сам был с проседью.

И гордились они, что ты знаешь языки
И в друзьях «Адидас» и «Занусси»,
И не надо тебе делать втык,
Что ты носишь дурацкие бусы.
А по ночам ты прилетала
Домой,
Где мамино крыльцо.
И мама слезы вытирала
Тайком от папы,
И лицо
Светилось счастьем:
Наша Катя,
Ты лучше и красивей всех.
А папа дочку наставляет
Ох, знамо дело, на успех.
И Катя снова улетает
Туда, где новые друзья
И на озерах птичьи стаи
Птенцов выводят ... Э, Ю, Я.

Здесь двери всегда нараспашку
И русские песни звучат.
Цветут, словно в поле ромашки,
Улыбки на лицах девчат.

*Буренушка тут, как невеста,
Встречает гостей у ворот.
Найдется для каждого место,
Кто в сказочный терем войдет.*

*Русский двор, где русская душа
Навсегда сумеет отогреться.
Да чего ж закуска хороша..
И, как в детстве, радуется сердце.*

*Я построил корабль и назвал
«Русский двор»,
В дальний путь снарядивши его.
И плывет по волнам мой корабль
До сих пор,
Поднимая нам дух боевой.*

*Кругосветка и полюс нам по плечу,
Капитан знает точно маневр.*

*В вашем татаро-монгольском иге
Я не понял, кто хан, а кто так..
И решает Рамиль все проблемы мигом,
Не вникая – алтын, четвертак.*

*Был положен на кон.
Разве важно, что Лиля
Самолично сдавалась в плен
И с супругом которую милю
Одолела, и ей ведь не лень.*

*Любо дело на вас любоваться.
Вот ведь случай, что всех нас свел.
Жаль, что надо в гастроли сорваться,
А сегодня нас ждет пышный стол.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Диалог, который вполне мог произойти в нашей квартире после очередной моей попытке выйти во Всемирную сеть... ..	5
Горный король	10
Трудно быть первым... ..	51
Половинки	70
Как я сочинял детектив	118
Кино про любовь	134
Как мы сходили направо	154
Child of time	173
Кое-что о покрое брюк	182
Зорик	185
Как я снял порчу	210
Псевдонаучности	224
Колдунья	228
Плотина	259
«О’ШАЛЕЙ»	263
Любовь online	272
Дежавю	282
Отцы и дети	290
Стихи	311

Литературно-художественное издание

Малежик Вячеслав Ефимович

СНЕГ ИДЕТ СТО ЛЕТ...

Подписано в печать 06.08.2013

Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,80

Бумага офсетная.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

ЗАО «СВР-Медиапроекты»

125167, Москва, Авиационный проезд, д. 4а.

www.argumenti.ru